

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

№ 3 (62) 2021

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 3
(62)
2021

**Учредитель
и издатель:**
Российская академия
адвокатуры
и нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

**Заместитель главного
редактора**
Р.В. ШАГИЕВА

**Ответственный
секретарь**
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума
ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых
научных журналов
и изданий
для опубликования
основных результатов
диссертационных
исследований
на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(по праву).

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан
в 2000 г.

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-35106.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель – Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, президент РААН, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, член Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель – К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН;

Сопредседатель – Г. Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель – Ю. С. ПИЛИПЕНКО, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА);

М. М. БАБАЕВ, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. В. БАРАБАНОВА, заместитель директора института дополнительного образования, заведующая кафедрой правоведения Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ;

А. А. ВЛАСОВ, проректор РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. И. ВОЛОДИНА, проректор РААН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, кандидат юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий сектора международного права кафедры фундаментальных дисциплин и международного права РААН, доктор политических наук, профессор;

В. В. ГРЕБЕННИКОВ, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН, член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, доктор юридических наук;

В. И. ЕЛИНСКИЙ, заведующий кафедрой государственного и административного права Института экономики и права «МИРЭА – Российский технологический университет», доктор юридических наук, профессор;

Подписной индекс
в каталоге
«Газеты. Журналы»
Агентства «Роспечать» –
36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полуярославский
пер., д.3/5, стр.1.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail:
nauka-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Корректор –
О.Б. Дровосекова
Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Фото – В.Н. Алтабаев

Перепечатка материалов
без согласования
с редакцией журнала
«Ученые труды Российской
академии адвокатуры
и нотариата» не
допускается.

За содержание публикаций
авторов редакция
ответственности не несет.

© Российская академия
адвокатуры и нотариата,
2020

Подписано в печать
21.10.2021.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 11.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Клубная, 4-49.

В. А. ЖАБСКИЙ, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Ю. А. КРОХИНА, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

В. В. КУЛАКОВ, ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. Н. ЛЁВУШКИН, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. В. МОРОЗОВ, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор;

Н. г. МУРАТОВА, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Ю.А. СВИРИН, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академик РАЕН, Почетный адвокат России;

А. Д. СЕЛЮКОВ, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. А. ФАТЬЯНОВ, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Р.В. ШАГИЕВА, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Ф. БЕЛО, член Парижской коллегии адвокатов, доктор юридических наук (Франция);

А. В. БЕЛОКОНОВ, представитель Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии российских адвокатов в Австрии, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции (Австрия);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор;

М. Ч. КОГАМОВ, директор Научно-исследовательского института уголовно-процессуальных исследований и противодействия коррупции Университета КАЗГЮУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан);

Н. РУЙЕ, профессор предпринимательского права Школы Бизнеса Лозанны (Швейцария), доктор юридических наук, партнер адвокатской конторы СвиссЛигал – SwissLegal Rouiller & Associates Avocats (г. Лозанна, Женева и Фрибург);

М. УЛЬМЕР, доктор истории и культурологии (г. Тюбинген, Германия);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш, приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

- Г.Б. МИРЗОЕВ. О правовых основах сотрудничества стран – участников СНГ в сфере противодействия наркопреступности и некоторых мерах по их совершенствованию 5
- Ф.Г. МЫШКО, Р.В.ШАГИЕВА. Становление риск-ориентированной модели организации контроля (надзора) в сфере образования ... 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- В.И. АФАНАСЬЕВА. Экономические войны стран Западной Европы против России XX-XXI вв. 17
- А.В. АХМАТОВ. Законность в контексте правовых традиций Запада и Востока: историко-теоретический анализ. 22
- Г.Г. ГОЛЬДИН, И.С. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Правовое закрепление организации рабочего времени: из прошлого в будущее 33
- А.В. ЛОСЯКОВ. Товарищество как хозяйствующий субъект периода НЭПа: правовой аспект (1921-1929 гг.) 40
- Р.С. СОРОКИН. Юридическая ответственность в современном российском праве 44

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- С.А. БУКАЛЕРОВ, М.Б. МУРАТХАНОВА, В.А. ЧУКРЕЕВ. Квалификация склонения к совершению самоубийств несовершеннолетних в России и КНР 49
- В.Ф. ДЖАФАРЛИ. Цифровая оптимизация системы наказаний применительно к инновационной преступности. 54
- Д.В. МИРОШНИЧЕНКО. Безопасность общества и предупреждение преступлений 59
- С.Н. САВИНА, Р.С. ТАМАЕВ. Уголовный проступок и малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ). 66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- А.Н. БЕЛИКОВ, Е.А. БЕЛИКОВА. Правовые вопросы и их решение в связи с незаконным односторонним отказом заказчика от исполнения муниципального контракта, выраженного в неисполнении заказчиком встречных обязательств 71
- Н.А. МАШКИН, Д.А. ШАПОВАЛОВ, А.И. ПРОКОПЬЕВ. Правовое регулирование частноправовых публичных договоров и управленческих актов в современных условиях 76
- Н.П. СЕДОВА, С.В. ЩЕТИНИНА, Ю.Е. КОНЮХОВА. Гражданско-правовое понятие и природа сделки. 80
- В.А. ФОМИН. Правовые механизмы корпоративного контроля как обеспечения исполнения обязанностей 84
- Б.В. ШАГИЕВ. Некоторые коллизии внесудебного банкротства гражданина 87

ПРАВО. ОБЩЕСТВО. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

- А.П. АЛЬБОВ. Формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем на примере развития таможенной службы России. 91
- А.А. ВЛАСОВ, К.А. ТАТАРИНОВА. Феномен специальных административных районов в России как инструмент деофшоризации: правовое регулирование и перспективы дальнейшего развития 95
- Н.Н. КОСАРЕНКО. Реализация Национальной стратегии развития интеллекта в Российской Федерации 100
- И.М. РАССОЛОВ, С.Г. ЧУБУКОВА. Институт правового обеспечения оборота генетической информации: парадигма будущего информационного права 107

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- В.Ф. АНТОНОВ. Европейские ценности в нормативно-правовых актах ЕС 116
- В.В. ВАРМУНД. Теоретико-методологический анализ правосубъектности инвалидов в контексте статьи 12 Международной конвенции о правах инвалидов 119
- Ю.А. КРОХИНА. Ответственность за невозврат валютной выручки из-за границы: позиция судов и конституционные ценности 125

Трибуна молодых ученых

- Л.П. КОУЛИБАЛИ. Теоретико-правовые проблемы юрисдикции по электронным спорам 133
- Е.Н. СЕНИНА. Правовая природа медиативно-восстановительного подхода в разрешении уголовно-правовых конфликтов 138
- Т.И. ЮСИФОВ. Влияние экстраординарных факторов на условия признания сделки недействительной 143

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Недвижимое имущество в гражданском праве и сделки с ним» 147
- РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Размышления о гражданском процессе» 150

ИНФОРМАЦИЯ

- В свете событий 152
- Аннотация журнала на английском языке 161

CONTENT

TOP SUBJECT

- G.B. MIRZOEV. On the legal foundations of cooperation of the CIS member states in the field of countering drug crime and some measures to improve them 5
F.G. MYSHKO, R.V.SHAGIEVA. Formation of a risk-oriented model of the organization of control (supervision) in the field of education. 9

QUESTIONS ON THE THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- V.I. AFANASYEVA. Economic wars of Western European countries against Russia of the XX-XXI centuries 17
A.V. AKHMATOV. Legality in the context of the legal traditions of the West and the East:historical and theoretical analysis. 22
G.G. GOLDIN, I.S. VOZNESENSKY. Legal consolidation of the organization of working time: from the past to the future. 33
A.V. LOSYAKOV. Partnership as an economic entity of the NEP period: legal aspect (1921-1929). 40
R.S. SOROKIN. Legal responsibility in modern Russian law. 44

PENAL LAW. LAS ENFORCEMENT ACTIVITY

- S.A. BUKALEROV, M.B. MURATKHANOVA, V.A. CHUKREEV. Qualification of inducement to commit suicide of minors in Russia and China. 49
V.F. JAFARLI. digital optimization of the punishment system in relation to innovative crime. 54
D.V. MIROSHNICHENKO. Public safety and crime prevention 59
S.N. SAVINA, R.S. TAMAIEV. Criminal misdemeanor and minor act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) 66

CIVIL LAW. CIVIL PRACTICE

- A.N. BELIKOV, E.A. BELIKOVA. Legal issues and their solution in connection with the illegal unilateral refusal of the customer to fulfill the municipal contract, expressed in the customer's failure to fulfill counter obligations 71
N.A. MASHKIN, D.A. SHAPOVALOV, A.I. PROKOPYEV. Legal regulation of private-law public contracts and management acts in modern conditions 76
N.P. SEDOVA, S.V. SHCHETININA, Yu.E. KONYUKHOVA. Civil law concept and nature of the transaction 80
V.A. FOMIN. Legal mechanisms of corporate control as enforcement of duties 84
B.V. SHAGIEV. Some collisions of out-of-court bankruptcy of a citizen 87

LAW. SOCIETY. ECONOMY. INFORMATIZATION

- A.P. ALBOV. Formation of the institutional and legal foundations of complex digital systems on the example of the development of the Customs Service of Russia. 91
A.A. VLASOV, K.A. TATARINOVA. The phenomenon of special administrative regions in Russia as a tool of deoffshorization: legal regulation and prospects for further development 95
N.N. KOSARENKO. Implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation 100
I.M. RASSOLOV, S.G. CHUBUKOVA. Institute of Legal Support for the Turnover of Genetic Information: the paradigm of the future of information law. 107

INTERNATIONAL LAW

- V.F. ANTONOV. European values in EU regulations. 116
V.V. VARMUND. Theoretical and methodological analysis of the legal personality of persons with disabilities in the context of article 12 of the International Convention on the Rights of Persons with Disabilities 119
Yu.A. KROKHINA. Responsibility for non-return of foreign currency earnings from abroad: the position of the courts and constitutional values 125

TRIBUNE OF YOUNG SCHOLARS

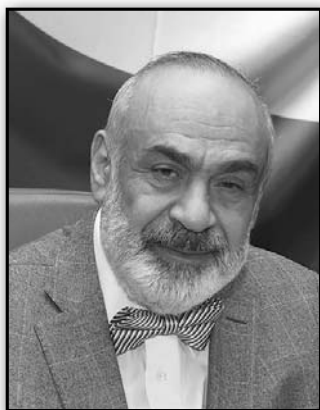
- L.P. COULIBALY. Theoretical and legal problems of jurisdiction in electronic disputes 133
E.N. SENINA. The legal nature of the mediation-restorative approach in the resolution of criminal law conflicts 138
T.I. YUSIFOV. The influence of extraordinary factors on the terms of invalidation of the transaction 142

BRIEFLY ABOUT BOOKS. CRITICS AND BIBLIOGRAFIJA

- REVIEW of the monograph "Real estate in civil law and transactions with it" 147
REVIEW of the monograph "Reflections on the civil process". 150

INFORMATION

- Events in RAAN. 118
Abstract of the journal in english 122

Г.Б. МИРЗОЕВ

О правовых основах сотрудничества стран – участников СНГ в сфере противодействия наркопреступности и некоторых мерах по их совершенствованию

АННОТАЦИЯ. На сегодняшний день нет ни одной страны в мире, которой бы не коснулась проблема незаконного распространения наркотиков. В условиях транснациональной преступной деятельности, процессов глобализации и укрепления международных преступных связей наивно думать, что данная проблема может быть решена на уровне отдельных государств. В статье рассматриваются правовые основы сотрудничества стран – участников СНГ в сфере противодействия наркопреступности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, СНГ, право, государственная политика, наркотизм.

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail advocat@gra.ru).

Наркотики – это проблема в целом мирового сообщества и отдельных регионов. Разобщение в борьбе с распространением наркотиков не имеет перспективы для улучшения положения в данной сфере. Преодолеть проблему можно только совместными действиями и усилиями, в том числе на уровне стран СНГ, поскольку в противном случае могут быть созданы реальные угрозы экономике, культуре, генофонду и безопасности населения.

Как справедливо отмечается в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия), «расширение глобального рынка наркотиков вследствие легализации использования каннабиса в рекреационных целях, появления новых видов наркотиков и формирования рынков их сбыта, увеличения объемов незаконного производства наркотиков на недостаточно контролируемых властями территориях, а также в зонах вооруженных конфликтов».

Понимание международного характера пробле-

мы находит поддержку в мировом сообществе и происходит необходимая интеграция стран в борьбе с наркопреступностью, включая взаимодействие правоохранительных органов.

В настоящее время создана уже достаточно внушительная правовая база международного сотрудничества в области противодействия наркопреступности, основу которой составляют Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Венская конвенция о психотропных веществах 1971 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

На региональном уровне, в частности в рамках СНГ, правовую основу противодействия преступности составляют Устав СНГ, Соглашение о сотрудничестве между Министерствами внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1992 г., Соглашение о сотрудничестве государств – участников по обеспечению стабильного положения

на внешних границах стран – участников СНГ, а также Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г.

Одним из первых актов, регламентирующих межгосударственное сотрудничество по противодействию незаконному обороту наркотиков, явилось Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г.

В основу этого акта положены все вышеперечисленные соглашения стран – участников СНГ.

Продолжением сотрудничества стран СНГ в данной сфере явилась Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ 2002 г, в рамках которой были реализованы специальные программы и планы взаимодействия стран – участников СНГ.

Антинаркотическая правовая основа продолжает развиваться, несмотря на сложившуюся внушительную правовую основу.

Основной проблемой правового взаимодействия стран – участников СНГ остается унификация материально-правовой базы отдельных государств в целях приведения их в соответствие с общими исходными положениями, принятыми в рамках соглашений и модельного законодательства. При этом модельное законодательство становится действительно востребованным, поскольку содержит нормы-рекомендации по отдельным вопросам уголовной ответственности, на которые странам следует ориентироваться в своем национальном законодательстве. Так, в целях ликвидации противоречий на национальном законодательном уровне представляются важными следующие документы: Модельный закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» 2006 г., а также Рекомендации межпарламентской Ассамблеи стран – участников СНГ 2009 г., определивших единый подход к минимальному, крупному и особо крупному размерам наркотиков и психотропных веществ. Также в соответствии с Рекомендациями следует повышать качественный уровень законодательств стран-участников для обеспечения потребностей правоприменительной практики и эффективности противодействия неза-

конному обороту наркотиков, ликвидировать наиболее существенные противоречия в законодательствах стран-участников (в частности, в области определения размеров наркотических веществ, за которые установлена уголовная ответственность) и обеспечивать тесную взаимосвязь законодательств стран-участников в рассматриваемой сфере.

Кроме правовой основы взаимодействия стран – участников СНГ важно также решать и проблемы организационного порядка. Для того чтобы правоохранители действовали эффективно, необходимо создавать единые организационные основы такого взаимодействия. Поскольку, если в некоторых странах существует проблема недостаточности материально-технической оснащённости ведомств, компетентных в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, общие усилия других стран по противодействию наркопреступности непременно ослабевают. Так, например, известно, что в 2016 г. в Киргизской Республике государственная служба контроля наркотиков была упразднена, полномочия которой были разделены между другими силовыми и несиловыми ведомствами. Такого рода примеры являются наиболее яркими и требующими создания единого правоохранительного подразделения с учебной базой и подготовкой соответствующих кадров, специализирующихся на противодействии наркопреступности в рамках СНГ.

Еще одной проблемой, непосредственно связанной с наркопреступностью, является организованная преступность. Как указано в Стратегии национальной политики в сфере оборота наркотиков, одной из угроз национальной безопасности в данной сфере является деятельность организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотиков, а также появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), усиление ими конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий.

Наркопреступность давно уже перешагнула национальные границы и стала одной из высоко-

доходных и самых распространенных областей транснациональной преступности. В настоящее время существуют два главных центра производства наркотиков – Афганистан (героин) и Южная Америка (кокаин). В настоящее время основной поток наркотиков в Россию идет из Средней Азии. Также в этом регионе действуют ряд транснациональных преступных групп, обеспечивающих как транзит наркотиков, так и распространение на территории и России.

Проблема незаконного оборота наркотиков, к сожалению, имеет ряд сложных вопросов, которые нельзя решить одновременно, а требуется целый комплекс, система мер противодействия как социального, так и организационного и правового порядка.

Во-первых, проблема наркотизма в России. Эта проблема довольно острая и затрагивающая национальную безопасность страны и всего мирового сообщества, решить которую, как было сказано, в отдельно взятой стране невозможно. Так, согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2019 г., на сегодня в мире 35 млн. человек страдают от расстройств, связанных с употреблением наркотиков, при этом число лиц, употребляющих опиоиды, оценивается в 53 млн. человек, что почти вдвое больше, чем в предыдущих оценках¹. Число лиц, употребляющих наркотики, ежегодно растет, что свидетельствует о нарастании прибыли и еще большему от этого желанию укрепления и обеспечения безопасности наркобизнеса. Организованные преступные группы на поддержание своего бизнеса идут на любые расходы, чтобы обеспечить дальнейшее свободное существование этой теневой отрасли.

Современная статистика показывает, что в России наркозависимыми являются около 8 млн. человек, 9 из 10 наркоманов используют инъек-

ции, россияне потребляют 20% героина от общего объема, находящегося в мировом обороте². Каждый год от наркотиков в нашей стране умирают около 70 тыс. человек³. Эти цифры не могут не вызывать тревогу, а проблема наркотизации от этого совершенно оправданно составляет угрозу национальной безопасности России.

Вторая проблема – это проблема географическая, которую можно определить как объективную причину распространения наркопреступности. Дело в том, что Россия привлекательна не только как рынок сбыта наркотиков, но и как территория для их транзита в другие государства Европы, Северной Америки и некоторые государства Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой части деятельность организованных преступных объединений становится наиболее весомой. Меры противодействия при этом должны носить комплексный стратегический характер.

Как представляется, для эффективной реализации Стратегии до 2030 г. необходимо предпринять усилия для повышения эффективности противодействия транснациональной организованной преступности. С учетом того, что любой бизнес, в том числе и основанный на незаконном обороте наркотиков, имеет под собой экономические основания, то следует в первую очередь учитывать зависимость предложения от спроса. Для сокращения спроса употребление наркотиков и их сбыт необходимо делать социально и экономически непривлекательными.

В целях повышения ответственности за отмывание доходов наркобизнеса значимо более широкое использование института конфискации имущества для лиц, причастных к наркоторговле.

В соответствии со ст. 1041 УК РФ конфискация представляет собой принудительное обращение в собственность государства на основании обвини-

1. Всемирный доклад о наркотиках за 2019 г. Управления ООН по наркотикам и преступности // URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2019/June/world-drug-report-2019_-35-million-people-worldwide-suffer-from-drug-use-disorders-while-only-1-in-7-people-receive-treatment.html.
2. Статистика наркомании в России и методы борьбы с ней // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fvashnarkolog.com%2Fnarco-faq%2Fnarcomaniya-v-rossii>.
3. Ефимова А.А. Подростки и молодежь в сфере незаконного оборота наркотиков // Проблемы науки. 2019. №11 (47) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-i-molodezh-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov>.

тельного приговора суда имущества или доходов от этого имущества, добытых преступным путем. В частности, п. «в» ч. 1 ст. 1041 УК РФ предусматривает возможность конфискации «денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

В соответствии с п. 1 ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «государства-участники принимают, в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем, такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: а) доходов от преступлений, охватываемых Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; б) имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, охватываемых Конвенцией». Аналогичное положение содержится в Конвенции ООН против коррупции⁴.

Данные конвенции предусматривают конфис-

кацию как вид наказания, но не как меру уголовно-правового характера по виду действующего в России законодательства в данной сфере. Как отмечают специалисты, с отменой конфискации как вида наказания превентивная роль уголовного закона значительно снизилась⁵.

Восстановление конфискации как вида наказания хотя бы применительно к участникам преступных сообществ (организаций) повысит предупредительный эффект уголовного закона, поскольку: а) карательный эффект иных мер уголовно-правового характера значительно уступает уголовным наказаниям; б) произойдет упрощение деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованной преступной деятельностью с точки зрения сосредоточения внимания на доказывании организованной преступной деятельности (организации и участия), а не вопросах преступного происхождения имущества; в) в законодательстве большинства стран конфискация установлена в качестве дополнительного вида наказания; г) введение конфискации соответствует международным нормам по борьбе с организованной преступностью, терроризмом, коррупцией, отмыванием денежных средств, полученных преступным путем и т.д.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ефимова А.А. Подростки и молодежь в сфере незаконного оборота наркотиков // Проблемы науки. 2019. №11 (47) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-i-molodezh-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov>.
2. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога: монография. М.: Проспект, 2017. 288 с.
3. Всемирный доклад о наркотиках за 2019 г. Управления ООН по наркотикам и преступности // URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2019/June/world-drug-report-2019_-35-million-people-worldwide-suffer-from-drug-use-disorders-while-only-1-in-7-people-receive-treatment.html.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Efimova A.A. Podrostki i molodezh' v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Problemy nauki. 2019. №11 (47) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-i-molodezh-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov>.
2. Ugolovno-pravovoe vozdejstvie / pod red. A.I. Raroga: monografija. M.: Prospekt, 2017. 288 s.
3. Vsemirnyj doklad o narkotikah za 2019 g. Upravlenija OON po narkotikam i prestupnosti // URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2019/June/world-drug-report-2019_-35-million-people-worldwide-suffer-from-drug-use-disorders-while-only-1-in-7-people-receive-treatment.html.

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. №26. ст. 2780.

5. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога: монография. М.: Проспект, 2017. С. 156.

Ф.Г. МЫШКО, Р.В. ШАГИЕВА

Становление риск-ориентированной модели организации контроля (надзора) в сфере образования

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка проанализировать неоднозначный процесс формирования риск-ориентированного подхода при организации и проведении государственного контроля применительно к деятельности образовательных организаций. Вопреки складывающейся на основе поручения Государственного совета РФ от 23 декабря 2015 г. Правительству России практики по снижению административной нагрузки на образовательные организации, в том числе путем сокращения мероприятий по контролю (надзору) в сфере образования, проводимой Рособрнадзором и не получившая должной итоговой оценки, летом 2021 года утверждено новое Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования, доктринальный анализ которого представлен авторами настоящей публикации. Как констатировано в статье, модель, определенная этими новеллами, принципиально отличается от той, которая была задумана и рекомендована Рособрнадзором изначально. Авторы предполагают, что дальнейшая правоприменительная практика покажет, в какую сторону будет развиваться новая система организации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственный контроль (надзор), риск-ориентированный подход, сфера образования, образовательная организация, плановые контрольные (надзорные) мероприятия.

МЫШКО ФЕДОР ГЕОРГИЕВИЧ – доктор юридических наук, доцент, директор института государственного управления и права Государственного университета управления (e-mail: fg_myshko@guu.ru);

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры частного права Государственного университета управления (e-mail: shagsas@mail.ru).

Сфера бюджетной, некоммерческой деятельности ранее не была предметом риск-ориентированного подхода. Однако происходящие в последние годы процессы в различных сферах деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления, направленные на совершенствование контрольно-надзорной деятельности, не могут не влиять и на изменение отношений к этим процедурам в сфере образования и могут стать хорошим аналогом для разработки и реализации соответствующих моделей с учетом особенностей объектов социальной сферы.

Первоначальная редакция статьи 93 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об образовании) устанавливала, что государственный контроль (надзор) в сфере образования включает в себя федеральный

государственный контроль качества образования и федеральный государственный надзор в сфере образования, осуществляемые уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные Российской Федерацией полномочия по государственному контролю (надзору) в сфере образования.

Под федеральным государственным контролем качества образования понимается деятельность по оценке соответствия содержания и качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам посредством организации и проведения проверок качества образования и принятия по их результатам предусмотренных мер.

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>.

Под федеральным государственным надзором в сфере образования понимается деятельность, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушения органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, и органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования, и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, требований законодательства об образовании посредством организации и проведения проверок органов и организаций, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений таких требований.

По итогам заседания Государственного совета Российской Федерации 23 декабря 2015 г. Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации было поручено принять меры по снижению административной нагрузки на образовательные организации, в том числе путем сокращения мероприятий по контролю (надзору) в сфере образования (подпункт «в» пункта 2 (абзац 2) перечня поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС)².

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации (далее – Рособрнадзор) во исполнение указанного поручения Президента Российской Федерации разработала и направила рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок (письмо от 29 августа 2016 г.

№ 02-343)³. Рекомендации включали первые элементы риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Рособрнадзор предлагал формировать единую, открытую и понятную для всех систему планирования выездных проверок, основанную на следующих принципах:

- своевременность реагирования на признаки возможного совершения правонарушений;
- неотвратимость наказания в случае выявления нарушений законодательства в сфере образования;
- обоснованность выбора проверки.

При планировании проверок рекомендовалось анализировать:

- данные, размещенные в региональных информационных системах об уровне образовательных достижений обучающихся (результаты региональных мониторингов качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ, национальных и международных исследований качества образования и других исследований);

- данные, размещенные в региональных информационных системах об уровне квалификации педагогических работников (результаты аттестации);

- результаты ранее проводившихся проверок;
- информацию и документы, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации должны быть размещены на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При формировании плана проверок и выборе субъекта контроля следовало учитывать следующие критерии:

- наличие или отсутствие нарушений, выявленных по результатам ранее проведенных проверок;

2. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143>.

3. Письмо Рособрнадзора от 29.08.2016 № 02-343 «О направлении методических рекомендаций по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок» (вместе с «Рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок») // URL: <https://online.consultant.ru>.

- исполнение предписаний, выданных по результатам плановых и внеплановых проверок;
- наличие или отсутствие обращений граждан по вопросам нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования;
- наличие сведений о нарушении законодательства Российской Федерации в сфере образования, поступивших от других органов государственного контроля (надзора), органов прокуратуры и др.;
- наличие положительной динамики образовательных достижений обучающихся, в том числе по результатам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ и др.;
- инновационная активность образовательных организаций;
- наличие или отсутствие вступивших в законную силу постановлений о привлечении к административной ответственности за нарушения законодательства в сфере образования.

Впервые на основании указанных критериев («критериев риска») было предложено сформировать три группы образовательных организаций (прообраз категорий риска в сфере образования).

Первая группа. Образовательные организации:

- показывающие стабильно низкие результаты на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ и др.;
- в деятельности которых ранее были выявлены нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования, включая грубые нарушения лицензионных требований;
- на деятельность которых неоднократно поступали жалобы и обращения.

Вторая группа. Образовательные организации:

- показывающие стабильный уровень образовательных достижений обучающихся на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ и др.;
- в деятельности которых не было выявлено грубых нарушений лицензионных требований.

Третья группа. Образовательные организации:

- показывающие стабильно высокий уровень образовательных достижений обучающихся на уровне среднерегионального, по итогам региональных мониторингов, исследований качества образования, государственных итоговых аттестаций, всероссийских проверочных работ и др.;
- в деятельности которых не выявлены нарушения законодательства Российской Федерации в сфере образования по результатам ранее проведенных проверок, имеющие высокую инновационную активность;
- на деятельность которых не поступали обращения и жалобы граждан.

При распределении образовательных организаций на группы:

- а) в первую группу включаются образовательные организации при наличии хотя бы одного из критериев, входящих в данную группу;
- б) образовательные организации, не подпадающие под критерии первой группы, но имеющие хотя бы один из критериев второй группы, включаются во вторую группу;
- в) образовательные организации, не подпадающие под критерии первой и второй групп, включаются в третью группу.

Периодичность проведения и форма проведения проверки определяются исходя из того, в какую группу включена образовательная организация.

В отношении образовательных организаций первой группы проводятся плановые проверки не чаще одного раза в 3 года.

В отношении образовательных организаций второй группы проводятся плановые проверки не чаще одного раза в 4 года.

В отношении образовательных организаций третьей группы проводятся плановые документальные проверки, периодичность которых составляет не чаще одного раза в 5 лет.

Результатами реализации такого подхода должны были стать:

- снижение общей административной нагрузки на образовательные организации со стабильно высокими показателями качества образования и низкой вероятностью нарушений. По мнению экспертов, применение риск-ориентированной

модели должно снизить количество проверок от 30 до 90 процентов, а отдельные категории бизнеса – совсем освободить от них⁴;

– повышение качества проведения плановых проверок;

– дополнительная мотивация образовательных организаций к повышению качества работы;

– высвобождение достаточного количества ресурсов для проведения органами контроля (надзора) в сфере образования профилактической работы по предупреждению и устранению нарушений обязательных требований. Прогнозировалось, что в результате применения риск-ориентированной модели сократится до 30% ревизоров, что позволит сэкономить 20% средств бюджета⁵.

Таким образом, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации с 2016 г. начала постепенно внедрять основные элементы риск-ориентированного подхода в системе образования, включая определение категорий риска, критериев, групп образовательных организаций, профилактических мер.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 997⁶ в развитие положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» утверждено Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования.

Государственный контроль (надзор) осуществляют Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие переданные Российской Федерацией полномочия по государственному контролю (надзору).

Контролируемыми лицами при осуществлении государственного контроля (надзора) являются организации, осуществляющие образовательную деятельность, и индивидуальные предпринима-

тели, осуществляющие образовательную деятельность, за исключением индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность непосредственно.

Объектами государственного контроля (надзора) являются:

– образовательная деятельность российских организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории Российской Федерации по образовательным программам высшего образования;

– образовательная деятельность российских федеральных государственных профессиональных образовательных организаций, реализующих на территории Российской Федерации образовательные программы среднего профессионального образования в сферах обороны, производства продукции по оборонному заказу, внутренних дел, деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, безопасности, ядерной энергетики, транспорта и связи, наукоемкого производства по специальностям, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации;

– образовательная деятельность российских организаций, осуществляющих образовательную деятельность, расположенных за пределами территории Российской Федерации, организаций, осуществляющих образовательную деятельность, созданных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, а также осуществляющих образовательную деятельность дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, представительств Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях;

– образовательная деятельность иностранных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по месту нахождения филиала на территории Российской Федерации;

4. Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22-27.

5. Егорова Н. Три года без проверок... // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия». 2015. № 29.

6. Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // URL: <http://pravo.gov.ru>.

– образовательная деятельность организаций, осуществляющих образовательную деятельность, зарегистрированных по месту нахождения (индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных по месту жительства) на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Учет объектов государственного контроля (надзора) осуществляется посредством:

– реестра лицензий на осуществление образовательной деятельности;

– государственной информационной системы «Реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам»;

– государственной информационной системы государственного надзора в сфере образования;

– федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»;

– иных государственных и региональных информационных систем путем межведомственного информационного взаимодействия.

Положение выделяет три категории риска.

Объекты государственного контроля (надзора) подлежат отнесению к категориям высокого, среднего и низкого риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Критериями отнесения указанных объектов к категориям риска в рамках осуществления государственного контроля (надзора) являются:

– критерий тяжести потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения обязательных требований:

а) деятельность организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность, за исключением индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность непосредственно, по реализации одной или нескольких основных образовательных программ, имеющих государ-

ственную аккредитацию образовательной деятельности (за исключением образовательных программ дошкольного образования, основных программ профессионального обучения), и (или) дополнительных образовательных программ, а также образовательных программ, направленных на подготовку слушателей и религиозного персонала религиозных организаций) (низкий риск);

– критерии вероятности несоблюдения обязательных требований:

б) образовательная деятельность контролируемых лиц при наличии обращения (жалобы, заявления), признанного обоснованным по результатам рассмотрения в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки или органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные Российской Федерацией полномочия по государственному контролю (надзору), от физических и юридических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, государственных и муниципальных органов и их должностных лиц, средств массовой информации, о фактах нарушения контролируемым лицом обязательных требований и (или) исполнения решений, принимаемых по результатам контрольных (надзорных) мероприятий в течение календарного года, предшествующего дате принятия решения об отнесении объекта федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования к определенной категории риска (средний риск);

в) образовательная деятельность контролируемых лиц при наличии вступившего в законную силу постановления о назначении административного наказания контролируемому лицу за совершение административного правонарушения в сфере образования, предусмотренного одной или несколькими статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁷: статьей 5.57, статьей 9.13, частью 1 статьи 19.4, статьей 19.4.1, частью 1 статьи 19.5, статьями 19.6, 19.7, 19.20 и 19.30, статьей 19.30.2 (в части сведений о выданных документах об образовании

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru>.

и (или) о квалификации, документах об обучении) в период 3 лет, предшествующих дате принятия решения об отнесении объекта федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования к определенной категории риска (средний риск);

г) образовательная деятельность контролируемых лиц при одновременном наличии критериев вероятности несоблюдения обязательных требований, указанных в пунктах «б» и «в» (высокий риск).

Отнесение объекта государственного контроля (надзора) к одной из категорий риска осуществляется контрольным (надзорным) органом в сфере образования ежегодно на основе сопоставления его характеристик с утвержденными критериями отнесения объектов государственного контроля (надзора) к категориям риска. В случае поступления от контролируемого лица в контрольный (надзорный) орган в сфере образования сведений о соответствии объекта государственного контроля (надзора) критериям отнесения объектов государственного контроля (надзора) к категориям риска иной категории риска контрольный (надзорный) орган в сфере образования в течение 5 рабочих дней со дня поступления указанных сведений принимает решение об изменении категории риска такого объекта.

Среди критериев оценки рисков образовательных организаций отсутствует такой, как масштабность возможных нарушений охраняемых законом ценностей, а именно: численность обучающихся. Эксперты полагают, что разработке концепции внедрения риск-ориентированной модели такая категория как «масштабность возможного распространения нарушений» следует учитывать⁸.

Исследователи обращают внимание на необходимость учета таких рисков, как безопасность образовательной среды. Причем авторы выделяют

не только безопасность внешних факторов при реализации образовательной деятельности, но и элементы безопасности внутри образовательных программ, т.е. сама образовательная программа и ее реализация должны предусматривать в себе возможные риски опасности для обучающихся⁹.

Изучение зарубежного опыта показывает, что критериями оценки рисков должно стать качество образования в его различных аспектах.¹⁰

В целях профилактики нарушений в сфере образования предусматривается проведение следующих мероприятий:

- а) информирование;
- б) обобщение правоприменительной практики;
- в) объявление предостережения;
- г) консультирование;
- д) профилактический визит.

Контрольный (надзорный) орган в сфере образования осуществляет информирование контролируемых и иных заинтересованных лиц по вопросам соблюдения обязательных требований, установленных законодательством Российской Федерации об образовании, в том числе лицензионных требований при осуществлении образовательной деятельности и требований, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, посредством размещения соответствующих сведений на своем официальном сайте «Интернет», через личные кабинеты контролируемых лиц в государственных информационных системах.

Контрольный (надзорный) орган в сфере образования ежегодно осуществляет обобщение правоприменительной практики и не позднее 30 апреля каждого года обеспечивает подготовку проекта доклада, содержащего результаты обобщения правоприменительной практики контрольного (надзорного) органа в сфере образования за пред-

8. Поветкина Н.А. О формировании концептуальных основ риск-ориентированного подхода в финансово-бюджетном контроле // Финансовое право. 2015. № 12. С. 15-17.

9. Сидорова Е.З. Риск-ориентированный подход в образовательной среде как приоритетное направление развития образования // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Материалы XXIV Всероссийской научно-методической конференции. М., 2019. С. 49-52.

10. Ehren, M. C. M., & Honingh, M. E. (2011). Risk-based school inspections in the Netherlands: A critical reflection on intended effects and causal mechanisms. *Studies in Educational Evaluation*. 37(4). P. 239-248.

шествующий календарный год и его размещение на официальном сайте для публичного обсуждения. Срок проведения публичного обсуждения составляет 10 рабочих дней.

В случае наличия у контрольного (надзорного) органа в сфере образования сведений о готовящихся нарушениях обязательных требований или признаках нарушений обязательных требований и (или) в случае отсутствия подтвержденных данных о том, что нарушение обязательных требований причинило вред (ущерб) охраняемым законом ценностям либо создало угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, контрольный (надзорный) орган в сфере образования объявляет контролируемому лицу предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований и предлагает принять меры по обеспечению соблюдения обязательных требований.

Должностные лица контрольного (надзорного) органа в сфере образования осуществляют консультирование контролируемых лиц и их представителей:

- а) в виде устных разъяснений на личном приеме;
- б) в виде устных разъяснений в ходе проведения профилактического визита;
- в) посредством размещения на официальном сайте письменного разъяснения по однотипным обращениям контролируемых лиц и их представителей, подписанного уполномоченным должностным лицом, в случае поступления 10 и более однотипных обращений контролируемых лиц и их представителей.

Консультирование контролируемых лиц и их представителей осуществляется по вопросам, связанным с организацией и осуществлением государственного контроля (надзора), в том числе с:

- а) порядком проведения контрольных (надзорных) мероприятий;
- б) периодичностью проведения контрольных (надзорных) мероприятий;
- в) порядком принятия решений по итогам контрольных (надзорных) мероприятий;
- г) порядком обжалования решений контрольного (надзорного) органа в сфере образования.

Контрольный (надзорный) орган в сфере обра-

зования проводит обязательный профилактический визит в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо путем использования видео-конференц-связи.

Контрольный (надзорный) орган в сфере образования предусматривает проведение обязательных профилактических визитов в отношении:

- а) контролируемых лиц, получивших лицензию на осуществление образовательной деятельности, — в срок не позднее чем в течение одного года со дня начала такой деятельности;
- б) контролируемых лиц, деятельность которых отнесена к категории высокого риска, — в срок не позднее одного года со дня принятия решения об отнесении объекта государственного контроля (надзора) к категории высокого риска.

При осуществлении государственного контроля (надзора) контрольный (надзорный) орган в сфере образования проводит следующие виды контрольных (надзорных) мероприятий:

- а) документарная проверка;
- б) выездная проверка;
- в) наблюдение за соблюдением обязательных требований (мониторинг безопасности).

Плановые контрольные (надзорные) мероприятия в виде выездных проверок в отношении объектов государственного контроля (надзора), отнесенных к определенным категориям риска, проводятся со следующей периодичностью:

- для категории высокого риска — один раз в 3 года;
- для категории среднего риска — один раз в 4 года;
- в отношении объектов контроля, отнесенных к категории низкого риска, плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся.

Плановые контрольные (надзорные) мероприятия в виде документарных проверок в отношении объектов государственного контроля (надзора), отнесенных к определенным категориям риска, проводятся со следующей периодичностью:

- для категории высокого риска — один раз в 3 года;
- для категории среднего риска — один раз в 4 года;

– в отношении объектов контроля, отнесенных к категории низкого риска, плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся.

Таким образом, первые попытки, первый опыт внедрения риск-ориентированной модели в сфере образования не увенчался какими-либо итоговыми выводами. Модель, определенная новыми законодательными актами, принципиально отличается от той, которая была задумана и рекомендована Рособрназором изначально. Дальнейшая право-

применительная практика покажет, в какую сторону будет развиваться новая система организации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования. Согласимся с авторами-исследователями вопросов внедрения риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в том, что новая модель потребует кардинального изменения действующего законодательства не только на начальном, но и на последующих этапах правоприменительной практики¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воцинский М.В. Осуществление государственного и муниципального контроля: защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. М.: Редакция «Российской газеты», 2020. Вып. 5. 144 с.
2. Егорова Н. Три года без проверок... // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия». 2015. № 29.
3. Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22 – 27.
4. Поветкина Н.А. О формировании концептуальных основ риск-ориентированного подхода в финансово-бюджетном контроле // Финансовое право. 2015. № 12. С. 15-17.
5. Сидорова Е.З. Риск-ориентированный подход в образовательной среде как приоритетное направление развития образования // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Материалы XXIV Всероссийской научно-методической конференции. М., 2019. С. 49-52.
6. Ehren, M. C. M., & Honingh, M. E. (2011). Risk-based school inspections in the Netherlands: A critical reflection on intended effects and causal mechanisms. *Studies in Educational Evaluation*. 37(4). P. 239-248.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Voshhinskij M.V. Osushhestvlenie gosudarstvennogo i municipal'nogo kontrolja: zashhita prav juridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej. M.: Redakcija «Rossijskoj gazety», 2020. Vyp. 5. 144 s.
2. Egorova N. Tri goda bez proverok... // Informacionnyj bjulleten' «Jekspress-buhgalterija». 2015. № 29.
3. Martynov A.V. Primenenie risk-orientirovannogo podhoda pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolja i nadzora kak neobhodimoe uslovie snizhenija davlenija na biznes // Jurist. 2016. № 18. S. 22 – 27.
4. Povetkina N.A. O formirovanii konceptual'nyh osnov risk-orientirovannogo podhoda v finansovo-bjuzhjetnom kontrole // Finansovoe pravo. 2015. № 12. S. 15-17.
5. Sidorova E.Z. Risk-orientirovannyj podhod v obrazovatel'noj srede kak prioritetnoe napravlenie razvitija obrazovanija // Podgotovka kadrov dlja silovyh struktur: sovremennye napravlenija i obrazovatel'nye tehnologii: Materialy XXIV Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii. M., 2019. S. 49-52.
6. Ehren, M. C. M., & Honingh, M. E. (2011). Risk-based school inspections in the Netherlands: A critical reflection on intended effects and causal mechanisms. *Studies in Educational Evaluation*. 37(4). P. 239-248.

11. См.: Воцинский М.В. Осуществление государственного и муниципального контроля: защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Москва: Редакция «Российской газеты», 2020. Вып. 5. 144 с.; Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22-27.

В.И. АФАНАСЬЕВА

Экономические войны стран Западной Европы против России XX-XXI вв.

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается проблема, которая в разные исторические периоды вставала перед Россией. Это научно-техническое развитие, которое способствовало не только внутреннему развитию страны, но и определенному статусу на мировой арене. И в каждый такой исторический период страна сталкивалась с интересами ведущих стран мира, которые в той или иной степени препятствовали различными методами и способами переходу России из одного технологического уклада к другому технологическому укладу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: санкции, мораторий, политическая и экономическая изоляция, изобретательское право.

АФАНАСЬЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: 7631064@rambler.ru).

Экономические войны XX-XXI вв., в которых используются торговые, морские, кредитные блокады, аресты и конфискации имущества, в подавляющем большинстве случаев преследуют политические цели. Проводя агрессивную внешнюю политику в отношении стран периферии мирового капитализма, Запад, как и ранее, избегает термина «экономическая война», предпочитая такие нейтральные определения, как «экономические санкции», «торгово-экономические ограничения», «мораторий», «запрет». Или, к примеру, «тарифы» как инструмент в вопросах т.н. национальной безопасности и угрозы передачи технологий. Однако все эти меры в совокупности рассчитаны на то, чтобы подорвать экономику противника, вызвать социальные волнения, произвести смену власти в государстве.

Как известно, экономическое развитие любого государства в первую очередь определяется развитием технологий. Технологический уклад – это фаза или этап развития производительных сил («базиса»), который требует перестройки соответствующих производственных отношений («надстройки»).

Начиная с промышленной революции XVIII века в Англии, можно выделить жизненные циклы пяти последовательно сменявших друг друга технологических укладов. Сегодня можно видеть ключевые

направления в развитии шестого технологического уклада: биотехнологии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Их реализация обеспечивает многократное повышение эффективности производства, снижение его энерго- и капиталоемкости¹.

Переход от одного технологического уклада к другому технологическому укладу, как правило, сопровождается эскалацией международной военно-политической напряженности, структурной перестройкой экономик. Взаимодействие науки и техники в разных сферах достигает наивысших результатов.

Причина современной эскалации начала XXI века также определяется сменой технологических укладов. Начался глубокий структурный переход ведущих мировых экономик на основе принципиально новых технологий и механизмов воспроизводства капитала. Резко дестабилизируется система международных отношений, идет разрушение старого и формирование нового миропорядка, которое сопровождается мировыми войнами между старыми и новыми лидерами за стратегическое доминирование и контроль над рынками.

Против России в разные периоды ее исторического развития велись не только горячие, но и экономиче-

1. См.: Саталов г. Технологические уклады и мировые войны. М., 2020 // URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJzLKCKpKlB51y8oyq9K1Csq1TcyMDLQNZAG0kBkasrAYGhmbGpqYmlpZMkQ1Wz-dsZkwQVRXikrWUtvLglAlhUSaA&src=16a7228&ia_page=1&user_type=62&oid=5ecc5a088457851f.

ческие, информационные и технологичные войны.

Очередная экономическая война против Советской России началась с декабря 1917 года, когда бывшие союзники России по Антанте объявили ей торговую и морскую блокаду. Эта война имела ярко выраженные политические цели – смещение власти большевиков, привод к власти ставленников стран Антанты (Великобритании и Франции), изменение курса страны. Кроме того, Запад добивался выполнения Россией обязательств по долгам, а также восстановления имущественных прав иностранцев (отмены национализации иностранных активов).

В результате – международная политическая изоляция и экономическая блокада Советской России, с которой к концу 1918 года разорвали дипломатические и торговые отношения все ведущие государства мира, и временная оккупация части ее территории в обстановке Гражданской войны иностранными державами без объявления войны – т. н. интервенция. Итог сложившейся ситуации в стране – крах российской экономики, установление большевистской власти.

Для реанимации экономики страны необходимо было в первую очередь восстановить промышленное производство, которое после революции и гражданской войны находилось в разрушенном состоянии, а это требовало привлечения значительных финансов и технологических ресурсов. Но так как Советская Россия находилась в экономической блокаде, необходимо было изыскать все эти ресурсы внутри страны.

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации можно считать использование разработок российских изобретений в становлении и развитии промышленного производства. Государство взяло на себя право на осуществление и использование изобретений².

Изобретательство – творческий процесс создания изобретения, форма непосредственного участия отдельных лиц (изобретателей – индивидуумов,

имеющих ярко выраженные склонности к изобретательству) в развитии технического прогресса человеческого общества, в совершенствовании производства. Изобретательство, как и всякий вид творчества, является процессом стихийным по своей природе, для управления этой стихией необходимы изменения по ряду основных направлений национальной политики: социальной, налоговой, антимонопольной, внешнеэкономической и т.д. Целью таких изменений должно стать стимулирование активности и эффективности деятельности изобретателей. Для этого необходимо усилить контроль государства в вопросах владения, пользования и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Необходим комплекс мер по расширению информационного обеспечения инновационной деятельности, включая распространение правовой и научно-технической информации о технологических потребностях промышленности. Нужна широкая пропаганда изобретательской деятельности. Для этого необходимо заниматься изучением опыта советского периода в сфере восстановления промышленного производства в первой трети XX столетия с привлечением изобретателей.

Главным идеологом в становлении и развитии советского изобретательского права являлся В.И. Ленин³, придававший большое значение научно-техническим достижениям и изобретениям⁴. В.И. Ленин следил за всеми новациями в области науки и техники⁵, постоянно указывал на необходимость скорейшего внедрения и использования технических достижений во всех отраслях производства.

На государственном уровне была сделана попытка придать изобретательству в СССР массовый и организованный характер. Для этой цели правительством был принят целый ряд административно-командных мер, начиная от создания в каждом областном центре станций юных техников до обязательного создания на каждом предприятии бюро по изобретательству и рационализации (БРИЗов) и

2. См.: Афанасьева В.И. Изобретательское право России: советский и постсоветский периоды. М., 2017. 143 с.

3. См.: Воспоминания Ф.В. Ленгника в книге Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ТТ. 2. М., 1957. С. 247-248.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

5. Ленин В.И. Указ. соч. Т. 52. С. 54; Т. 56. С. 396; Т.45. С. 224.

патентных служб. Поддержка талантливых специалистов, профессиональная подготовка кадров, создание системы институтов для развития инноваций, создание новых и возрождение уже существующих общественных организаций, в том числе ВОИР.

При этом если в задачи станций юных техников входило привитие технических знаний детям, то в задачи БРИЗов входила доработка технических идей рабочих до технических решений с изобретательским или рационализаторским уровнем. В задачи патентных служб – предотвращение преждевременной публикации охраноспособных технических решений и своевременное патентование изобретений, отслеживание патентной чистоты выпускаемой продукции и др. Введена обязательная государственная статистическая отчетность всех предприятий и организаций по изобретательству, обязательное планирование внедрения изобретений и т. д.

Одним из таких ярких примеров могут служить технологические выставки XIX–XX вв., которые являлись своеобразным инструментом развития экономики и промышленности в царской, а в дальнейшем и Советской России.

Также примером в развитии и использовании изобретательской деятельности может служить опыт, накопленный СССР в период 1920–1940 гг., когда государство переходило к форсированной индустриализации. Основой этой политики было усиленное развитие тяжелой промышленности, особенно машиностроения, в том числе станкостроения, сельскохозяйственного машиностроения, энергетического машиностроения и военной промышленности. Оказавшись в мировой изоляции, Советская Республика вынуждена была решать вопросы промышленно-технологического развития, изыскивая резервы внутри страны.

С первых месяцев советской власти науке была отведена значительная роль в развитии общества. Создано множество НИИ и государственных органов, регулировавших научные исследования, поддержка государством научно-технического развития, сближение науки и производства, формирование органов управления советским изобретательством.

Новой социальной сущностью становится постоянный контроль партийно-государственных структур за изобретательной деятельностью, основанной

на ее планировании и строгом учете. Принимались меры для расширения рядов изобретателей. Для этого была сформирована мощная система поддержки изобретательства и непрерывная цепь от заводского рационализатора до академика, которая на каждом участке давала свой вклад в научно-технический прогресс и каждому желающему обеспечивала возможность творческой самореализации. Такой подход позволил молодому государству ликвидировать технологический голод в стране и достичь за счет внутреннего потенциала развития промышленного производства в стране.

В развитии законодательства можно выделить несколько периодов, каждый из которых характеризуется разработкой отраслевых и ведомственных нормативно-правовых актов, содержание которых определялось не только базовыми правовыми документами, но и партийно-государственными установками в экономической и идеологической сферах.

Благодаря огромной государственной поддержке инноваций, превращения науки в производительную силу СССР во второй половине XX столетия становится одной из сильнейших научных держав мира. Происходило усиление тенденций объединения науки и производства.

Советский этап развития законодательства об изобретательстве закончился в начале 90-х годов прошлого столетия. Новому закону, разработанному Верховным Советом СССР «Об изобретениях в СССР», не суждено было сыграть роль основополагающего акта в области изобретательства.

После распада СССР наблюдается кризис в науке. Внедрение рыночных взаимоотношений в экономику страны в начале 90-х гг. значительно изменили условия работы индустриальных компаний. Ликвидация общегосударственной организации планирования заявок, несоответствие снабженческих и сбытовых взаимоотношений, возникновение свободной конкурентной борьбы с импортной продукцией вызвали разрушение социалистической системы изобретательства. Из мирового фаворита Российская Федерация сползла до невысоких показателей.

В первой четверти XXI века Российская Федерация столкнулась с теми же проблемами со стороны Запада, а именно санкциями (эконо-

мическими и технологическими), что и молодая Советская Республика в первой четверти XX века.

Можно констатировать, что современный мир, к сожалению, снова находится в состоянии войны — «первая технологическая война новой цифровой эпохи». Ее результаты повлияют на мировую историю ничуть не меньше, чем промышленная революция XIX века, Первая мировая, Великая Отечественная война и холодная война. Не участвовать — не получится, и вот это «не получится» в равной степени относится как к Китаю (на который пока пришелся главный удар Вашингтона), так и ко всем остальным странам (включая Россию), которых США хотят держать в состоянии технологической отсталости и технологической зависимости от американских корпораций и от капризов американских политиков⁶.

Только после 1995г., когда начали возникать новые промышленные компании личного сектора экономики, возникли и общественные заявки на формирование новой, конкурентоспособной продукции и на оформление монопольных прав на промышленную собственность патентами на изобретения.

В первую очередь экспортируются военная техника и вооружение. От экспорта сверхтехнологичной продукции Российская Федерация получает примерно 5 млрд. \$ в сравнении с 700 млрд. \$ в США.

В настоящее время в России требуется активизация изобретательской деятельности, в том числе начиная с системы высшего профессионального образования. Для того чтобы отвечать запросам времени, необходим комплекс эффективных и современных мер, направленных на развитие инженерного изобретательства в техническом вузе, а также создание специальной среды для научно-технического творчества молодежи.

Также необходимо устранение объективных недостатков экономических основ системы правовой охраны и государственной регистрации прав на объекты интеллектуальной и прежде всего промышленной собственности, важной частью которых является экономическая политика в области

пошлин и тарифов, взимаемых за регистрационные процедуры. По крайней мере, вышеприведенные статистические данные, характеризующие динамику активности отечественных заявителей при регистрации наиболее важных результатов НТД в форме изобретений, свидетельствуют о том, что объем работ по правовой охране результатов НТД в настоящее время меньше реального научно-технического потенциала отечественных физических и юридических лиц, задействованных в научно-технической сфере. В этой связи возникает вполне очевидная необходимость принятия действенных мер, направленных на стимулирование работ в данной области, что весьма эффективно использовалось в СССР.

К сожалению, в России до сего дня так и не было достигнуто тесного взаимодействия науки и промышленности. Сеть технопарков только формируется для поддержки научно-технического, кадрового потенциала, а также малых и средних инновационных фирм, но в этой области Россия намного отстала от промышленно развитых стран.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в одном из своих интервью сказал: Россия может и должна превратиться из развивающейся страны с сырьевой экономикой в лидера мирового машиностроения! Да и обустроить Россию необходимо, для чего значение радикально новых изобретений трудно переоценить.

В телеграмме приветствия участникам и гостям VI Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов 1 июля 2017 г. В.В. Путин указал на то, что «нынешнее поколение российских изобретателей наращивает научно-технический потенциал, способствуя переходу экономики на инновационный путь развития». Им было подчеркнуто, что за 85 лет своей деятельности ВОИР сыграло весомую роль в укреплении отечественной промышленности, инфраструктуры, социальной сферы. «Под его эгидой были созданы и внедрены в производство более двух миллионов изобретений и передовых технических разработок, которые принесли реальную практическую отдачу». И сегодня традиции новаторского труда продолжают. Представители нынешнего

6. См.: Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 2019г. — <https://antimaidan.ru/news/18107>.

поколения российских изобретателей — инженеров, специалистов, рабочих — успешно решают задачи, связанные с наращиванием научно-технического потенциала страны, переходом экономики на инновационный путь развития. На этом съезде был принят план-график нормативно-правовой работы Роспатента на 2019-2023гг.⁷

По окончании съезда обновленное руководство ВОИР, председатели и представители региональных организаций ВОИР провели рабочее совещание, где обозначили и согласовали первые шаги на пути реализации программы развития Общества. «Наша страна должна войти в число крупнейших экономик мира, за счет мощного технологического развития, основанного на современном уровне исследований и разработок»⁸. В национальном проекте «Наука» указывается, что к 2024 году Россия должна находиться в пятерке ведущих стран мира по исследованиям и разработкам в приоритетных областях развития.

Летом 2019 г. в Совете Федерации состоялось заседание по вопросам интеллектуальной собственности на тему: «Вопросы поддержки и стимулирования изобретательской активности в Российской Федерации». Было отмечено, что Совет Федерации уделяет особое внимание вопросам, которые связаны со стимулированием изобретательской активности в России.

По мнению А.А. Ищенко, изобретательство —

один из важнейших элементов современной экономической системы, направленной на достижение социально-экономического результата и экономического роста, а также механизм, позволяющий и помогающий решать задачи развития нашей страны, определенные национальными проектами. Как справедливо отвечал А.А. Ищенко, вполне возможно создать систему использования интеллектуальной собственности, которая позволит производить востребованные на рынке высокотехнологичные и конкурентоспособные продукты. В связи с этим был высказан ряд предложений, среди которых — создание единого регулятора интеллектуальной собственности на базе Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), пересмотр системы кредитования технологического предпринимательства для построения бизнеса, создание института уполномоченных по защите прав изобретателей⁹.

Опыт, накопленный советским государством по развитию изобретательской деятельности, во многом может быть использован в современной ситуации. Условием этого должен стать новый взгляд на советский период развития страны, критический анализ практической деятельности советского правительства, хозяйственного руководства, общественных организаций, в том числе и их влияния на изобретательскую и иную творческую деятельность народных масс.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьева В.И. Изобретательское право России: советский и постсоветский периоды. М.: Юрлитинформ, 2017. 143 с.
2. Саталов Г. Технологические уклады и мировые войны. М., 2020.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Afanas'eva V.I. Izobretatel'skoe pravo Rossii: sovetskij i postsovetskij periody. M.: Jurlitinform, 2017. 143 s.
2. Satalov G. Tehnologicheskie układy i mirovye vojny. M., 2020.

7. План мероприятий Федеральной службы по интеллектуальной службе по реализации положений Федерального закона от 27.12.2018 №549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ФЗ) // URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJzLKCkpsNLXly8v10vOzysuzSIJzCvRkyrVT8iPLs1NzSvRBwnHA3nxPo7h8cZGBsbGFvqJRqbJhoaWasmWlkmJiYaJJuYGRpZJhmkmKakGZgamRuZGFmlmSSYm-gwMhmbGppqYmliZmJgxyZzr2dL9auyrUl-XfgaUVJgAjVSIV&src=35068c8&via_page=1&user_type=62&oid=5ecbe58530c7f08d.

8. См.: Послание президента страны В.В. Путина Совету Федерации апрель 2019г. // URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJzLKCkpKLbS189LLS_Wy60sTs1Jyc_TS87P1S8qBQvqZ-alpFboGxmYgJubGxqaMDAYmhmbmpPyMhqZMTQtijZJ8U4RbJK6a1snfMYYAA42GMA&src=4df5968&via_page=1&user_type=62&oid=5ecbf54803b5b650.

9. См.: Выступление А.А. Ищенко на VI съезде ВОИР от 01.07.2017 г.

А.В. АХМАТОВ

Законность в контексте правовых традиций Запада и Востока: историко-теоретический анализ

АННОТАЦИЯ. Автором рассматриваются различные точки зрения на правовые традиции Запада и Востока как основных «двигателей» развития современного мира во взаимосвязи с принципом законности. В работе отмечается, что правовая традиция – это прежде всего уникальный культурологический, философский феномен, связанный с транслированием из поколения в поколение опыта регулирования отношений. При этом правовая форма традиции носит вторичный характер по отношению к историко-культурной составляющей. В работе дается авторское определение правовой традиции, отражаются его признаки.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие временной синхронности развития правовых традиций Запада и Востока и разницы в отношении к ценности права как социального регулятора, сама идея законности имманентна правовым системам и Запада, и Востока на разных исторических этапах их развития. Это позволяет говорить о том, что принцип законности является актуальным и универсальным для правовых традиций Запада и Востока.

В статье обосновывается, что идея законности в правовых традициях Запада и Востока основывается на разных концептуальных теоретико-методологических платформах. С одной стороны, для идеи законности в правовых традициях Запада характерна философия рационализма и ценностей индивидуализма во взаимосвязи с концепциями «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»), которые тождественны либеральной концепции господства прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, для идеи законности в правовых традициях Востока характерны религиозно-философские мировоззренческие системы (конфуцианство, легизм, брахманизм, буддизм и др.), характеризующиеся в т.ч. интровертностью (обращенность к внутреннему миру человека), приоритетом коллективного над индивидуальным, морального над правовым (Восток).

В статье предлагается тезис о тенденциях синкретизма правовых традиций Запада и Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, государство, законность, правовая традиция.

АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Ahmatov@bk.ru).

Эволюция представлений о праве началось еще во времена цивилизаций Древнего мира (Древние страны Месопотамии, Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай, эпоха Античности Древней Греции и Древнего Рима и др.) в рамках философских и религиозных (мифологических) взглядов той эпохи. Несмотря на возникновение с течением времени множества сложившихся философских и научных школ (нормативистская, материалистическая, историческая, психологическая, социологическая и др.), объясняющих сущность права с разных точек зрения и на основании различных методологических платформ, и

в настоящее время представляются актуальными слова великого немецкого философа И.Канта из его работы «Критика чистого разума» о том, юристы до сих пор ищут определения для своего понятия права.

Например, веками длится спор между многочисленными представителями естественного и позитивного права, который окончательно вряд ли будет разрешен. В отечественной теории права предпринимаются попытки создания интегративного типа правопонимания¹. На этом фоне сложно не согласиться с Г.А. Гаджиевым, который отмечает, что ни в одной гуманитарной науке нет

1. См.: Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С.33-45; Залоило М.В., Черкашина-Шмидт О.В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143-146; Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: Интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. С. 4-12 и др.

такого разброса мнений, касающихся правопонимания, в связи с чем современные теоретики права издают монографии, посвященные этой «многоголосоце»². Однако вышеуказанные слова Канта про поиск определения права, высказанные им в конце XVIII в., не только приобрели черты «профессионального юмора» в среде историков, теоретиков и философов права, но и стали целой правовой традицией.

В современном мире с учетом обсуждаемого в научной среде начала «четвертой глобальной научной революции»,³ развития процесса глобализации, попыток формирования полицентричной международной системы в условиях постоянного развития информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, трансформации современного постиндустриального информационного общества, сопровождающегося, по оценке некоторых исследователей, переходом к новой парадигме «общества сетевых коммуникаций»⁴ институты государства и права приобретают совершенно иное смысловое значение и содержание, требующего прежде всего применения новых подходов и моделей к их исследованию. В связи с этим представляется необходимым менять стиль научного мышления в отношении интерпретации государства и права в условиях высокого темпа социальных преобразований XXI века. При этом начало таких попыток должно быть связано прежде всего с рассмотрением изменений восприятия законности как важнейшей и фундаментальной правовой категории в контексте развития правовых традиций Запада и Востока, являющимися главными «полюсами» и «локомотивами» политико-правовой, экономической, культурной и информационной трансформации современного мира.

Особая значимость проблемы законности в кон-

тексте правовых традиций в области государства и права обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, как представляется, именно на основании изучения состояния законности можно говорить о том, что право — это сфера должного, а не сущего (Г.Кельзен, Дж.Остин⁵). Во-вторых, правовые традиции — это не «пережиток» или «остаток» прошлого, а важный фактор развития и государства, и общества. Рассмотрение правовых традиций Запада и Востока позволяет осветить реальные взаимосвязи человеческих поколений в контексте противоречивого социального взаимодействия общественных интересов в сфере права, понять их сущность, дать корректное логическое объяснение соответствующего исторического этапа развития государства и права.

Осознавая сложность, большой объем информации и многоплановость поставленной задачи, необходимо сначала прежде всего определить понятия традиции в науке и правовой традиции, а уже потом осветить концептуальные особенности правовых традиций Запада и Востока во взаимосвязи с идеей законности.

Представляется возможным согласиться с исследователем тематики традиций в науке Т.Ю.Павельевой о том, что в общем плане традиция (лат. «traditio» — передача, придание) может быть определена как универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах. Следовательно, традиция включает в себя то, что передается, и то, как осуществляется эта передача, то есть традиция представляет собой, как пишет Т.Ю. Павельева, коммуникативно-трансляционно-трансмута-

2. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 55.

3. См. подробнее: Кун Т. Структура научных революций / пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977; Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 626 и др.

4. См.: Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 21-34.

5. См. подробнее: Бирюков С.В. Право как должное и сущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 20–29.

ционный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры смыслов и значений. Поэтому и традиции в науке фиксируют то, какое знание передается, и то, кто и как его транслирует.⁶

При этом выделяют две модели развития науки: кумулятивную и некумулятивную.⁷

Как представляется, категории «традиция», «законность» и «право» имеют существенную и глубокую многовековую социокультурную взаимосвязь. Подтверждением этого тезиса являются идеи Конфуция, высказанные им еще в VI-V в до н.э. Общеизвестно, что традиционный конфуцианский моральный принцип уважения младшими старших стоял выше правовой нормы (соблюдение трех законов отношений: государь — подданный, родители — дети, муж — жена)⁸. Развивая его, Конфуций считал, что следование традициям является основой законопослушного поведения, а императору, являющегося Сыном Неба, подотчетна государственная администрация, а ей, в свою очередь, подчинены «дети императора», то есть все его подданные, которые обязаны быть законопослушными. Здесь уместно отметить, что с позиции профессора В.И. Лафитского: «... юридическая наука блистательно развивалась во многих частях света задолго до появления первых трактатов древнеримских юристов... Первая юридическая школа была основана в Древнем Китае великим философом Конфуцием... (курсив мой — А.А.)»⁹. Позднее к вопросу социаль-

ной значимости законности как необходимости соблюдать и исполнять законы государства философы и мыслители обращались на протяжении всей истории государственно-правовой мысли (Платон, Гоббс, Руссо, Маркс, Иеринг и др.).

В современной отечественной юридической науке отсутствует единая позиция относительно определения понятия «правовая традиция»¹⁰. Например, исследователь правовых традиций Р.С. Сулипов под этим понятием понимает «совокупность устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, выраженная в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы» (источников права, правовых принципов, правовой терминологии, правовой процедуры и др.)¹¹.

В свою очередь Д.А. Пашенцев предлагает определять правовую традицию как «исторически сложившуюся в рамках конкретного общества и развивающуюся совокупность принципов построения национальной правовой системы, которая выражается в существующих нормах, правовых обычаях, ценностях и представлениях о праве»¹². При этом данный исследователь считает, что правовая традиция в значительной степени иррациональна, неразрывно связана с субъектом права, который своими действиями воплощает нормы права в жизнь, диалогична, она существует только потому, что есть иные, отличные от нее традиции.¹³

6. Павельева Т.Ю. Традиции в науке: теоретико-методологические, институциональные и культурологические аспекты // Социально-политические науки. 2011 № 1. С. 106.

7. Там же. С. 108.

8. Трошинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 3. С. 140.

9. Лафитский В. И. Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 26.

10. Шагиева Р.В. Правовая традиция как категория фундаментальной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2(49). С. 30-34.

11. Сулипов Р.С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013. С. 21.

12. Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правовая традиция и правопорядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. 2017. № 1. С. 2.

13. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 6-7.

Обобщая различные точки зрения на институт правовой традиции, исследователь этой проблемы Р.А. Тория отмечает, что одним из главных признаков правовой традиции является ее участие в формировании и развитии правовой системы, а чтобы считать традицию правовой необходимы следующие условия: традиция должна содержать в себе именно юридическое воззрение, она не должна противоречить нравственности и должна показывать именно единообразную практику регулирования общественных отношений и должна найти отражение в правосознании граждан¹⁴.

Как представляется, методологической ошибкой вышеуказанных исследователей при попытке дать определение понятия правовой традиции является подмена ее содержания признаками понятия правовой системы, которое, например, академик В.С. Нерсесянц считал условным и размытым¹⁵. Одновременно отсутствие у исследователей комплексного подхода к изучению правовой традиции ведет к «замкнутости» рассмотрения традиции исключительно в рамках правовой проблематики, пусть даже на уровне теории права. При этом исследователи не учитывают, что нельзя изучать проблемы теории права опираясь на эмпирический материал только одной правовой системы. Это вовсе не означает, что надо исключить понятие правовой системы при изучении правовой традиции, но увидеть более общую перспективу правового механизма социального функционирования важнейших составных элементов традиции как социального института, не сводя его при этом только к правовой составляющей, возможно только с помощью выхода на философско-правовой уровень абстракции, попытки чего исследователи правовой традиции, по-сути, не предпринимают. Например, Д.А. Пашенцев пытается рассмотреть онтологию процесса законотворческой традиции, но при этом даже не использует категории,

характерные для онтологии права (бытие, реальность, действительность и др.)¹⁶.

Сама попытка определения понятия традиции в привязке исключительно к его правовой составляющей не может не вызывать возражение, т.к., во-первых, традиция может быть и предметом, и объектом исследования. Во-вторых, в современном мире нет и не было какой-либо универсальной традиции, которая бы распространялась на все общество в целом и на весь правовой мир в частности. Создание любого правового акта есть результат взаимодействия целой совокупности факторов: социальной, экономической и политической потребности в его принятии, уровня исполнительской культуры законодателя, степени развитости юридической техники и профессионального сообщества. Если не пытаться учесть хотя бы один фактор, то нельзя в полной мере понять ни суть правового акта, ни саму традицию, в рамках которой он был создан.

Основными источниками существующих подходов к правовым традициям является опыт, с одной стороны, римского и англо-американского развития права, а с другой стороны, опыт развития представлений о праве стран Дальнего Востока, Индии, стран исламского мира. Это позволяет говорить о поливариантности правовых традиций стран Запада и Востока (несмотря на возрастающую роль глобальных политико-правовых регуляторов в виде Европейского суда по правам человека, Всемирной торговой организации, Всемирного банка и др.). Общеизвестно, что генезис, эволюция и содержание представлений о праве принципиально различаются в традициях Запада и Востока, в связи с чем сведение интерпретации правовых традиций только в рамках правовой системы того или иного государства пусть на разных этапах исторического развития является контрпродуктивным.

14. Тория Р.А. Правовая традиция как регулятор развития национального права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 38.

15. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 6.

16. См.: Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 6-12.

В авторском понимании изучаемой проблемы правовая традиция может быть определена как процесс транслирования и аккумуляции исторически и коллективно накопленного социокультурного опыта, направленного на реализацию идеалов законности и норм правовой деятельности в форме осознанных волеизъявлений правосубъектных физических лиц и их организаций, которые официально признаются государством и защищаются им в качестве способных повлечь юридически значимые последствия (в т.ч. ответственность).¹⁷

Существенными признаками правовой традиции в таком ракурсе являются:

– передача социокультурного опыта – традиция является динамичным явлением, направленным на трансляцию из поколения в поколение определенных значимых правовых ценностей, необходимых для эффективного функционирования социальной системы, всегда имеющей историко-культурную специфику;

– реализация идеалов законности и норм правовой деятельности – традиция представляет собой комплекс убеждений и действий одновременно как субъективной, так и объективной реальности, как одного человека, так и общества в целом по отношению к праву, законности и правовой деятельности. Одним из главных признаков государства в его классическом понимании является то, что только государство может принимать обязательные для исполнения правовые акты, реализация которых основана на принципе законности. Именно общее понимание необходимости соблюдения и исполнения принятых правовых актов, осознание права как одного из фундаментальных регуляторов поведения субъектов социальной действительности, социально-политическая значимость принципа законности являются универсальными свойствами правовой традиции;

– защита государством и наступление неблагоприятных последствий – если за нарушение правила поведения, появившихся в результате традиции, не предусмотрена ответственность, или если государство в лице органов государственной власти не применяет меры воздействия (ответственности) к нарушителям традиций и норм права, то сам смысл существования такого государства ставится под сомнение. Реализация правовой традиции должна быть обеспечена и защищена правоохранительным механизмом государства.

Запад и Восток – это не только географические, но прежде всего историко-культурные координаты развития социума. Важным моментом изучения законности в контексте правовых традиций Запада и Востока является определение тех культур, правовые традиции которых относятся к западным или к восточным. Представляется возможным исходить из той позиции, согласно которой под Западом («Occident») понимать все те культуры, которые наследовали культуру Древней Греции и Древнего Рима, а под Востоком («Orient») понимать культуры стран Дальнего Востока, Индии и стран исламского мира¹⁸.

По результатам анализа различных исследований, посвященных правовым традициям Запада, можно говорить о том, что наиболее значимым и основательным исследованием данной проблемы является фундаментальный труд профессора Школы права в Гарвардском университете Гарольда Джона Бермана «Западная традиция права: эпоха формирования». Берман детально анализировал эпохи развития западного права и пришел к выводу о том, что западная традиция права и современная западная цивилизация находятся в глубочайшем и беспрецедентном кризисе правовых ценностей и правовой мысли с X века – момента своего возникновения¹⁹.

17. По тематике правовой деятельности подробнее см.: Шагиева Р.В. Правовая деятельность в современном российском обществе: (проблемы теории и методологии). М.: РПА МЮ РФ, 2004. С. 66.

18. Самигуллин В.К. Западная правовая традиция // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 36-37.

19. См. подробнее: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА. М.: НОРМА, 1998. С.48-55.

Берман доказывал, что «первотолчком» для формирования всей западной традиции права явилась т.н. Папская революция (*die Papstrevolution*), которая совершалась во имя «свободы» католической церкви и начало которой ознаменовано в 1075 г. декретами папы Григория VII (т.н. «григорианская революция»). В результате этой революции появилась единая католическая церковь и окончательно оформились в Европе феодальные отношения. Кроме того, возникла, по мнению Бермана, и первая правовая система Запада нового времени или «новое каноническое право» (*jus novum*) римско-католической церкви, а впоследствии и новые светские системы права. В понимании Бермана, Запад — это особая историческая культура, или цивилизация, западная традиция права²⁰. С его точки зрения, «субстратом западной правовой традиции было коммунитарное народное право германских, кельтских и других народов Европы VI-XI вв.»²¹. В XI — XII вв. западная правовая традиция распространяла свое влияние на народы от Англии до Венгрии, от Дании до Сицилии. Греция и Россия, которые остались в восточной православной церкви, большие области Испании, находившиеся под властью мусульман, в то время были исключены из этого процесса. Позже, находит Берман, частью Запада стали Северная и Южная Америка и другие области²².

Западная правовая традиция на протяжении веков непрерывно и последовательно развивалась, что в итоге привело к формированию в русле западной традиции права двух основных групп стран. Первая группа (страны «кодифици-

рованного права») исторически ориентировались и базировались на ценностях римского права после начала его рецепции в конце XI — начале XII века в результате активной деятельности Болонской юридической школы. Вторая группа стран в развитии своего национального права использовала в основном свой собственный индивидуальный исторический опыт, свою выработанную столетиями «казуистическую манеру».

Отсюда появились две базовые правовые системы западной правовой традиции: романо-германская или континентальная (характерно деление права на публичное право (*jus publicum*) и частное право (*jus privatum*), важную роль играют законы и кодексы) и англо-саксонская или островная, прецедентная (характерно деление права на Общее право (*common law*) и Право справедливости (*Law of Equity*), важную роль играет судебный прецедент)²³.

Важно подчеркнуть, что в основе правовых традиций Запада лежит общий культурный плацдарм католических религиозных ценностей и идей либеральной теории демократии, которая основывалась на приоритете политического равенства и свободы самоопределения личности, отождествлении граждан в качестве субъекта власти. Основу же либеральной политико-правовой мысли составляет известная формула Канта: «Уважение к правам человека есть первый из категорических императивов»²⁴. Как следствие, квинтэссенцией для правосознания и культуры стран представителей западной традиции права стал тезис о неукоснительном следовании принципам «Rule of law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»)²⁵.

20. Самигуллин В.К. Западная правовая традиция // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 37.

21. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА. М.: НОРМА, 1998. С. 55-56.

22. Самигуллин В.К. Западная правовая традиция // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 37.

23. Самигуллин В.К. Западная правовая традиция // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 38-39.

24. Цит. по: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 57.

25. См. подробнее: Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 86; Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 5, 8 и др.

Ранее автором настоящей работы было обосновано, что при идейной связи в сознании западного общества законности с идеями свободы, формального равенства, справедливости и т.п. концепции «Rule of Law» (А. Дайси и др.) и «Rechtsstaat» (К.Т. Велькер, О. Гирке, Р. фон Моль) как общетеоретические модели обоснования правозаконности по сути тождественны в содержательном плане либеральным идеям правового государства и гражданского общества. Хотя *de jure* права и свободы человека и гражданина закреплены в большинстве конституций государств современного мира, такая формальная регламентация отнюдь не означает их воплощения *de facto* в повседневной жизни общества²⁶, т.е. не означает полноценной реализации принципа законности на Западе.

По сравнению с исследованиями, посвященными западной правовой традиции и правовым системам, к ним относящимся, количество работ, посвященных восточной правовой традиции существенно меньше. Восточная правовая традиция, в отличие от западной, охватывает значительно больше уникальных правовых систем (иудейское право, обычное право, мусульманское право, право стран социалистической правовой системы и др.), а также множество проблем, напрямую не связанных с правовой проблематикой (например, эпохальное воздействие на традиционное право Индии оказала 200-летняя колонизация ее Англией, а многие правовые системы Востока формировались прежде всего на базе религиозных концептов буддизма, ислама, даосизма, брахманизма и др.).

Учитывая ограниченные рамки настоящей работы, не позволяющих раскрыть правовые традиции Востока в их многообразии, а также

то, что история восточных правовых традиций на несколько тысяч лет «старше» западных,²⁷ представляется возможным взять за основу исследования восточных правовых традиций развитие права Китая. Это обусловлено тем, что, как справедливо пишет исследователь китайского права П.В. Трошинский: «Китайская традиция уникальна, ее эволюция насчитывает вековую историю, она оказала огромное влияние на правосознание и правовую культуру не только жителей «Поднебесной», но и других государств Юго-Восточной Азии (Японии, Кореи, Вьетнама, Сингапура и др.) (курсив мой – А.А.)»²⁸. Кроме того, возьмем на себя смелость говорить о том, что отдельные аспекты правовой традиции Китая характерны для правовых традиций Востока в целом.

Термины «закон» и «право» в китайской юридической науке никогда не разделялись. Исследователь древнего китайского права Е.И. Кычанов отмечает, что у китайцев было известно деление всех существующих правовых актов на люй (уголовные законы), лин (административные), гэ (при императорской династии Тан: сборники указов, дополнявшие кодекс; при императорской династии Сун: специальные правила, определявшие штат чиновников, размеры наград, сроки отпусков и т. п.) и ши (правила ритуального поведения, правила отношений людей между собой)²⁹.

Однако известный французский ученый Рене Давид подчеркивал, что организованных юридических профессий как таковых в Китае не было. Например, суд творили администраторы, сдававшие для занятия поста экзамены литературного характера. Они не знали права и руководствовались просто советами своих чиновников. Людей,

26. См. подробнее: Ахматов А.В. Теоретические подходы к определению понятия «законность» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3. С. 29-31.

27. Например, Законы вавилонского царя Хаммурапи датируются сер. XVIII в. до н. э. и являются одним из первых памятников писанного (клинописного) права в истории человечества. См.: Иванов Ю.А., Кудрявцев А.Г. Законы Хаммурапи: характерные особенности и их неожиданное «эхо» в современном уголовном законодательстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 136-140 и др.

28. Трошинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.137.

29. См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986. С. 9.

сведущих в законе, презирали.³⁰ В долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста, оставившего в ней след.³¹ В китайской философии говорится о том, что во Вселенной так же, как и на Земле, есть «Закон» – «фа», которому подчиняются все живые существа³². Право рассматривается китайцами не через призму нормативного понимания права или юридической доктрины (что характерно для Запада), а как форма общественного сознания, выражающаяся в представлениях о том, что морально, а что нет³³. П.В.Трощинский отмечает, что в разные периоды развития китайской государственности мораль была даосской, будистской, конфуцианской, социалистической. Но она всегда задавала вектор правовой эволюции. Нарушение «фа» воспринимается в традиционной китайской философии как посягательство на существующий во Вселенной порядок, разрушающий небесную гармонию³⁴.

Важно подчеркнуть, что в отличие от господствовавшего на базе философии рационализма индивидуализм в западной правовой традиции, предполагавшего догматическую веру в индивидуального обособленного человека с его гражданскими правами и свободами как в единственную подлинную социальную реальность («Мера всех вещей – человек...» (Платон, Теэтет, 152 а), для правовых традиций Востока характерен один из главных принципов конфуцианской философии³⁵, согласно которому нужно ставить нужды и ценности общества выше, чем свои собственные, что также нашло выражение в правовом принципе коллективной ответственности.

Отечественный исследователь древнекитайского права профессор В.М. Рыбаков отмечал: «Идея взаимной ответственности и круговой поруки была весьма близка и, вероятно, симпатична танским законодателям, ибо в ней наилучшим образом фокусировались принципы заботы коллективистского общества о самом себе... Нечто подобное круговой поруке было введено и в государственных учреждениях, с тем чтобы их внутренняя жизнь максимально соответствовала тем принципам, по которым живет вся страна»³⁶. Общеизвестно, что китаец, в отличие от большинства жителей Запада, старается «стоять на почтительном расстоянии» от права, в своем поведении руководствуется чаще всего не юридическими нормами, а желанием «сохранить лицо», не подвергнуться осуждению со стороны знакомых и родственников, стремится соответствовать общепринятым нормам морали³⁷.

Исторически формирование правосознания и правовой культуры Китая и всей его правовой традиции связаны с противостоянием двух философско-правовых школ. С одной стороны, это вышеупомянутая конфуцианская школа, во главе которой стояли нравственные идеи гуманность и человеколюбие, выраженные в прин-

30. Здесь можно говорить о схожести взглядов на представителей юридической профессии китайцев и русских крестьян. У последних была поговорка: «Не бойся закона, бойся законника». При этом К.Маркс в своих письмах об испанской революции приводит изречение времен Филиппа V: «Все зло происходит от «togados» (юристов)».

31. Рене Давид. Основные правовые системы современности / пер. с французского В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С.442.

32. Трощинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С. 137.

33. Трощинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.138.

34. Трощинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.138.

35. Особая важность и значение философских школ Востока отражается в настоящее время в повседневной жизни Китая. Например, современные китайские крупные компании, такие, как Huawei, Lenovo и другие, выстраивают работу с работниками на принципах конфуцианской нормативной культуры. Кроме того, в КНР категорически запрещено спасать тонущего человека, поскольку это является вмешательством в его судьбу, что подрывает вселенскую гармонию (Малиновский А.А. Принцип законности в социалистической правовой семье // Принцип законности: современные интерпретации. Монография / под ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М., 2019. С. 120-121).

36. Рыбаков В. М. Механизм общеслужебной ответственности в уголовных законах династии Тан // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 18.

37. Трощинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С.99.

ципах «жэнь» и «ли», в т.ч. связанные с идеями законности. Долг и ответственность, согласно конфуцианской морали, проецируется на благородного человека. Следовательно, «благородный муж думает о том, как бы не нарушать законы (курсив мой – А.А.); низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду»³⁸. С другой стороны, не меньшее значение для Китая сыграла школа легизма («Школа законников» («фа цзя») (IV–III вв. до н.э.), которая являлась противоположностью нравственному учению Конфуция. В противовес нормам морали «ли» ее сторонники считали необходимым руководствоваться исключительно нормами закона (права) «фа».³⁹

Представитель ранней школы легизма Гуань Чжун четко доказывал необходимость соблюдения законности следующим образом: «Совершенномудрый правитель полагается на закон, а не на мудрость ... если же он откажется от закона и предпочтет знания, то народ забросит все дела и ринется за славою».⁴⁰ Вслед за ним главный идеолог легизма Шан Ян, автор фундаментального трактата «Книга правителя области Шан», настаивал на главенствующей роли закона при управлении государством. Закону отводилась роль верховной силы, которой должны подчиняться все подданные государства. За его нарушения должна наступать суровая юридическая ответственность, включая смертную казнь, которая должна приводиться публично и в жестокой форме для устрашения потенциальных

преступников.⁴¹ Многие идеи легистов нашли свое фактическое отражение в государственном управлении Китая⁴².

П.В. Трошинский считает, что легистами была установлена суровая система ответственности за совершаемые нарушения правовых предписаний. Жесткость законов современной КНР напрямую связана с заложенным легистами в подсознание китайца отношением к наказанию как к основному способу обеспечения правопорядка в государстве⁴³, а право, закон практически всегда ассоциируются с институтом наказания и уголовной юридической ответственностью.⁴⁴

Современный облик китайское право стало приобретать лишь после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году.⁴⁵ В правовой системе современного Китая произошла синергия вековых традиций противоположных концепций конфуцианства и легистов. Выраженные в нормах «ли» конфуцианские «заповеди» плавно перетекли в правовые нормы «фа». Относительная малочисленность основных законов по сравнению с оперативными постановлениями (подзаконными актами) по локальным вопросам является примером давней правовой традиции.⁴⁶ В КНР до сих пор не принят налоговый кодекс, нет многих других важных кодифицированных актов правотворчества и законов, являющихся составной частью законодательных систем большинства стран мира. По мнению П.В. Трошинского, в этом и заключается особая специфика правовой системы китайской

38. Древнекитайская философия: собрание текстов. В 2-х томах / сост. Ян Хин-Шун. Т. 1. Москва: Мысль, 1972. С. 147.

39. Трошинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.138.

40. Цит. по: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 43.

41. См. подробнее: Книга правителя области Шан / пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993.

42. Так, особо мучительный способ смертной казни «Линчи» применялся публично в Китае до 1905 года, действующий Уголовный кодекс КНР предусматривает смертную казнь по 55 составам преступлений, при этом смертная казнь за преступление в сфере наркоторговли в современном Китае применяется даже к иностранным гражданам (см.: Трошинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С.102; Он же. Правовое регулирование борьбы китайского государства с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2015. № 1. С. 31-36).

43. Трошинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.142.

44. См. подробнее: Трошинский П. В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011.

45. См.: Гудошников Л. М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М., 1999. С. 420.

46. Трошинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С.98.

государственности, сказывается влияние правовой традиции на ее формирование.⁴⁷

Кроме того, в 2014 г. Госсовет КНР обнародовал документы под названием «О планировании строительства системы социального доверия (2014–2020)» и «Программа создания социального рейтинга», реализация которых стала возможной благодаря технологическим достижениям в области цифровизации и передового развития Интернета в Китае. Как отмечалось уже, традиционно для Китая каждый гражданин должен быть как с точки зрения конфуцианства, так и легизма, законопослушным. При этом согласно замыслу разработчиков программы каждый китаец при рождении будет получать определенное, одинаковое для всех количество баллов (кредит доверия). Далее, в зависимости от его правомерного или неправомерного поведения его рейтинг или будет расти, или падать. Обладатели высокого рейтинга будут пользоваться различными льготами. Такая информационная программа автоматически подразделяет граждан на лиц с высокой, средней и низкой степенью надежности и направлена на поощрение законопослушных граждан и, как следствие, поддержание законности в стране⁴⁸.

Пытаясь обобщить вышеизложенное, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, правовая традиция это прежде всего уникальный культурологический, философский феномен, связанный с транслированием из поколения в поколение опыта регулирования отношений. При этом правовая форма традиции носит вторичный характер по отношению к историко-культурной составляющей.

Во-вторых, несмотря на отсутствие временной синхронности развития правовых традиций Запада и Востока и разницы в отношении к ценности права как социального регулятора сама идея законности имманентна правовым системам и Запада, и Востока на разных исторических этапах их развития. Это позволяет говорить о

том, что принцип законности является актуальным и универсальным для правовых традиций Запада и Востока.

В-третьих, идея законности в правовых традициях Запада и Востока основывается на разных концептуальных теоретико-методологических платформах: с одной стороны, это философия рационализма и ценностей индивидуализма во взаимосвязи с концепциями «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»), тождественными либеральной концепции господства прав и свободами человека и гражданина (Запад), а с другой стороны — это известные религиозно-философские мировоззренческие системы (конфуцианство, легизм, брахманизм и др.), характеризующиеся в т.ч. интровертностью (обращенность к внутреннему миру человека), приоритетом коллективного над индивидуальным, морального над правовым (Восток).

В-четвертых, в настоящее время можно говорить о тенденциях синкретизма правовых традиций Запада и Востока. Так, наряду с Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г. на Востоке принято два альтернативных важнейших нормативно-правовых акта: Всеобщая исламская декларация прав человека — принята по инициативе Исламского Совета Европы и зачитана 19 сентября 1981 года в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО и Азиатско-тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов от 15 февраля 1988 года. Кроме того, в условиях ускорения процесса глобализации финансовых рынков Запада и Востока существенно растут объемы сделок на валютном рынке и рынке ценных бумаг, и как следствие происходит увеличение поставок товаров из Китая как «мировой фабрики» на Запад. При этом мировые цены на нефть во многом определяют страны исламского мира.

На фоне таких мощных правовых традиций Запада и Востока и процессов взаимодействия

47. Трощинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С.99.

48. Малиновский А.А. Принцип законности в социалистической правовой семье // Принцип законности: современные интерпретации: монография / под ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М., 2019. С. 132-133.

между ними злободневным становится вопрос о правовой идентичности и самостоятельности российской правовой системы, имеющей уникальное географическое и историческое расположение между Востоком и Западом, а также

роли законности в ней. Как представляется, этот вопрос должен быть предметом множества новых исследований в области теории и истории государства и права, философии права и сравнительного правоведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА. М.: НОРМА, 1998. 362 с.
2. Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 22-34.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
4. Нерсисянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5-15.
5. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С.5-13.
6. Самигуллин В.К. Западная правовая традиция // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 36-42.
7. Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33-45.
8. Трошинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3. С.134-144.
9. Трошинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С.94-106.
10. Шагиева Р.В. Правовая традиция как категория фундаментальной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2(49). С. 30-34.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Berman G.Dzh. Zapadnaja tradicija prava: jepoha formirovanija / per. s angl. 2-e izd. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaja gruppy INFRA. M.: NORMA, 1998. 362 s.
2. Volodenkov S.V. Razvitie sovremennyh informacionno-kommunikacionnyh tehnologij kak faktor formirovanija paradigmy obshhestva setevyh kommunikacij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2016. № 2. S. 22-34.
3. Gadzhiev G.A. Ontologija prava (kriticheskoe issledovanie juridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti): monografija. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 320 s.
4. Nersesjanc V.S. Sravnitel'noe pravovedenie v sisteme jurisprudencii // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 6. S. 5-15.
5. Pashencev D.A. Rossijskaja zakonotvorcheskaja tradicija: ontologija processa // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 8. S.5-13.
6. Samigullin V.K. Zapadnaja pravovaja tradicija // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. 2016. № 1. S. 36-42.
7. Sidorenko A.I., Ibragimova Ju.Je. Integrativnoe ponimanie prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 7. S. 33-45.
8. Troshhinskij P.V. K voprosu o tradicionnyh vzglyadah na pravo v kitajskom obshhestve // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2016. № 3. S.134-144.
9. Troshhinskij P.V. Vlijanie tradicii na pravo sovremennogo Kitaja // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 8. S.94-106.
10. Shagieva R.V. Pravovaja tradicija kak kategorija fundamental'noj jurisprudencii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2018. № 2(49). S. 30-34.

Г.Г. ГОЛЬДИН, И.С. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Правовое закрепление организации рабочего времени: из прошлого в будущее

АННОТАЦИЯ. Проблема правового закрепления организации рабочего времени приблизительно два столетия находится в центре внимания социальных реформаторов, работников, законодателей. Это не только говорит о ее значимости, но и позволяет оценивать подходы к нормированию рабочего времени в качестве достаточно надежного критерия как эффективности экономики, так и ответственности власти перед обществом, которая отражается в правовой норме. За отмеченный период действия по правовому оформлению рабочего времени: во-первых, вошли в круг вопросов международной правовой защиты благодаря образованию Международной организации труда; во-вторых, претерпели существенные изменения в связи с трансформацией условий труда; в-третьих, дальнейшие шаги в этом направлении потребовали связи трудового законодательства с развитием правовой базы образования и здорового образа жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовое право, рабочее время, социальная сфера, Международная организация труда, трудовая культура, занятость, эффективность, нормирование.

ГОЛЬДИН ГЕННАДИЙ ГЛЕБОВИЧ – доктор политических наук, профессор, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН) (e-mail: avocats@yandex.ru);

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (e-mail: iv@sociomadi.ru).

Современный мир характеризуется изменением ритмов развития экономики, политики, социальной сферы и культуры. Происходит не только ускорение все процессов внутри этих областей, а еще и углубляется их взаимосвязь, превращаясь во взаимозависимость. Человеку становится все сложнее ориентироваться в том, как организовать свою жизнь, выстроить рабочий график таким образом, чтобы успеть выполнить все стоящие перед ним задачи. Без навыков оптимизации организации времени затруднительны отношения с другими людьми, здоровая и продуктивная жизнь, ведение эффективного бизнеса и пр. Отправной точкой достижения всего этого становится понимание роли фактора времени как важнейшего компонента организации труда.

Первенство в постановке вопроса о принципиально важной части организации труда, связанной с продолжительностью рабочего времени, принадлежит британскому предпринимателю и социальному реформатору Р. Оуэну.

Изначально внимание тех, кто выступал

за права трудящихся, было связано просто с необходимостью улучшения условий труда и с ограничением времени, отводимого на работу. Еще в 1810 г. Оуэн был первым, кто выступил с требованием сократить рабочий день до десяти часов. В 1817 г. им была сформулирована концепция восьмичасового рабочего дня, развивающая идеи выдающегося педагога Я.А. Коменского, высказанные им в «Великой дидактике» в 1638 г. В XIX в., т.е. почти через два столетия, предложенная Коменским формула не только сохраняла актуальность, но и виделась в качестве действенной модели ломки устоявшегося графика, не позволявшего рабочему ни продуктивно трудиться, ни полноценно отдыхать. Формула Оуэна была следующей: «8 часов – работа, 8 – отдых, 8 – сон».

В начале XIX столетия британские рабочие трудились по 10 – 16 часов в день, а также имели один выходной день в неделю. Особенно опасным был такой график для детей и подростков. Оуэн считал необходимым ограничить такой труд и не принимать на работу детей

младше десяти лет. Для работающих подростков, не достигших 18-летнего возраста, по его мнению, следовало узаконить 10-часовой рабочий день. Оуэн настаивал на необходимости обязательного обучения детей до 12 лет во второй половине дня. Чтобы власти могли контролировать исполнение этих правил, на фабриках должны были появиться специальные инспекции. Он предлагал ввести государственное регулирование условий труда на предприятиях. Но агитация Оуэна за новое фабричное законодательство не получила поддержки властей и предпринимателей.

Вместе с тем нельзя утверждать, что идеи Оуэна были полностью проигнорированы. Закон о хлопчатобумажных фабриках и фабриках от 1819 г. явился первым парламентским актом Соединенного Королевства, где предписывалось регулирование продолжительности и условий труда детей в хлопковой промышленности¹. Этим законом устанавливался минимальный возраст для работы на хлопкопрядильных предприятиях, составляющий девять лет. Рабочий день для детей, не достигших 16-летнего возраста, сокращался до 12 часов. Инспекции начали работать на фабриках в 1833 г. Хотя очевидно, что предложения Оуэна по улучшению условий труда были радикальнее принятых мер. Однако его мысли находили живейший отклик у рабочих, которые уже в тот период активно добивались сокращения рабочего времени. К 1847 г. как следствие массовых протестов в Англии был установлен укороченный рабочий день для женщин и детей. Рабочее время было сокращено до 10 часов. С подобными требованиями выступали трудящиеся и в других странах.

По мере индустриального развития возни-

кала необходимость интенсификации труда. Производственные операции стандартизировались и рационализировались. Все более широко внедрялась система организации поточно-массового производства, которая основывалась на применении конвейера. Это вызывало потребность изменения не только условий труда, но и сокращения рабочего времени. Такой процесс рядом ученых первой половины XX в. виделся как магистральный. В 1930 г. Дж.М. Кейнс в эссе «Экономические возможности для наших внуков» утверждал, что «трехчасовые смены или пятнадцатичасовая рабочая неделя решат проблему. Трех часов в день вполне достаточно, чтобы удовлетворить ветхого Адама в большинстве из нас»². Но при этом Кейнс очень осторожно высказывался, что сокращение рабочего времени станет возможным только при одновременном повышении уровня жизни, причем многократном: в четыре – восемь раз. Поскольку за XX в. рабочее время в пересчете на одного занятого в развитых странах в среднем сократилось почти на тысячу часов, то прогноз Кейнса следовало бы отнести к подтвержденным. Однако его представления о продолжительности рабочего дня в 2030 г. опирались на динамику рабочего времени в период с 1870 по 1930 г., а не на данные, приближенные к современным³. Такое уточнение привносит некоторую корректировку в модель Кейнса, но не отменяет того, что сокращение рабочего времени превратилось в закон-тенденцию развития капиталистического производства⁴.

Именно этот закон-тенденцию учитывала созданная в 1919 г. и недавно отпраздновавшая столетний юбилей Международная организация труда (англ. International Labour Organization, ILO, МОТ)⁵, когда обратилась

1. Hutchins B.L., Harrison A. A History of Factory Legislation. London: P.S. King & Son, 1911.

2. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 65.

3. Skidelsky R., Skidelsky E. How Much is Enough? Money and Good Life. London: Penguin Books, 2013.

4. Золотов А.В. Сокращение рабочего времени как закон-тенденция развития капиталистического производства // Проблемы современной экономики. 2016. № 3(59). С. 51–56.

5. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Международная организация труда: столетний опыт регулирования социально-трудовых отношений // Власть истории – История власти. Т. 5. ч. 3. 2019 (№ 17). С. 242-256.

ко всем входящим в нее странам рассмотреть вопрос о переходе на четырехдневную рабочую неделю. Внимание к правовому регулированию рабочего времени красной нитью проходит через всю историю МОТ. Еще самой первой своей конвенцией «О рабочем времени в промышленности» (1919) эта организация установила 8-часовой рабочий день и 48-часовую рабочую неделю. В этом документе указывалось, что такая продолжительность труда может быть превышена только «при несчастном случае или угрозе такового, в случае необходимости срочных работ по ремонту машин или оборудования или в случае непреодолимой силы» или на таких работах, которые предполагают сменный график при непрерывном характере производства, но и там рабочее время в неделю не должно быть больше 56 часов⁶.

МОТ утвердила несколько конвенций, закрепляющих нормы рабочего времени на предприятиях разного профиля. Это: № 30 МОТ «О рабочем времени в торговле и в учреждениях» (1930); № 46 МОТ «О рабочем времени в угольных шахтах (пересмотренная)» (1935); № 47 «О сокращении рабочего времени до 40 часов в неделю» (1935); № 49 «О сокращении рабочего времени на стеклодувных предприятиях» (1935); Конвенция № 51 «О сокращении рабочего времени на общественных работах» (1936); № 61 «О сокращении рабочего времени в текстильной промышленности» (1937); № 153 «О продолжительности рабочего времени и периодах отдыха на дорожном транспорте» (1979); № 171 «О ночном труде» (1990); № 175 «О работе на условиях неполного рабочего времени» (1994), № 177 «О надомном труде» (1996) и др.

Важно отметить, что существенная часть конвенций МОТ по вопросам регулирования рабочего времени не просто декларирует то или иное положение, а содержит рекомендации, как: регламентировать дневную, недельную и

годовую продолжительность рабочего времени; составлять графики рабочего времени и вводить правила, касающиеся рабочего времени ряда категорий работников (детей, женщин); переходить на новые формы организации рабочего времени; финансово поддерживать изменения графика, например, работу в неполное время, оплачиваемый учебный отпуск. Такие рекомендации есть к конвенциям МОТ № 116 «О сокращении продолжительности рабочего времени» (1962) и № 161 «О продолжительности рабочего времени и периодах отдыха на дорожном транспорте» (1979).

Положения МОТ о продолжительности рабочего времени нашли отражение в трудовом законодательстве многих государств, в том числе в Трудовом кодексе РФ (ст. 91). Так, в нашей стране нормальная продолжительность рабочего времени, согласно ТК РФ, не может превышать 40 часов в неделю. Также в кодексе закреплены: нормальная продолжительность рабочего времени (ст. 91), правовые нормативы работы в ночное время (ст. 96), максимальная продолжительность сверхурочных работ (ст. 99 ТК РФ), перечислены другие правовые гарантии трудовых прав работников. С учетом того, что Россия является федеративным государством, кодекс оговаривает, что на региональном и локальном уровнях не допускается принятие актов, которые по сравнению с действующим трудовым законодательством ухудшали бы правовое положение работников (ст. ст. 5, 8 ТК РФ)⁷.

Отношение ко времени, в целом, и рабочему времени, в частности, может служить своеобразным индикатором перемен не только в экономике, но и праве. Чем более ответственным становится подход людей к организации собственной жизни, тем более требовательны они и к правовой регламентации времени, затрачиваемого на определенные трудовые операции. Причем речь уже не идет о нормировании, как

6. Сборник правовых актов Международной организации труда, действующих в Российской Федерации / сост. С.П. Маврин. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 301.

7. Трудовой кодекс РФ, 2019 // URL: <https://www.assessor.ru/zakon/tk>.

это было в период индустриализации, а о праве на гибкое рабочее время, стимулирование свободным временем и т.д. Именно в таком ключе следует рассматривать правовые новации, касающиеся удаленного труда и четырехдневной рабочей недели.

На основании Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» в ТК РФ были внесены правки, которые регулируют взаимодействие работодателя и сотрудников, работающих дистанционно. Эти изменения оказались исключительно своевременными в связи с пандемией коронавирусной инфекции, которая резко расширила рамки удаленной работы.

В предыдущей отечественной практике организации труда и, соответственно, ее законодательного сопровождения проблемы удаленной работы не были в центре внимания ни работающих, ни работодателей. Безусловно, следует вспомнить постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «Об условиях труда квартирников» от 5 ноября 1928 г.⁸ Согласно этому документу, квартирниками считались лица, выполнявшие у себя на дому работы по найму личным трудом (в том числе при участии членов семьи) из материалов как выданных нанимателем в натуре, так и приобретенных на средства, предоставленные для этой цели нанимателем. К этой же категории относились те, кто при работе по найму поставлял подсобные материалы, составлявшие не более 10% (по их стоимости) всех материалов. И, что важно, допускалась работа квартирника на нескольких постоянных нанимателей, а размер заработной платы квартирника не мог быть

ниже общеобязательного минимума заработной платы, установленного в порядке ст. 59 Кодекса законов о труде. Несмотря на то что в Советском Союзе надомный труд рассматривался скорее как исключение, а не правило, в 1981 г. Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам совместно с профсоюзами утвердил «Положение об условиях труда надомников» № 275/17-99⁹. С учетом того, что регулирующие надомный труд Конвенция МОТ № 177 «О надомном труде» и Рекомендации МОТ № 184 «О надомном труде» не были ратифицированы Российской Федерацией, а потому на трудовые отношения в России их действие не распространяется, принципиальное значение имеют статьи ТК РФ, развивающие идеи надомного труда и дающие возможность их применять при организации удаленной работы, в частности, гл. 49 ТК РФ.

В современной России доля лиц, работающих дистанционно, относительно не велика. Даже в разгар эпидемии COVID-19, когда переход на удаленные формы работы стал императивным для сотрудников старше 65 лет и попавших в группу риска, а также дистанционно обучались школьники и студенты, список специальностей с наиболее востребованным удаленным трудом был весьма скудным. Ожидаемо на первом месте оказались IT-специалисты, далее в этой области отметились менеджеры отделов продаж (что объяснялось высоким уровнем развития электронной торговли), работники сферы финансов, рекрутеры и дизайнеры. Можно также выделить группу тех, кто находится не привязке к конкретной организации и регулирует отношения с ней трудовым договором, а лиц в свободном поиске работы — фрилансеров. Они имеют обширнейший круг возможностей применения своих знаний и способностей, но при этом должны полагаться на собственные

8. Постановление СНК РСФСР от 15.11.1928 «Об условиях труда квартирников» // URL:http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_3532.htm.

9. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 29.09.1981 № 275/17-99 «Об утверждении Положения об условиях труда надомников» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=77318>.

навыки самоорганизации и рассчитывать на возможные, в том числе правовые издержки, такой формы организации труда.

В отличие от фриланса удаленная работа позволяет человеку ощущать своеобразную подушку безопасности в виде строго перечисленных в трудовом договоре гарантий. Как отмечалось выше, российский опыт правового регулирования таких отношений практически отсутствует, поэтому в их установлении важно отталкиваться от лучшего, накопленного в мировой практике¹⁰. Самой идее удаленной работы в 2022 г. исполнится 50 лет. В 1972 г. американский инженер-физик Дж. Ниллес, ранее трудившийся в лаборатории воздушно-разведывательного центра штата Огайо, перешедший в Южно-Калифорнийский университет, обобщив свой опыт организации нескольких проектов по зондированию космоса, предложил и новую форму организации труда и ввел для нее специальный термин «telecommuting» («теледоступ»). Основные положения сводились к тому, что: во-первых, нет необходимости работникам все время находиться в офисе; во-вторых, они могут свои производственные обязанности осуществлять вне офиса, в частности из дома; в-третьих, связующим звеном между работниками выступает телефон (заметим, эта форма организации труда старше Интернета)¹¹.

Предложение Ниллеса отражало сразу несколько аспектов организации труда в Соединенных Штатах Америки. Оно учитывало перспективы развития производства и реакцию на них рынка труда. Также эти идеи полностью отвечали психологии индивидуализма, стремлению к достижению личного роста и успеха, расширению вовлечен-

ности в трудовой процесс тех лиц, кто не мог работать полный день (женщин, подростков). Неудивительно, что американские предприниматели и законодатели подошли со всей серьезностью к регламентации такого труда. Перевод на эту форму работы требует от работодателя проведения обучения сотрудников, обеспечения безопасности их труда, в первую очередь информационной, тщательного ведения учета дистанционной занятости. Все эти вопросы нашли отражение в «Акте об улучшении телеработы» (англ. Telework Enhancement Act. 2010)¹².

Законодатели в Европейском союзе (ЕС), рынок труда которого в начале нового столетия должен был перестроиться не только в духе изменений, происходящих под влиянием внедрения новых технологий в производство, но и в связи с расширением ЕС на восток, активизацией движения рабочей силы между отдельными государствами-членами, также понимали необходимость регламентации удаленной работы и обеспечения занятых этой формой труда правовыми гарантиями. В 2002 г. в Евросоюзе принимается «Рамочное соглашение о телеработе» (англ. Framework Agreement on Telework)¹³, по которому такая занятость представляет собой одну «из форм организации и/или выполнения работы с использованием информационных технологий в контексте трудового договора/отношений, где работа, которая также может быть выполнена в помещениях работодателя, осуществляется за пределами этих помещений на регулярной основе». В целом это Рамочное соглашение служит достаточно прочной правовой основой защиты прав работников, трудящихся в дистанционном режиме.

10. Кожевников О.А., Чудиновских М.В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 3. С. 563-583.

11. Nilles J.M. Making Telecommuting Happen: A Guide for Telemanagers and Telecommuters. New York: Van Nostrand Reinhold, 1994. xxi, 196 p.

12. Telework Enhancement Act. 2010 // URL: <https://www.telework.gov/guidance-legislation/telework-legislation/telework-enhancement-act>.

13. ETUC, UNICE-UEAPME and CEEP, Framework Agreement on Telework, Brussels. 16 July 2002 // URL: <https://www.etuc.org/en/framework-agreement-telework>.

Что касается четырехдневной рабочей недели, то в отличие от удаленной работы, которая уже законодательно закреплена во многих государствах, здесь имеется лишь вышеупомянутое предложение МОТ, высказанное в 2014 г. Аргументами за введение четырехдневки выступают: рост автоматизации и цифровизации труда; снижение эксплуатационной и экологической нагрузки, в частности, уменьшение выбросов парниковых газов вследствие дополнительного выходного дня; стимулирование творческого роста работников, повышение их квалификации, что в итоге может способствовать росту производительности труда. Еще существеннее выглядят последствия четырехдневной рабочей недели для саморазвития и самоорганизации человека, у которого появляется время для хобби, занятий спортом, общения с близкими.

Несмотря на то, что практика перевода трудящихся на четырехдневную рабочую неделю известна с 1965 г., когда ее внедрила британская компания Roundpay Metal Finishers, отношения к четырехдневке напоминают движения маятника: есть ее восторженные сторонники, имеются и основательно подкованные как с юридической, так психологической позиций, противники.

Наибольшее число одобряющих такое нововведение оказалось в Исландии, где в 2015–2019 гг. были осуществлены специальные эксперименты, в ходе которых четырехдневная рабочая неделя внедрялась без снижения заработной платы. В основном они затронули работников государственного сектора, где продолжительность рабочей недели несколько ниже, чем в частном секторе. Главное, на что обратили внимание организаторы экспериментов, это — на снижение уровня стресса работников, более редкие случаи профессионального выгорания, удовлетворение от нахождения баланса между работой и личной жизнью при сохранении высокой продуктивности труда. Но, несмотря на то, что эксперимент убедил и работодателей, и граждан в преимуществах четырехдневной рабочей недели и в

таком режиме начала трудиться значительная часть работоспособных граждан, в правовом поле Исландии это положение пока не закреплено. Эксперимент, подобный исландскому, готовится в Испании. В Японии разработаны несколько правительственных программ, которые должны повысить привлекательность такого графика.

Среди наиболее активных противников четырехдневной рабочей недели следует выделить греческих рабочих, в начале лета 2021 г. организовавших 24-часовую общую забастовку против предлагаемой властями реформы труда. Согласно ей может быть введен гибкий график, включающий и продленные выходные, и более продолжительную работу в течение четырех дней. Профсоюзными организациями такие предложения оцениваются как повышающие риск увеличения эксплуатации трудящихся и сложностей с получением отпуска. В Российской Федерации ведутся дискуссии о четырехдневной рабочей неделе, которые подтверждают, что эта проблематика пока не превратилась ни в социальную потребность, ни, тем более, подлежит немедленному правовому рассмотрению.

Подводя итоги, следует отметить, что за два столетия борьбы трудящихся за право рациональной организации рабочего времени, при которой у человека есть возможность не только продуктивно осуществлять профессиональные обязанности, но и восстанавливаться физически и психологически, а также заниматься саморазвитием, было достигнуто настолько много, что в условиях постиндустриальной трансформации экономики начала обнаруживаться новая тенденция. Она показывает, что пока свобода выбора режима труда не вызрела как жизненная необходимость существенной части занятых. Поэтому предложение Международной организации труда о переходе на четырехдневную рабочую неделю при всей своей прогрессивности опередило время. Однако в этом надо видеть не упущение, а, наоборот, передовую позицию этой структуры, проявленную в вопросах организации рабочего

времени. МОТ обрисовала перспективу очень недалекого будущего, к которому нужно готовиться уже сегодня. Потому что, когда установление четырехдневной рабочей недели станет императивом, люди должны будут обладать весьма высокими навыками самоорганизации и саморазвития. Для этого могут потребовать-

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Международная организация труда: столетний опыт регулирования социально-трудовых отношений // Власть истории – История власти. Т. 5. ч. 3. 2019 (№ 17). С. 242-256.
2. Золотов А.В. Сокращение рабочего времени как закон-тенденция развития капиталистического производства // Проблемы современной экономики. 2016. № 3(59). С. 51-56.
3. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60-67.
4. Кожевников О.А., Чудиновских М.В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 3. С. 563-583.
5. ETUC, UNICE-UEAPME and CEEP, Framework Agreement on Telework, Br ssels. 16 July 2002 // URL: <https://www.etuc.org/en/framework-agreement-telework>.
6. Hutchins B.L., Harrison A. A History of Factory Legislation. London: P.S. King & Son, 1911. 320 p.
7. Nilles J.M. Making Telecommuting Happen: A Guide for Telemanagers and Telecommuters. New York: Van Nostrand Reinhold, 1994. xxi, 196 p.
8. Skidelsky R., Skidelsky E. How Much is Enough? Money and Good Life. London: Penguin Books, 2013. 243 p.
9. Telework Enhancement Act. 2010 // URL: <https://www.telework.gov/guidance-legislation/telework-legislation/telework-enhancement-act>.

ся, в том числе, правовые шаги по закреплению прав на дополнительное образование, переквалификацию, обучение в течение всей жизни, реализацию права на здоровый образ жизни и т.д. Таким образом, произойдет расширение пространства правового закрепления организации рабочего времени.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gol'din G.G., Ternovaja L.O. Mezhdunarodnaja organizacija truda: stoletnij opyt regulirovanija social'no-trudovyh otnoshenij // Vlast' istorii – Istorija vlasti. T. 5. Ch. 3. 2019 (№ 17). S. 242-256.
2. Zolotov A.V. Sokrashhenie rabocheho vremeni kak zakon-tendencija razvitija kapitalisticheskogo proizvodstva // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2016. № 3(59). S. 51-56.
3. Kejns Dzh.M. Jekonomicheskie vozmozhnosti nashih vnukov // Voprosy jekonomiki. 2009. № 6. S. 60-67.
4. Kozhevnikov O.A., Chudinovskih M.V. Regulirovanie truda distancionnyh rabotnikov v Rossii i za rubezhom // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. № 3. S. 563-583.
5. ETUC, UNICE-UEAPME and CEEP, Framework Agreement on Telework, Br ssels. 16 July 2002 // URL: <https://www.etuc.org/en/framework-agreement-telework>.
6. Hutchins B.L., Harrison A. A History of Factory Legislation. London: P.S. King & Son, 1911. 320 p.
7. Nilles J.M. Making Telecommuting Happen: A Guide for Telemanagers and Telecommuters. New York: Van Nostrand Reinhold, 1994. xxi, 196 p.
8. Skidelsky R., Skidelsky E. How Much is Enough? Money and Good Life. London: Penguin Books, 2013. 243 p.
9. Telework Enhancement Act. 2010 // URL: <https://www.telework.gov/guidance-legislation/telework-legislation/telework-enhancement-act>.

А.В. ЛОСЯКОВ

Товарищество как хозяйствующий субъект периода НЭПа: правовой аспект (1921-1929 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются разные виды товариществ как основных форм хозяйствующих субъектов периода НЭПа, выявляются их характерные черты. Автор анализирует Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. и другое законодательство о товариществах. Исследуются порядок создания товариществ, их регистрация, требования к ним, а также порядок ликвидации. На основе анализа правовой базы выявляются некоторые пробелы и противоречия в законодательстве того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: товарищества, НЭП, организационно-правовые формы хозяйствующих субъектов.

ЛОСЯКОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин» ФГБОУ ВО «Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова» (e-mail: Losyakov_1987@mail.ru).

Идеи товарищеского объединения зародились еще на заре первых человеческих цивилизаций. О таких объединениях было известно в Древнем Египте и Древней Греции, но первые юридическое закрепление они получили в римском праве. В России в начале XX века и до революции 1917 года полные и коммандитные товарищества являлись основной формой консолидации капиталов. После прихода к власти большевиков одной из первых форм объединения частных предпринимателей было простое товарищество. Данный договор не подлежал государственной регистрации и проявлялся только в факте общего имущества. Условно все товарищества, действовавшие по Гражданскому кодексу РСФСР 1922 г., можно разделить на две группы: 1. товарищества, действовавшие под общей фирмой торговли или промысла; 2. товарищества, которые создавались для достижения общей хозяйственной цели (простые)¹. Термин «простое товарищество» упоминался в проекте

Швейцарского гражданского кодекса, откуда и был заимствован².

Гражданский кодекс РСФСР выделял пять основных видов товариществ:

- простые товарищества;
- полные товарищества;
- товарищества на вере;
- товарищества с ограниченной ответственностью;
- акционерные общества³.

В данной статье рассмотрим основные четыре вида товариществ, не затрагивая акционерные общества, т.к. данной вопрос заслуживает темы отдельной работы.

Простое товарищество по ГК РСФСР предполагало объединение двух и более лиц, основанным на договоре, по которому они объединяли свои вклады и совместно действовали для достижения общей хозяйственной цели. Солидарная ответственность товарищей не предполагалась, они несли только долевую

1. Бахчисарайцев Х.Э. Вопросы законодательства по внутренней торговле / хр. Х.Э. Бахчисарайцев, К. Граве, п. Эйбушитц. М., 1925. С. 27.

2. Ландкоф С.Н. Товарищества и акционерные общества: теория и практика. Харьков, 1926. С. 61.

3. СУ. 1922. № 71. ст. 904.

ответственность, прав юридического лица не имели, и все сделки совершались не от имени товарищества, а от имени всех его участников⁴. По утверждению ученого К.Г. Гаврилова, в договоре простого товарищества регулировались лишь внутренние взаимоотношения участников⁵. При этом статья 277 ГК РСФСР признавала вкладом не только имущество и денежные средства, но и оказание услуг⁶.

Для полного товарищества было характерно объединение участников под общей фирмой, которые занимались торговлей или промыслом и несли солидарную ответственность (ст. 295 ГК РСФСР)⁷. Такое товарищество образовывалось явочно-нормативным способом и являлось юридическим лицом, договор о товариществе должен был быть составлен в письменном виде и заверен в нотариальном порядке⁸.

Товарищество на вере отличалось от полного товарищества тем, что аналогично современному законодательству предполагало наличие вкладчиков наряду с полными товарищами. Вкладчики по обязательствам отвечали только своими вкладами и в управлении делами товарищества не участвовали⁹. Оба вида товариществ заносились в торговый реестр, после чего приобретали право юридического лица. Ведением торгового реестра занимались губернские экономические совещания под руководством Наркомвнutorга.

Для регистрации подавалось заявление, где указывались:

- название и род товарищества, его цели;

- персональные данные полных товарищей и вкладчиков (при наличии);
- юридический адрес товарищества и его представительство;
- срок договора;
- указание на представителей товарищества;
- размеры складочного капитала и вкладов (при наличии вкладчиков)¹⁰.

За регистрацию взимался регистрационный сбор, размер которого утверждался Наркомвнutorгом по соглашению с Наркоматом финансов. При отказе в регистрации заявитель мог его обжаловать в месячный срок в комиссию по внутренней торговле при Совете труда и обороны. Реестры различных видов товариществ велись отдельно без разделения по годам¹¹.

Товарищество с ограниченной ответственностью впервые было введено при НЭПе Гражданским кодексом РСФСР 1922 г. Однако, по мнению К.Г. Гаврилова, близкая по форме артель к такому товариществу в дореволюционной России встречалась. Правовое регулирование этих артелей осуществлялось «Положением об артелях трудовых от 1 июня 1902 г.»¹². Род деятельности у товарищества с ограниченной ответственностью был аналогичным полному товариществу и командитному. Ответственность по обязательствам в таком товариществе была не только внесенными вкладами, но и личным имуществом в одинаковом для всех товарищей кратном (троекратном, пятикратном и т.д.) отношении к сумме вклада каждого товарища. Учреждались

4. Данилова Е.Н. Частнохозяйственные объединения (товарищества) / под ред. Д.А. Магеровского. Основы советского права. М.-Л., 1929. С. 290-291.

5. Гаврилов К.Г. Развитие организационно-правовых форм частных коммерческих предприятий в период НЭПа: дисс. ...канд. юрид. наук. Пенза, 2005. С. 64.

6. СУ. 1922. № 71. ст. 904.

7. СУ. 1922. № 71. ст. 904.

8. Там же.

9. Там же.

10. Брагинский М.М. Общества, товарищества, тресты, артели, кооперативы и другие объединения. (Правила об учреждении и регистрации с прил. примерных уставов) / под ред. М. Брагинский, М. Кляцкин, г. Рынзюнский. М., 1924. С. 139.

11. Там же, С. 139-140.

12. Гаврилов К.Г. Развитие организационно-правовых форм частных коммерческих предприятий в период НЭПа: дисс. ...канд. юрид. наук. Пенза, 2005. С. 72.

они только в разрешенных законодательством сферах, например, товарищества по электроснабжению¹³. Часто правовое регулирование этих товариществ дополнялось отдельными декретами¹⁴. Такие товарищества могли быть организованы как с постоянным размером капитала и количеством участников, так и с переменным капиталом и составом участников. Интересно, что в законе Украинской ССР от 31 октября 1927 г. товарищества с ограниченной ответственностью могли учреждаться во всех отраслях хозяйства при условии разрешения соответствующего наркомата¹⁵.

Таким образом, из вышеизложенного можно выделить характерные отличительные признаки последнего товарищества от первых трех:

- разрешительный способ его создания;
- дополнительная кратная вкладу ответственность его участников;
- неоднородность законодательства.

Товарищества прекращали свою деятельность в следующих случаях:

- смерть одного из товарищей и договором не предусматривалось замена его наследником;
- несостоятельность или недееспособность одного из товарищей;
- заявление одним из участников о прекращении бессрочного товарищества;
- досрочный отказ от участия в товариществе;
- достижение цели товарищества или невозможности ее достижения;
- истечение срока товарищества, если оно имело срочный характер;
- требование кредитора о взыскании доли одного из товарищей;

- соглашение товарищей о прекращении товарищества.

При добровольной ликвидации товарищества ликвидаторы избирались самими товарищами, также товарищество могло быть признано несостоятельным по суду. В этом случае суд назначал ликвидаторов из посторонних товариществу лиц¹⁶.

Существовали и определенные недосказанности в законодательстве того времени, которые не были разрешены. Во-первых, было неясно можно ли состоять товарищу простого товарищества в другом однородном товариществе? Об этом в законодательстве умалчивалось. Во-вторых, предполагая долевую ответственность в простом товариществе, непонятно как разрешался вопрос об ответственности товарища при внесении им вклада в простое товарищество в виде услуги. При этом такая формулировка давала возможность обходить трудовое законодательство. Один или несколько участников товарищества вносили деньги, а другие предоставляли рабочую силу в распоряжение этих лиц, что превращалось по сути дела в отношения работодателя и наемного работника. При этом наниматель не исполнял никаких обязанностей предусмотренных трудовым законодательством¹⁷. Вызывает сомнения и норма о том, что по умолчанию все вклады одинаковые по ценности, если иное не было установлено договором, хотя можно было внести положение об обязательности внесения в договор размеров вклада. Тем не менее, несмотря на приведенные пробелы и противоречия, а также на неоднородность законодательства в некоторых случаях, товарищества стали наибо-

13. СУ. 1922. № 71. ст. 904.

14. СУ. 1924, № 59. ст. 573.

15. Данилова Е.Н. Частнохозяйственные объединения (товарищества) / под ред. Д.А. Магеровского. Основы советского права. М.-Л., 1929. С. 296-297.

16. СУ. 1922. № 71. ст. 904.

17. Данилова Е.Н. Частнохозяйственные объединения (товарищества) / под ред. Д.А. Магеровского. Основы советского права. М.-Л., 1929 С. 293.

лее распространенной организационно-правовой формой в период новой экономической политики они подверглись незначительным

изменениям со стороны законодателя после революции 1917 г. и даже были дополнены новыми формами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М.М. Общества, товарищества, тресты, артели, кооперативы и другие объединения. (Правила об учреждении и регистрации с прил. примерных уставов) / под ред. М. Брагинский, М. Кляцкин, г. Рындзюнский. М.: Наркомюст РСФСР, 1924. 172 с.
2. Бахчисарайцев Х.Э. Вопросы законодательства по внутренней торговле / хр. Х.Э. Бахчисарайцев, К. Граве, п. Эйбушитц. М.: Наркомвнуторг, 1925. 250 с.
3. Гаврилов К.Г. Развитие организационно-правовых форм частных коммерческих предприятий в период НЭПа: дисс. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2005. 198 с.
4. Данилова Е.Н. Частнохозяйственные объединения (товарищества) / под ред. Д.А. Магеровского. Основы советского права. М.–Л.: Госиздат, 1929. 670 с.
5. Ландкоф С.Н. Товарищества и акционерные общества: теория и практика. Харьков: Наркомюст УССР, 1926. 367 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Braginskij M.M. Obshhestva, tovarishhestva, tresty, arteli, kooperativy i drugie ob#edinenija: (Pravila ob uchrezhdenii i registracii s pril. primernyh ustavov) / pod red. M. Braginskij, M. Kljackin, G. Ryndzjuskij. M.: Narkomjust RSFSR, 1924. 172 s.
2. Bahchisarajcev H.Je. Voprosy zakonodatel'stva po vnutrennej trgovle / Hr. H.Je. Bahchisarajcev, K. Grave, P. Jejbushitc. M.: Narkomvnutorg, 1925. 250 s.
3. Gavrilov K.G. Razvitie organizacionno-pravovyh form chastnyh kommercheskih predprijatij v period NJePa: diss. ... kand. jurid. nauk. Penza, 2005. 198 s.
4. Danilova E.N. Chastnohozjajstvennye ob#edinenija (tovarishhestva) / pod red. D.A. Magerovskogo. Osnovy sovetskogo prava. M.–L.: Gosizdat, 1929. 670 s.
5. Landkof S.N. Tovarishhestva i akcionernye obshhestva: teorija i praktika. Har'kov: Narkomjust USSR, 1926. 367 s.

Р.С. СОРОКИН

Юридическая ответственность в современном российском праве

АННОТАЦИЯ. Процесс разрастания состояния разбалансированности института ответственности в российском законодательстве в последние годы не только не замедлился, но и, напротив, приобретает все более сложные формы, что объясняется отчасти все более частым обращением правотворческих органов государственной власти к данному инструменту, поспешностью во введении новых запретов и видов наказаний, несоразмерностью противоправного деяния и следующих за ним мер ответственности. Особой остроты проблеме добавляет и эпидемиологическая ситуация в стране и мире ввиду очередной волны распространения COVID-19, поскольку государство порой стремится решить проблему излишне жесткими или несвоевременными ограничительными мерами, включая и средства юридической ответственности.

Дальнейшее развитие института юридической ответственности сопряжено с повышенной динамикой в трансформации, охраняемых им общественных отношений. Усложнение и увеличение разнообразия социальных связей в современном обществе с необходимостью предопределяет изменение содержания и структуры института юридической ответственности, что требует со стороны юридической науки и практики повышенного внимания к вопросу о причинно-следственных закономерностях подобного рода процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: законодательство, норма, право, институт, ответственность, принуждение, государство, политика, COVID-19.

СОРОКИН РОМАН СЕРГЕЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: Sorokin.magistr@yandex.ru).

Современные реалии российской правовой действительности свидетельствуют о росте общего количества запретов и мер ответственности за их нарушение. Отмеченная тенденция имеет как положительные, так и негативные последствия для качества правового регулирования общественных отношений¹.

Представляется, что институт юридической ответственности требует внимания со стороны юридической науки на предмет изучения его достаточности, соразмерности, пропорциональности и сбалансированности.

В советский период развития отечественной юридической науки обстоятельному рассмотрению подверглись понятие, основания, видовая и функциональная характеристики юридической ответственности. Детальный анализ обозначенных вопросов позволил заложить фундамент для становления

и последующего развития общего учения о данном правовом феномене. Одновременно в рамках специально-отраслевых юридических наук также продолжали накапливаться системные знания об отдельных видах ответственности в праве.

Значительный вклад в формирование общетеоретического понятия юридической ответственности внесли труды О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского. Правоведам удалось обобщить наличествующие на тот момент отраслевые знания и предложить достаточно полное его определение: «Юридическую ответственность следует определять как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установленных для него определенных отрицательных последствиях в форме ограничений личного или имущественного характера»².

1. Сорокин Р. С. Основные тенденции развития современного российского права // Современные гуманитарные, медицинские и технические науки в мировом контексте: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 17 февраля 2020 года. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2020. С. 43-46.

2. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 317-318.

Аналогичной позиции придерживался в 70-х годах прошлого века И.А. Галаган: «Под ответственностью следует понимать конкретные меры государственного принуждения, применяемые уполномоченными на то органами государства и должностными лицами, содержащие государственное осуждение противоправных действий и выражающиеся в отрицательных для правонарушителя последствиях»³.

Отдельные исследователи критикуют видение юридической ответственности в качестве своеобразного процесса реализации санкции нормы права, ссылаясь на то обстоятельство, что реализация не всякого вида санкции в праве составляет содержание юридической ответственности.

К примеру, Д.А. Липинский полагает, что ответственность не следует сводить исключительно к наказанию или же к процессу реализации санкции. Более точным, по мнению автора, представляется раскрывать в теории права диалектическую взаимосвязь рассматриваемых правовых явлений, поскольку наказание, как и процесс реализации санкции нормы права, основано в первую очередь на институте ответственности и их существование вне последней невозможно. В результате напрашивается вывод о соотношении юридической ответственности и наказания как целого и части, а, следовательно, содержание категории ответственности значительно шире понятий наказания и санкции правовой нормы⁴.

Таким образом, в юридической литературе к настоящему моменту сложились различные концепции и трактовки юридической ответственности, в каждой из которых акцент делается на каком-то элементе, определяющем, по мнению ее авторов, сущность ответственности. В частности, юридическую ответственность представляют как: наказание, реализацию санкции, меру государственного принуждения, реакцию общества на правонарушение, обязанность претерпеть лишения, принудительно исполняемую обязанность, обязанность дать отчет,

правоотношение охранительного содержания, оценку или осуждение.

Наличие широкого разброса мнений в отношении центрального вопроса общего учения о юридической ответственности свидетельствует о сложности и многогранности изучаемого явления, а также об особой дискуссионности проблемы понятия и содержания института ответственности в правоведении.

В литературе также представлена точка зрения, согласно которой институт юридической ответственности имманентно присущ любой отрасли права, выступает критерием ее самостоятельности и зрелости и даже обладает важными интеграционными свойствами для соответствующей отрасли.

В любом случае нам представляется бесспорным утверждение об объективном характере института юридической ответственности, его выражении в нормативно-правовой форме, благодаря которой он выступает важнейшим охранительным средством правового регулирования.

В нормативном измерении юридическая ответственность являет собой сложный (межотраслевой) охранительный институт российского законодательства, объединяющий в себя нормы, закрепляющие различные виды и меры ответственности, включая как карательные, так и праввосстановительные, применяемые ввиду совершения правонарушений в целях обеспечения должного функционирования охраняемых правом общественных отношений, установления социальной справедливости.

Сам факт нормативного закрепления норм юридической ответственности предшествует процессу реализации санкций норм права. Общей же предпосылкой и важнейшей причиной формирования института ответственности в праве выступает объективная потребность общества в охране от противоправных посягательств определенных видов особо значимых общественных отношений. В отличие от иных видов социальной ответственности она непосредственно связана с деятельностью государ-

3. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 27.

4. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Л.Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид.центр «Пресс», 2004.

ства, поскольку косвенно или напрямую нормы юридической ответственности санкционируются со стороны органов государственной власти. Кроме того, реализация большинства мер юридической ответственности напрямую сопряжена с механизмом государственного принуждения, обеспечивающего неотвратимость применения ответственности за совершение правонарушения. Одновременно важно обратить внимание на формально определенный характер норм, предусматривающих юридическую ответственность, закрепляемых в строго определенных официальных формах – в законе, подзаконном акте, договоре и иных. Последний момент позволяет рассматривать юридическую ответственность в качестве определенной единой системы норм права, содержащихся в различных отраслях российского законодательства. В итоге юридическую ответственность можно рассматривать как комплексный межотраслевой институт законодательства.

Ввиду того факта, что институт юридической ответственности является одним из наиболее динамичных институтов современного российского законодательства, он подвержен постоянной трансформации и смене основных тенденций в его развитии.

В настоящее время прослеживается определенное ужесточение административной и уголовной ответственности, детализируются имеющиеся и вводятся новые составы правонарушений. Например, увеличился срок давности привлечения к административной ответственности за такие нарушения – с 2 месяцев (что позволяло избегать административной ответственности по большинству эпизодов) до 1 года. Расширяется практика мультипликации штрафов, когда по итогам одной проверки выносятся несколько постановлений о привлечении к административной ответственности (что раньше в практике государственных инспекций труда встречалось довольно редко). Правомерность такого подхода подтвердил Верховный Суд в ряде решений по конкретным делам (например, Постановление

Верховного Суда РФ от 15.08.2014 № 60-АД14-16). И инспекции труда теперь нередко штрафуют отдельно за каждое выявленное нарушение, даже если это выявилось в ходе одной проверки. Можно получить штрафы за разные нарушения (например, штраф за отсутствие в трудовом договоре обязательных условий и штраф за несвоевременную выплату заработной платы), а можно – за однотипные нарушения применительно к каждому работнику, в отношении которого допущено нарушение (например, при отсутствии аттестации или специальной оценки условий труда на рабочем месте)⁵.

Кроме того, усложняются процессы дифференциации мер юридической ответственности и одновременно снижается качество унификации ее общих начал. В охранительной подсистеме российского права далеко нередко встречается ситуация, когда отсутствуют общие нормы, устанавливающие определенный вид юридической ответственности, что свидетельствует о недостаточной степени унификации предписаний определенной отрасли российского законодательства в сфере ответственности. Однако возможна и обратная ситуация, когда нормы ответственности недостаточно дифференцированы в отношении определенной категории лиц или по отношению к отдельным видам противоправных деяний, что позволяет вести речь об отставании процессов дифференциации института ответственности от насущных потребностей в охране общественных отношений. Наиболее наглядно подобная тенденция проявляет себя в ходе анализа диспозиций охранительных норм, регулирующих родственные или смежные общественные отношения⁶.

В результате расхождения в интеграции и дифференциации норм ответственности наблюдаются негативные последствия в виде повышенной их коллизионности, неоправданной (избыточной) конкуренции охранительных нормативных предписаний, что в итоге затрудняет практику их применения, вызывает многочисленные правоприменительные ошибки. Одновременно возникает ситу-

5. Кушнир И. В. Некоторые тенденции развития института юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 57-64.

6. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972. С. 168.

ация привлечения лица к «двойной» юридической ответственности, либо, напротив, не привлечения к ответственности вовсе из-за противоречивости норм ответственности.

Проблема сбалансированности юридической ответственности самым тесным образом увязана с уже установленными или впервые вводимыми в законодательстве запрещающими нормативными предписаниями. Эпизодически в литературе исследователи обращаются и к тематике избыточности, дублирования, коллизионности и технико-юридического несовершенства запретов в праве и законодательстве. В современной юридической литературе имеется ряд публикаций, обращающих внимание на отдельные аспекты отмеченной проблемы. Описываются преимущественно фрагменты, конкретные проявления разбалансированности юридической ответственности отраслевого характера, без использования общетеоретического и системного подходов в ее изучении. Так, например, исследователи оперируют терминами «противоречие», «коллизия», «несогласованность», «асимметрия», «недостаток», «изъян» в оценке дефектов законодательной регламентации института юридической ответственности⁷.

Устойчивой тенденцией как административной, так и уголовной политики современной России является ослабление репрессивного воздействия⁸ на экономических преступников при одновременном ужесточении уголовной ответственности за коррупционные преступления⁹ и преступления против общественной безопасности. Наблюдаемый перекос в расстановке приоритетов уголовной политики негативно сказывается на состоянии законности в экономической сфере и общем уровне правопорядка в обществе, препятствует эффективному расследованию экономических преступлений и

укреплению международного сотрудничества в этой сфере.

В качестве нетривиальных направлений совершенствования института юридической ответственности в российском законодательстве следует назвать:

- расширение использования инструментов ответственности и защиты от нарушений в сфере использования электронно-цифровых технологий в правосудии и иных сферах юридической практики¹⁰;
- снижение избыточного ограничительного и карательного воздействия со стороны права в сфере предпринимательской деятельности;
- систематизацию и дальнейшую дифференциацию норм об ответственности государственных служащих с перспективой выделения в качестве самостоятельного вида юридической ответственности наряду с дисциплинарной.

В заключение, опираясь на проведенный анализ конституционной, уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и иных видов юридической ответственности, отметим наличие между ними системных противоречий, сопряженных с нарушением таких основополагающих принципов права как справедливость, гуманизм, соразмерность противоправного деяния и наказания, сочетания публичных и частных интересов и ряда других. В российской правотворческой практике нередки случаи неоправданного отождествления, смешения мер карательной и восстановительной ответственности, что чревато дублированием наказания, ущемлением интересов потерпевших от противоправных деяний, невниманием к проблеме восстановления нарушенного права.

Чем больше свободы, тем больше ответственности. Вечно актуальный древний парадокс¹¹.

7. Липинский Д.А. Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7. С. 30-34;

8. Волеводз А.Г. Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 7-8.

9. Сорокин Р. С. Антикоррупционная политика России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 91-94.

10. Сорокин Р. С. Хищения денежных средств, совершенные с использованием информационных банковских технологий // Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений: Материалы Международного научно-практического симпозиума, Москва, 24 декабря 2020 года. М., 2021. С. 189-198.

11. Timothy F.L. Chaos & Cyberculture. 1995.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата: Наука, 1972. 358 с.
2. Волеводз А.Г. Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 7-8.
3. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 198 с.
4. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
5. Кушнир И. В. Некоторые тенденции развития института юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 57-64.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Л.Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид.центр «Пресс», 2004. 409 с.
7. Липинский Д.А. Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7. С. 30-34.
8. Сорокин Р. С. Антикоррупционная политика России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 91-94.
9. Сорокин Р. С. Основные тенденции развития современного российского права // Современные гуманитарные, медицинские и технические науки в мировом контексте: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 17 февраля 2020 года. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2020. С. 43-46.
10. Сорокин Р. С. Хищения денежных средств, совершенные с использованием информационных банковских технологий // Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений: Материалы Международного научно-практического симпозиума, Москва, 24 декабря 2020 года. М., 2021. С. 189-198.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bajmahanov M.T. Protivorechija v razvitii pravovoj nadstrojki pri socializme. Alma-Ata: Nauka, 1972. 358 s.
2. Volevodz A.G. Ugolovnaja politika: mnogoobrazie problem, trebujushih reshenija // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2014. № 2. С. 7-8.
3. Galagan I.A. Administrativnaja otvetstvennost' v SSSR. Processual'noe regulirovanie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1976. 198 s.
4. Ioffe O.S., Shargorodskij M.D. Voprosy teorii prava. M.: Gosjurizdat, 1961. 381 s.
5. Kushnir I. V. Nekotorye tendencii razvitija instituta juridicheskoj otvetstvennosti v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2017. № 6(119). S. 57-64.
6. Lipinskij D.A. Problemy juridicheskoj otvetstvennosti / pod red. L.Hachaturova. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Jurid. centr «Press», 2004. 409 s.
7. Lipinskij D.A. Nesoglasovannost' Kodeksa ob administrativnyh pravonarushenijah // Jurist. 2003. № 7. S. 30-34.
8. Sorokin R. S. Antikorrupcionnaja politika Rossii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2021. № 1(60). S. 91-94.
9. Sorokin R. S. Osnovnye tendencii razvitija sovremennogo rossijskogo prava // Sovremennye gumanitarnye, medicinskie i tehnicheckie nauki v mirovom kontekste: Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 17 fevralja 2020 goda. M.: Izdatel'skij dom «Nauchnaja biblioteka», 2020. S. 43-46.
10. Sorokin R.S. Hishhenija denezhnyh sredstv, sovershennye s ispol'zovaniem informacionnyh bankovskih tehnologij // Aktual'nye voprosy publichno-pravovogo regulirovanija jekonomicheskikh otnoshenij: Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma, Moskva, 24 dekabrja 2020 goda. M., 2021. S. 189-198.

С.А. БУКАЛЕРОВ, М.Б. МУРАТХАНОВА, В.А. ЧУКРЕЕВ

Квалификация склонения к совершению самоубийств несовершеннолетних в России и КНР

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются факты отсутствия практики по привлечению к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное статьей 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и исследуется вынесенный приговор по делу И. Толмачева и Е. Синельниковой. Также рассмотрена теория привлечения за сходные деяния в КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: склонение к совершению самоубийства, Китай, наказание, коллизия, зарубежная практика, уголовная ответственность

БУКАЛЕРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (e-mail: sergbukalero@yandex.ru);

МУРАТХАНОВА МЕРУЕРТ БЕЙСЕНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан) (e-mail: murathanova@mail.ru);

ЧУКРЕЕВ ВАДИМ АНДРЕЕВИЧ – кандидат юридических наук, заместитель прокурора Свердловской области, (Екатеринбург, Россия) (e-mail: chukreevav@mail.ru).

В 2017 году в УК РФ была внесена статья 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства». Несмотря на то, что до настоящего времени практики совсем нет, однако работники правоохранительных органов утверждают, что на 1 августа 2021 г. по ст. 110.1 УК РФ по всей стране было возбуждено более 100 уголовных дел, но до суда не дошло ни одно. В печати, на сайтах различных СМИ часто появляются факты о самоубийствах несовершеннолетних. Зачастую это было их самостоятельное рашение, обусловленное различными негативными факторами (первая неразделенная любовь, неудачи в учебе, конфликты со сверстниками, непонимание родителей), но для правоведов важно установить было ли негативное влияние на ребенка для принятия им решения покончить с жизнью. Это проблема не только юристов, психологов, педагогов и родителей, но и всех членов нашего общества.

9 марта 2021г. Президент РФ Владимир Путин жестко сказал, что, когда полиция добирается до этих уродов... это совсем другие люди. Одно дело,

когда сидит в интернете и такой крутой Рэмбо толкает девчонку или пацана с крыши прыгать, и он выстраивает целую концепцию... как только полиция зашла – в штаны наложил в прямом смысле этого слова. Ублюдок такой там сидит, букашка, раздавить его не жалко. И еще и зарабатывает на этом, на рекламе, например. Мы не можем позволить никому этого делать. И понимание такой опасности для будущего страны должно быть у большинства граждан – иначе изнутри всегда будут раскачивать. Да, это проблема, если молодой человек не может определить, где истинные ценности, но это не его проблема, а взрослых и общества – «значит, где-то мы недоработали»¹.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ преступлением признается склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства. При этом склонение – действия, направленные на возбуждение у другого лица решимости покончить с собой. Способы воздействия на потерпевше-

1. Президент РФ потребовал защитить детей и подростков от интернет-угроз – Российская газета (rg.ru).

го могут быть любыми, за исключением указанных в ст. 110 УК. Вместе с тем его действия не могут быть признаны соучастием в самоубийстве, поскольку оно по уголовному закону не признается преступлением.

На наш взгляд, лицо, которое склоняет несовершеннолетнего совершить самоубийство, — он выступает в роли подстрекателя или организатора, или исполнителя преступления, но в последнем случае необходима иная квалификация.

Рассмотрим пример. В 2020 г. был вынесен приговор кураторам «группы смерти», которые подталкивали подростков к суициду, — жителю Ханты-Мансийского автономного округа Илье Толмачеву и жительнице Ямало-Ненецкого автономного округа Елене Синельниковой по ч.3 ст. 30 ч. 2 ст. 105 УК РФ — покушение на убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В течение трех месяцев — с октября по декабрь 2016 года Толмачев и Синельникова через одну из социальных сетей общались со школьницей. Поэтапно они подавляли волю девочки, устанавливая контроль над ее сознанием, давая указания, выдвигая требования, а также принуждая к совершению действий по причинению себе повреждений. Желая наступления смерти ребенка, Толмачев и Синельникова в последнем задании потребовали от девочки выполнения действий, последствия которых несовместимы с жизнью.

Благодаря своевременному вмешательству родителей трагедию удалось предотвратить в последний момент. Позже ей была оказана необходимая психологическая помощь. Но суд со всеми собранными доказательствами согласился и отправил Толмачева на 8 лет в колонию строгого режима. Синельникова осуждена на 6 лет условно с испытательным сроком 5 лет.

На наш взгляд, суд принял правильное и своевременное решение, признав И. Толмачева и Е. Синельникову виновными в покушении на убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Дело в том, что эти лица напрямую желали совершить убийство и

была попытка его совершить руками самого ребенка, что можно признать опосредованным причинением, а не самоубийством. Безусловно, это тонкий момент, необходимо тщательно изучить субъективную сторону деяния, которое совершили виновные. Большое положительное значение в этом вопросе имел тот факт, что девочка осталась жива, ее смогли опросить и доказать ее нежелание совершить самоубийство.

На практике есть случаи, когда лица специально, методично воздействуют на несовершеннолетних и по разным причинам, зачастую манипулируя ими, заставляют детей покончить с жизнью.

Впервые про «группы смерти» в нашей стране стали говорить в конце 2015 года после самоубийства тинейджера — 16-летней студентки колледжа из Уссурийска. Только тогда заметили, что появились группы, где участников подталкивают к самоубийству, давая буквально пошаговые инструкции. Игру со смертью на протяжении пяти лет разрабатывал Филипп Будейкин. После того как игра привела к самоубийству около 15 детей по всей России, Будейкина задержали. Филипп Будейкин называл себя в Сети «Ангелом смерти» и имел неоконченное высшее психологическое образование. Организовал минимум 8 «групп смерти».

17 июля 2017 года Тобольский районный суд Тюменской области вынес приговор Ф. Будейкину. Подсудимый имел цель довести до самоубийства двух несовершеннолетних девочек, к счастью, последствий в виде самоубийств двух несовершеннолетних детей не наступило, поскольку вовремя подключилась мать одного из них, а также сотрудники ФСБ России. В сети Интернет подсудимый пытался довести до самоубийства девочку из Астрахани, которая являлась школьницей, однако его действия были вовремя обнаружены и пресечены сотрудниками ФСБ России. Также подсудимый предлагал второй потерпевшей совершить акт суицида, жизнь ребенка спасла мать, которая вовремя успела обратиться в медицинское учреждение. Подсудимый был приговорен к лишению свободы на срок в размере 3 лет 4 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. Подсудимый также проверялся на причастность

к доведению до суицида множества других несовершеннолетних детей.²

Следователи зачастую назначают психологическую экспертизу ребенку, а надо искать тех взрослых людей, кто его поощрял, заставлял совершить самоубийство, таким образом, имея цель его убить, и его признавать виновным. Чаще всего экспертизы показывают на психологические особенности, предрасположенность ребенка к насилию, в том числе над собой.

Эксперты утверждают, что с детьми работают взрослые люди. Работают системно, планомерно и четко, шаг за шагом подталкивая их к последней черте. Они организывают сообщества в социальных сетях, где способность на самоубийство приравнивается к внутренней свободе. Список заданий подростку системно подводил его к последней черте, зомбируя психику. Вот какие задания поручались детям. Проснуться в 4.20 и смотреть страшные видео. Порезать вдоль вен руку (неглубоко), встать в 4.20 и пойти на крышу. Целый день смотреть страшные видео. Порезать губу. Протыкать руку иголкой. Залезть на мост. Залезть на кран. Сидеть вниз ногами на краю крыши. В 4.20 утра пойти на рельсы. Ни с кем не общаться. При этом куратор приказывал преодолеть в себе страхи. На финиш смертельной игры подростку называли дату смерти и внушали ему, что он должен смириться. Наконец, где-то на 50-й день поступало задание совершить самоубийство. Даже не знакомый с азами психологии человек поймет, что таким образом ребенку планомерно внушали самые страшные мысли.

За такими играми не просто стоят взрослые, вкладывают в это очень большие деньги и централизованно управляют. Идет не только психологическая обработка детей, но и обещание им вознаграждения, различные квесты, затем угрозы – все это четко отработанная система профессиональных, тщательно продуманных

приемов воздействия на неокрепшую психику. Вербовка подростков идет на бессознательном уровне, детей поощряют – если ты себя убьешь – «ты будешь героем, за тобой пойдут, на тебя будут равняться».

Во Владимирской области был оглашен приговор местным жителям, склонявшим подростков «к поведению против своей жизни и здоровья». Здесь кураторами оказались 28-летняя жительница Собинского района и ее 20-летний брат. Женщина создала много страниц в соцсети. Пострадавшими от брата и сестры признали 13-летнюю девочку и 15-летнего мальчика из других регионов. Дети остались живы исключительно благодаря тому, что вовремя вмешались. Женщина на суде вину признала и получила 5 лет и 1 месяц общего режима, ее брат осужден к условному лишению свободы на 2 года.

Необходимо отметить, что любые лица могут сообщить о наличии запрещенной информации в сети Интернет посредством сервиса «Общественная электронная приемная Роскомнадзора», где осуществлено размещение электронной формы заявления³ по различным тематикам, в том числе по сайтам в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащим информацию по: вовлечению в совершение самоубийства; употреблению наркотических средств; распространению информации с детской порнографией; проведению азартных игр (онлайн-казино и т.п.). Указанная электронная форма является официальным обращением в Роскомнадзор и влечет правовые последствия в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴.

В этой связи следует заметить, что это проблема не только России, среди 1,3-миллиардного населения Китая наиболее подвержена суицидальным настроениям молодежь. Самоубийства являются

2. Новостной портал: Официальный сайт // Газета.ру, 2021 / URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml (дата обращения 15.10.2021).

3. См.: URL: <https://rkn.gov.ru/treatments/ask-question/> (дата обращения: 25.05.2021).

4. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // www.consultant.ru.

основной причиной смертности населения КНР в возрасте от 15 до 34 лет. Причиной самоубийств среди школьников, по оценке специалистов, является неоправданное давление в школе и семье, неспособность ребенка справиться с напряжением и страхом не оправдать возложенные на него надежды⁵.

6 сентября 2019 г. в Шанхае несовершеннолетний украинец выпрыгнул с 13-го этажа дома из-за издевательств со стороны школьного учителя. Впоследствии родные мальчика рассказали о систематических издевательствах учителя, которые привели к суициду подростка. Родители обвиняют классного руководителя, который увлекается неонацизмом и во время уроков восхвалял Гитлера, а Ивану неоднократно повторял: «Вали в свою Украину!»⁶.

Рассмотрим практику Китая, в котором нет уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, а все сходные дела рассматриваются в соответствии со статьей 232 уголовного закона Китая как умышленное убийство.

Статья 232 Уголовного кодекса Китая гласит: «Умышленное убийство влечет смертную казнь, пожизненное заключение или тюремное заключение на срок более десяти лет; при незначительных обстоятельствах приговор составляет три года или более, но не более десяти лет»⁷.

В Китае считается, что склонение к самоубийству или содействие ему не является для подстрекателя, пособника, организатора самостоятельным деянием, это приравнивается к убийству.

Самоубийство в Китае признается актом свободного распоряжения человека собственной жизнью с точки зрения норм закона. Право человека совершенно свободно распоряжаться собственной жизнью и совершить самоубийство (как и в России) не наказуемо по уголовному законодательству.

Но как быть в случае, если жертва не обладает

достаточными когнитивными способностями и навыками суждения и, нельзя определить, что он решил умереть добровольно (особенно это актуально в отношении несовершеннолетних)?

В этом случае закон оценивает это как принудительное к суицидальному поведению виновного, которое, позволяет контролировать свободу выбора права на жизнь других людей, поэтому уголовный кодекс расценивает это как убийство.

Говоря о «группах смерти», необходимо отметить, что статьей 300 уголовного закона КНР запрещается организация, использование гильдий, организаций культа или использование суеверий для подрыва исполнения национальных законов и административных актов, причинения серьезных телесных повреждений или совершения преступления, повлекшего смерть человека.

Статья 50 закона Китайской Народной Республики о защите несовершеннолетних запрещает производить, копировать, публиковать и распространять книги, газеты, фильмы и другие материалы, пропагандирующие непристойность, порнографию, насилие, культы, суеверия, азартные игры, самоубийства, терроризм, сепаратизм, экстремизм и другой контент, представляющий опасность для физического и психического здоровья несовершеннолетних.

Разъяснение Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по ряду вопросов, касающихся применения закона при рассмотрении уголовных дел об организации и использовании организаций культа для подрыва применения закона от 01.02.2017 говорит о том, что организация и использование организации культа, придумывание и распространение суеверных заблуждений, организация, планирование, подстрекательство, запугивание, подстрекательство, помощь своим членам или другим лицам в совершении самоубийства, членовредительства подлежат наказанию в соответствии со статьями 232 и 234 Уголовного кодекса как преступления,

5. В Китае ежегодно кончают жизнь самоубийством четверть миллиона человек (yandex.ru).

6. Украинца Ивана Лю в Шанхае довел до суицида учитель-тиран – новости (obozrevatel.com).

7. Уголовный закон КНР // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/883cecd7fe38636dbdfb.html.

связанные с умышленным убийством или умышленным нанесением телесных повреждений⁸.

Китайский ученый Чжу Янь понимает существующую проблему в применении уголовного закона к лицам, склоняющим к совершению самоубийства и надеется на то, что в уголовном законе КНР появится специальный состав, аналогично России или Японии⁹.

Таким образом, российский законодатель опережает многие страны в установлении уголовной

ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, однако в ряде случаев необходимо тщательнее исследовать обстоятельства дела и в случае наличия фактов не склонения к самоубийству, а наличия умысла на убийство несовершеннолетних перекалифицировать деяние виновных. Считаем, что приговор по делу И.Толмачева и Е. Синельниковой – прекрасный пример правильной, слаженной работы правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Президент РФ потребовал защитить детей и подростков от интернет-угроз – Российская газета (rg.ru). // URL <https://rg.ru/2021/03/10/prezident-rf-potreboval-zashchitit-detej-i-podrostkov-ot-internet-ugroz.html> (дата обращения – 16.10.2021)
2. Администратор «групп смерти» получил три года // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml (дата обращения 15.10.2021).
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // www.consultant.ru.
4. В Китае ежегодно кончают жизнь самоубийством четверть миллиона человек // URL: <https://iz.ru/news/434660> (дата обращения – 16.10.2021).
5. Украинца Ивана Лю в Шанхае довел до суицида учитель-тиран – новости (obozrevatel.com). // URL: <https://news.obozrevatel.com/society/privivayut-muzhestvo-13-letnego-ukraintsa-svela-s-zhizni-shanhajskaya-sistema-obrazovaniya.htm>. (дата обращения 17.10.2021).
6. См. Уголовный закон КНР. // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/883cecd7fe38636dbdfb.html.
7. Interpretation of the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate on Several Issues concerning the Application of Law in the Handling of Criminal Cases involving Sabotaging the Enforcement of Laws by Organizing and Utilizing Cult Organizations // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/7b8539acf6707f97bdfb.html (дата обращения – 17.11.2021).
8. См. Янь, ч. Двустороннее оправдание «незаконного характера» самоубийства (法学), 2019. С 183. // URL: <https://www.pkulaw.com/qikan/f30da6363682711b39588500c6ceb8f8bdfb.html>.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

9. Prezident RF potreboval zashchitit' detej i podrostkov ot internet-ugroz – Rossijskaya gazeta (rg.ru). //URL <https://rg.ru/2021/03/10/prezident-rf-potreboval-zashchitit-detej-i-podrostkov-ot-internet-ugroz.html> (data obrashcheniya – 16.10.2021)
10. Administrator «grupp smerti» poluchil tri goda // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml (data obrashcheniya 15.10.2021).
11. Federal'nyj zakon ot 2 maya 2006 g. N 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashchenij grazhdan Rossijskoj Federacii» // www.consultant.ru.
12. V Kitae ezhegodno konchayut zhizn' samoubijstvom chetvert' milliona chelovek // URL: <https://iz.ru/news/434660> (data obrashcheniya – 16.10.2021).
13. Ukrainca Ivana Lyu v SHanhae dovel do suicida uchitel'-tiran – novosti (obozrevatel.com) // URL: <https://news.obozrevatel.com/society/privivayut-muzhestvo-13-letnego-ukraintsa-svela-s-zhizni-shanhajskaya-sistema-obrazovaniya.htm>. (data obrashcheniya 17.10.2021).
14. SM. Ugolovnyj zakon KNR. // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/883cecd7fe38636dbdfb.html.
15. Interpretation of the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate on Several Issues concerning the Application of Law in the Handling of Criminal Cases involving Sabotaging the Enforcement of Laws by Organizing and Utilizing Cult Organizations // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/7b8539acf6707f97bdfb.html (data obrashcheniya – 17.11.2021).
16. Sm. YAn', CH. Dvustoronnee opravdanie «nezakonnoho haraktera» samoubijstva (法学), 2019. S.183 // URL: <https://www.pkulaw.com/qikan/f30da6363682711b39588500c6ceb8f8bdfb.html>.

8. Interpretation of the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate on Several Issues concerning the Application of Law in the Handling of Criminal Cases involving Sabotaging the Enforcement of Laws by Organizing and Utilizing Cult Organizations // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/7b8539acf6707f97bdfb.html.

9. URL: <https://www.pkulaw.com/qikan/f30da6363682711b39588500c6ceb8f8bdfb.html>.

В. Ф. ДЖАФАРЛИ

Цифровая оптимизация системы наказаний применительно к инновационной преступности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена возможностям современного информационно-технологического ресурса, предоставляемого и обеспечиваемого специализированным киберкоммерческим ресурсом, при условии, в частности, встраивания в программное обеспечение перспективного уголовно-правового фильтра (УПФ), который способен моментально определять как преступность инновационного воздействия, так и его субъекта.

Также на обсуждение научного сообщества выносится вопрос о творческой переработке теоретических положений, существующих в классических научных сферах, посвященных предупреждению преступности. Речь идет о принципе «Презумпция невиновности», а также концепции «Опасное состояние личности». Как нам представляется, противостоять инновационной преступности традиционными методами не представляется возможным, а значит система наказаний должна быть подвергнута необходимой оптимизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепция уголовно-правового фильтра (УПФ), презумпция невиновности/виновности, опасное состояние личности (киберличности), криминологическая кибербезопасность, инновационная преступность, киберпреступность.

ДЖАФАРЛИ ВУГАР ФУАД ОГЛЫ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина; доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nizami.66@mail.ru).

Современный информационно-технологический потенциал, предоставляемый и обеспечиваемый специализированным киберкоммерческим ресурсом, при условии встраивания в программное обеспечение уголовно-правового фильтра (УПФ), способен моментально определять как преступность инновационного воздействия, так и его субъекта/ субъекта преступления.

Вкратце о концепции уголовно-правового фильтра. На наш взгляд, это весьма перспективное направление в правоохранительной деятельности, суть которого состоит в том, что в цифровой потенциал специализированного бизнес-ресурса, доказавшего свою эффективность при нейтрализации киберугроз, являющийся технологией искусственного интеллекта, возможно встраивание программы-«фильтра», содержащего в качестве контента текст Особенной части Уголовного кодекса РФ, что позволит не просто обнаруживать факт посягательств на «триаду интересов», но и одновременно производить их оценку по критерию

преступности / неправомерности, маркировать криминальные факты и передавать данную информацию соответствующему правоохранителю¹.

Однако, отталкиваясь от понимания того, что, в сущности, невозможно физически задержать такого киберпреступника и привлечь его к уголовной ответственности в традиционном смысле, остается лишь приспособить антикриминальный ресурс под киберпосягательства, а значит, действовать в полной мере адекватно действиям злоумышленника.

Во-первых, полагаем возможным при предупреждении инновационной преступности, выражающейся в совершении кибератак на охраняемые УК РФ объекты, наделить определенных представителей сетевого сообщества презумпцией виновности, поскольку очевидно, что любое вмешательство в системы обеспечения жизнедеятельности со стороны несертифицированных субъектов, по сути, незаконно. Проявление жесткости в данном вопросе представляется оправданным, прежде всего по критерию чрезвычайной оперативности при реа-

1. Более подробно об этом см.: Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 2: Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: Проспект, 2021. 280 с. С. 102-103, 119-123.

гировании на рассматриваемые угрозы. Подобно правилам осуществления полетов, когда каждый экипаж имеет идентифицирующие его признаки (коды, шифры и иные индивидуальные обозначения), так и пользователь должен иметь соответствующий сертификат, позволяющий реагировать на компьютерные алгоритмы и воздействовать на них в пределах своей компетенции.

Соответственно, предвидим возражения от представителей научного сообщества, связанные с принципом уголовного процесса, содержащимся в ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности». Однако подходы к предупреждению инновационной преступности должны явно претерпеть изменения, и это также должно проявиться в творческой переработке традиционных антикриминальных методов. Вообще, подходить к проблеме, в данном случае борьбы с киберкриминальными проявлениями, через единожды сложившуюся методичку, оберегая ее, образно говоря, как «священную корову», — нельзя.

Следует отметить, что в криминологической литературе отмечается фактическое наличие в условиях современной технологической революции презумпции виновности, реализуемой правоохранительной системой. Так, Е.С. Зиновьева и Ю.И. Войтенко в своей научной публикации указывают на сложившуюся ныне антикриминальную практику, в рамках которой каждый гражданин, что желает получить визу, рассматривается в качестве потенциального террориста. При этом они обоснованно полагают, что в случае пересечения границы определенных государств (например, Южной Кореи — В.Д.) вполне определенно, искусственно формируется презумпция виновности, проявляющаяся в обязанности прохождения унижительной процедуры сдачи отпечатков пальцев, а значит, законопослушному индивиду фактически приходится доказывать, что он преступником не явля-

ется. В случае же искажения конфиденциальных личных данных, произошедших в результате сбоя, вирусной атаки либо злонамеренных действий третьих лиц, человеку будет отказано в визе, соответственно, он встанет перед необходимостью сбора доказательств своей невиновности².

В качестве примера приводится случай, имевший место в 2004 г., когда агенты ФБР задержали Б. Мэйфилда, отпечатки пальцев которого правоохранители по ошибке идентифицировали как принадлежащие одному из подозреваемых в совершении взрыва поезда в Мадриде. Так, из-за программной ошибки на репутацию невиновного человека была брошена тень³.

Во-вторых, на наш взгляд, определенной творческой переработке применительно к рассматриваемой тематике должна подвергнуться категория «опасное состояние личности», существующая в рамках социологической школы уголовного права. Данную концепцию применительно к современным реалиям подробно рассмотрели в своей работе Е.В. Сафронова и В.Е. Лоба⁴.

Обоснованно отмечается, что воззрения теоретиков данного научного направления не лишены спорных моментов. Так, Г.А. Ван-Гамель указывал: «...Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое... Три понятия страшно мешают нам в этом... «вменяемость», «наказание» и «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше...»⁵

Данная теория исходит от наличия людей дефективных, не поддающихся «...действию обыкновенных средних мотивов поведения, господствующих в данном строе». Эта дефективность исходит или от каких-либо органических пороков (болезненных склонностей наподобие алкоголизма, мании, неврастении и пр.), создающих так называемую «уменьшенную вменяемость», или от недостат-

2. См.: Зиновьева Е.С., Войтенко Ю.И. Развитие био- и информационных технологий в контексте личной безопасности // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 157.

3. См.: Харкевич М.В. Усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. 2012. № 5. С. 122-129.

4. См.: Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10-17.

5. См.: Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведе-нии / под ред. Л.И. Петражицкого: Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914. С. 89-90.

ка социального воспитания. Во всех этих случаях отмечается эфемерность действия наказания, строящегося на мотивах страха и расчета⁶.

Представителями социологической школы уголовного права, в качестве метода защиты общества от лиц – носителей «опасного состояния», предлагается создание мер социальной защиты, являющихся правовой реакцией государства. Это означает, что к каждому индивиду, от душевнобольного до простого преступника, необходимо применение такой формулы, как «приспособление мер социальной репрессии к индивидуальности преступника»⁷.

Внутри самой школы также наблюдается острая полемика. Так, одни ученые считают, что меры социальной защиты – это наказание, главным образом с точки зрения эволюции понятия «наказание», другие же полагают, что они (эти меры) имеют самостоятельную природу⁸, при этом приводя такую мотивацию, что наказание связано с прошлым, с фактами «учиненного преступного деяния», и это последнее и подлежит оценке «известным образом».

Отмечается при этом, что когда же речь идет о мерах социальной защиты, то это является обращением «в будущее», когда сообразно опасности того или иного субъекта и устанавливается та или иная мера. Получается, что наказание должно назначаться в соответствии со степенью виновности, тогда как при назначении мер социальной защиты не представляется возможным определить размер и степень опасности, с которой надлежит бороться⁹. «Мы должны признать, что меры социальной защиты должны действительно быть рассматриваемы как самостоятельный институт, существующий наряду с наказанием»¹⁰.

На наш взгляд, отмеченные выше воззрения теоретиков социологической школы уголовного права

имеют важное значение для творческого переосмысления в контексте «новой» системы санкций применительно к инновационной преступности. Ведь, по сути, мы в очередной раз констатируем «кризис наказания», когда применение того или вида воздействия, определенного в ст. 44 УК РФ, невозможно.

Повторимся, что правоохранители не смогут в ближайшем будущем устанавливать признаки субъектов киберпреступлений, совершаемых в гигантских масштабах и заключающихся в киберимпульсах, в частности вменяемость таковых. Соответственно, применять по отношению к виртуальным индивидам традиционные виды наказаний также нереально, что мы подчеркиваем постоянно.

Получается, что, исходя из вышеуказанных обстоятельств фактической анонимности киберзлоумышленников, противодействовать их вредоносным воздействиям приходится практически автоматически, без «суда и следствия». И единственный на данный момент путь – это приспособление определенного наказания, о котором мы поведем речь ниже, к киберпреступнику, т.е. к субъекту, который несанкционированно, без обязательного сертификата (кода) доступа, вторгается в «terra incognita» – чужую компьютерную систему. Исходя из этого личность превалирует над действием – кибератакой и последствиями от таковой.

Понимание антивирусной программы как совокупности вредоносных алгоритмов, ранее уже использованных хакерами, дает нам четкое представление о проактивной сущности подобного антикриминального цифрового ресурса, представляющего собой вовсе не инструмент возмездия, не реакцию на событие прошлого, а в действительности меру социальной защиты, применяемой специализированным коммерческим киберресурсом преимущественно путем превентивного воздействия (а

6. См.: Люблинский П.И. О действии наказания // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914. С. 21-22.

7. См.: Ашаффенбург г. Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов: (к вопросу о реформе уголовного законодательства): пер. с нем. под ред. и предисл. Я.Л. Сакера. Одесса, 1906. С. 231.

8. См.: Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. С. 263, 276.

9. См.: Сафронова Е.В., Лоба В.Е. Указ. соч. С. 13.

10. См.: Жижиленко А.А. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. СПб., 1912. № 3. С. 41.

иначе и быть не может, учитывая потенциальную катастрофичность от последствий применения «информационного оружия») при малейшей инновационной опасности.

Таким образом, отталкиваясь от возможности наделения киберпреступников такими характеристиками, как «презумпция виновности» и «опасное состояние личности (киберличности)», считаем возможным определить соответствующие особенностям инновационной преступности (чрезвычайная массовость, минимальные временные рамки, анонимность, виртуальность, физическая неуязвимость и пр.) виды наказаний, на наш взгляд, наиболее адекватные киберугрозам.

Повторимся, что алгоритм применения санкций, предусмотренных в ст. 44 УК РФ, по отношению к киберпреступлениям не пригоден, даже, вернее, вообще не приспособлен.

Но выход из сложившейся ситуации существует, и он заключается в экзистенциальной потребности современного человека в Интернете. И если отсутствие цифровой среды для среднестатистического человека уже критично, то что говорить о хакере, который без киберпространства обречен пусть не на физическую, но на социальную смерть точно.

В отдельном монографическом исследовании мы подробно рассмотрели причины превращения человека из реального мира в «эскаписта», когда в процессе социализации индивид все более становится зависимым от цифрового мира до такой степени, что отлучение от него становится невыносимым¹¹.

Здесь существует еще одна проблема для лиц, практически постоянно погруженных в киберпространство, когда традиционные социальные связи все более замещаются цифровыми, а значит, основой для материального существования становятся опосредованные информационно-коммуникационными технологиями инновационные отношения, в том числе и связанные с получением прибыли. Без этого, естественно, невозможно обеспечить физические потребности, а, помимо этого, высо-

чайшая конкуренция, существующая в киберпространстве, диктует необходимость в осуществлении постоянного «апгрейда» аппаратно-программного оборудования, что предопределяет нужду в денежных средствах. Помимо этого, специфика и динамика цифровой среды, требующие постоянного повышения своего профессионального уровня, сподвигает хакера на взаимодействие с другими интернет-специалистами, двигаясь, таким образом, по направлению к легкому и относительно безопасному обогащению преступным путем.

Теперь представим, что хакер вдруг лишается своего жизненного пространства — цифровой среды, а значит, обрываются не только опосредованные ИКТ-инструментами киберсоциальные связи, но также утрачиваются все источники доходов. Очевидно, что индивид, утративший возможности для существования в реальном мире, традиционные трудовые навыки которого атрофированы, а также отсутствует соответствующее образование, вполне вероятно станет не просто «белой вороной» в обществе, а по-настоящему изгоем, и отщепенцем.

Это напоминает случаи, связанные с лицами, проведшими долгие годы в местах заключения, которым крайне тяжело приспособиться к нормальной социальной жизни, а подчас и невозможно. Так вот, при обоих рассмотренных вариантах, конечно же, должно возникнуть чувство сострадания. Действительно, принцип гуманизма должен соблюдаться всегда, однако конституционный принцип, в основе которого условием жизнедеятельности индивида является неукоснительное уважение прав других и соблюдение социально полезной линии поведения, диктует государству в рамках выполнения охранительной функции занимать жесткую позицию по отношению к нарушителям закона.

Итак, отметив настоятельную необходимость кибериндивида в доступе к цифровой среде, мы, соответственно, приходим к пониманию, что, лишив инновационного преступника (в подавляющем большинстве случаев личность которого в традиционном понимании, т.е. на уровне анкет-

11. См.: Джафарли В.Ф. Личность преступника в механизме преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: РУСАЙНС, 2017; Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 3: Криминологические средства предупреждения преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий: монография / под ред. С. Я. Лебедева. М.: Проспект, 2021. С. 76-125.

ных данных, нам не известна, а имеем мы дело с совокупностью цифровых алгоритмов, позволяющих идентифицировать его «профиль» и посредством УПФ оценить его поведение как преступное) доступа к Сети, мы подвергаем его наказанию и вместе с тем предупреждаем совершение новых киберпреступлений.

Каким образом будет происходить отлучение

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов: (к вопросу о реформе уголовного законодательства): пер. с нем. / под ред. и предисл. Я.Л. Сакера. Одесса: В.Распопов, 1906. 256 с.
2. Джафарли В.Ф. Личность преступника в механизме преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: РУСАЙНС, 2017. 106 с.
3. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 2: Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: Проспект, 2021. 280 с.
4. Жижиленко А.А. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. СПб.: Тип. Общественная польза, 1912. № 3. С. 36-44.
5. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг.: Тип. Правда, 1914. 676 с.
6. Зиновьева Е.С., Войтенко Ю.И. Развитие био- и информационных технологий в контексте личной безопасности // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 154-161.
7. Люблинский П.И. О действии наказания / П.И. Люблинский // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914. С. 21-22.
8. Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10-17.
9. Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914. С. 89-90.
10. Харкевич М.В. Усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. 2012. № 5. С. 122-129.

киберзлоумышленников от виртуального пространства мы, криминологи, скорее всего, можем только предполагать. Здесь необходимо рассчитывать на активную деятельность информационных технологий, которые на основании обозначенных векторов должны приложить усилия к разработке эффективных цифровых инструментов, реализующих процесс пенализации в рассматриваемой области.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Ashaffenburg G. Prestuplenie i bor'ba s nim. Ugolovnaja psihologija dlja vrachej, juristov i sociologov: (k voprosu o reforme ugolovnogogo zakonodatel'stva): per. s nem. / pod red. i predisl. Ja.L. Sakera. Odessa: V.Raspopov, 1906. 256 s.
2. Dzhafarli V.F. Lichnost' prestupnika v mehanizme prestuplenij, sovershaemyh v sfere informacionnyh tehnologij: monografija / pod red. S.Ja. Lebedeva. M.: RUSAJNS, 2017. 106 s.
3. Dzhafarli V.F. Kriminologija kiberbezopasnosti: v 5 t. T. 2: Ugolovno-pravovoe obespechenie kriminologicheskoy kiberbezopasnosti: monografija / pod red. S.Ja. Lebedeva. M.: Prospekt, 2021. 280 s.
4. Zhizhilenko A.A. K voprosu o merah social'noj zashhity v otnoshenii opasnyh prestupnikov // Zhurnal ugolovnogogo prava i processa, izdavaemyj pri Russkoj Gruppe Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov. SPb.: Tip. Obshhestvennaja pol'za, 1912. № 3. S. 36-44.
5. Zhizhilenko A.A. Nakazanie. Ego ponjatie i otlichie ot drugih pravoohranitel'nyh sredstv. Pg.: Tip. Pravda, 1914. 676 s.
6. Zinov'eva E.S., Vojtenko Ju.I. Razvitie bio- i informacionnyh tehnologij v kontekste lichnoj bezopasnosti // Vestnik MGIMO. 2015. № 5 (44). S. 154-161.
7. Ljublinskij P.I. O dejstvii nakazaniya / P.I. Ljublinskij // Novye idei v pravovedenii / pod red. L.I. Petrazhickogo. Sb. 1: Celi nakazaniya / sost. P.I. Ljublinskij. SPb., 1914. S. 21-22.
8. Safronova E.V., Loba V.E. «Opasnoe sostojanie lichnosti» kak kriminologicheskaja kategorija // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2014. № 2. S. 10-17.
9. Stankevich V.B. Bor'ba s opasnym sostojaniem kak osnovnaja zadacha novogo ugolovnogogo prava // Novye idei v pravovedenii / pod red. L.I. Petrazhickogo. Sb. 1: Celi nakazaniya / sost. P.I. Ljublinskij. SPb., 1914. S. 89-90.
10. Harkevich M.V. Usilenie gosudarstva cherez ego ontologicheskoe oslablenie // Polis. 2012. № 5. S. 122-129.

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО

Безопасность общества и предупреждение преступлений

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется современное состояние проблемы обеспечения безопасности общества в парадигме предупреждения преступности. Преступность выступает как одна из угроз современного социального развития, в связи с чем возникает необходимость выстраивания модели всеохватывающей предупреждения, способной поставить человека под контроль, благодаря широким возможностям различных дисциплинарных практик, сопровождающих человеческую деятельность. Эта же стратегия отражается на уголовном праве, в котором преступность в традиционном смысле как вред, постепенно уступает место преступности как символу возможного вреда. Поэтому ширится криминализация за счет формулирования пресекательных составов преступлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество, безопасность, преступление, риск, угроза, общество риска, предупреждение преступности.

МИРОШНИЧЕНКО ДАНИИЛ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН) (e-mail: d.v.miroshnichenko@yandex.ru).

Безопасность является в современном мире приоритетной целью и одновременно стратегией развития и управления социальными процессами. Спрос на безопасность всегда высок, а потому и средства, и субъекты, которые ее обеспечивают, должны отвечать всем необходимым требованиям своевременного и адекватного реагирования на существующие угрозы.

Преступление – это несомненно одна из основных общественных угроз. И чаще всего в массовом сознании преступление представлено как нечто, что может произойти, что может сбыться с каждым в перспективе, если только государство не предпримет необходимых превентивных мер. Данные превентивные меры, как известно, из криминологии составляют один из ее предметов изучения и являются собой довольно масштабное образование – систему, в которую входят технологии воздействия в зависимости от уровня их применения: общекриминологического, специально криминологического и индивидуального. Так или иначе, такое понимание угроз в виде преступлений и мер противодействия им в виде превенции существует в современной криминологии,

что, собственно, делает возможным не только саму эту науку, но и концепцию безопасности как таковую.

Безопасность может существовать лишь там, где существует, с одной стороны, – угроза, с другой стороны – меры по ее предотвращению. То есть безопасность – это всегда не реализованная угроза существующим ценностям посредством ее предупреждения. Профессор Л. Зеднер определяет безопасность исходя из объективных и субъективных условий. С объективной стороны безопасность предполагает: 1) гипотетическое состояние абсолютной безопасности; 2) нейтрализацию угроз (состояние «защиты от»); 3) форму избежания опасности. С субъективной стороны безопасность означает чувство безопасности, отсутствие беспокойства или опасений, связанных с присутствием опасности¹.

Понимание безопасности таким образом вызывает инверсию обычной логики борьбы с преступностью. Вместо преступления, требующего борьбы с преступностью, требуется, чтобы была преступность. Как справедливо отмечает, А.Л. Гуринская, это происходит потому, что меры безопасности

1. Zedner L. The concept of security: an agenda for comparative analysis. *Legal Studies*, 23 (1). P. 155.

всегда проактивны — направлены в будущее, на защиту тех событий, которые еще не произошли². Это весьма характерно для «общества риска», когда порядок характеризуется не контролем над правонарушителями, конкретно преступлениями, а когда этот контроль тотально распространяется на всех граждан в ситуации неопределенности, способными стать правонарушителями. Это потенциальная возможность неизбежно расширяет сферу притязаний государства на порядок и одновременно тотализирует социальный контроль, поскольку суть не в правонарушении и правонарушителе, а в предупреждении этого правонарушения и своевременного выявления ситуации риска его совершения кем-либо. Как утверждает Д. Гарленд, современность в Британии и Америке живет не только правонарушителями, но и всеми — в режиме, который как никогда определяется институтами охраны порядка, наказания и профилактики³.

Общество риска, согласно У. Беку, сопряжено с самим развитием цивилизации и связано с возрастающим уровнем знания о природе и значении существующих угроз, которые являются имманентными социальным и природным процессам. Человек все больше становится зависим не от форм восприятия действительности, как она есть на самом деле, а от того, чем она может являться. Иначе говоря, общество риска в отличие от классового общества не бытие определяет сознание, а сознание — бытие⁴. Знание о рисках и мерах по их минимизации приобретает первостепенное значение, в отличие от простого знания неких истин, которые уже установлены, в том числе и прошлым опытом. Риски в современном обществе возникают, как правило, здесь и сейчас и обусловлены уже реже прошлым и все в большей степени настоящим и будущим, что делает эти риски в определенном смысле завуалированными.

Современное общество живет ожиданиями осуществления целей, к которым стремится каждый

человек. Эти цели встраиваемы в любую картину реальности и согласованы с общим традиционным и культурным укладом любого общества. Достижение позитивных целей, таким образом, становится краеугольным камнем общественного развития и реализации человеком своего жизненного смысла. Реализация целей должна быть минимально связана с рисками и соответственно угрозами, устранение которых в современных условиях развития невозможно. Поэтому важно не устранять риски, а контролировать их и правильно, методично и со знанием дела действовать, чтобы максимизировать достижение желаемого результата.

Предупреждение преступности является одной из главных черт общества риска, когда преступность выходит за границу настоящего, в глубину перспектив и прогнозов. Современный мир трансцендирует преступность. Она есть явление, которое следует ожидать. В сфере ожиданий и представлений об общественной опасности отдельных видов преступлений возрастает представление о величине риска и масштабе проблемы преступности. То есть преступность всегда связана с ожиданием, ощущением угрозы и чувства опасности.

Преступность, таким образом, как угрозу следует опознавать, но не по фактам, не в настоящем, а в предстоящем, принимая таким образом проактивные действия направленные на нивелирование угрозы преступлений.

Собственно, объектом превентивного воздействия становится не сама по себе преступность. Преступность рассматривается лишь как некий неосоздаваемый факт, угроза, которая может быть реализована в случае недостаточного или слабого контроля над риском ее появления. Сам субъект, каждый человек ставится под контроль, но не в качестве потенциального преступника, а в качестве звена в общем механизме контроля над преступностью, в котором каждый может стать или жертвой, или самим преступником. То есть

2. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. СПб, 2018. С. 110.

3. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001. P. 194.

4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 17.

преступность постепенно обезличивается, когда на смену конкретному субъекту преступления, которого следует исправлять принудительными мерами воздействия, приходит человек, представляющий потенциальную опасность. При этом сама суть состоит не в совершенном им преступлении и не в факторах, которые могут детерминировать конкретно его преступное поведение, а в общем его социальном поведении, которое в условиях дисциплинарных практик и дискурса правопорядка не может не быть объектом оценок.

При этом опасность констатируется не конкретными детерминантами, которыми так привыкли оперировать криминологи, когда говорят о том, что сумма неких негативных черт приводит к преступлению, а самим способом существования индивида, формами его социального взаимодействия и средствами достижения личных потребностей. То есть не следует делать акцент на конкретном преступлении, чтобы социально исключить субъекта из социальных практик, в которых он становится по определенным причинам опасным. Например, низкий уровень образования, который является одним из общеизвестных детерминирующих факторов преступного поведения, нивелируется дисциплиной обучения в школах, институтах, колледжах и т.д. Не обязательно мыслить о плохом ученике как о будущем преступнике, чтобы применять к нему дисциплинирующие его отставание в обучении практики контроля, которыми располагает учебное заведение (родительский контроль, сессия, замечания, выговоры, исключения из заведения и т.д.). Не обязательно неудовлетворительную отметку по предмету следует расценивать как вклад в преступное будущее человека, однако, вместе с тем, она является отражением общей системы практик оценивания субъекта в определенной сфере социальной дисциплины, в конкретных условиях времени и пространства. И таких практик множество, и каждый на отдельном этапе жизни вовлечен в них так или иначе. Это микроуровень дисциплинирования субъекта и его подготовки к встраиванию в общую систему социальных взаимодействий (профессиональных, бытовых и т.д.).

Но чем выше уровень неприспособляемости,

отторжения и неприятия социальных норм и правил поведения, тем выше ожидание или риск того, что данный человек в отдельный момент может совершить преступление. Порог между качеством мелкого правонарушителя и преступника неуловим, его нет, нет отдельных черт характера, которые бы указывали на онтологию преступника или мелкого правонарушителя. Не может быть корысти преступной или административно-наказуемой, как нет ревности преступной или иной другой. Вопрос состоит в приписывании этим качеств лишь постфактум тех или иных юридических нюансов, когда происходит оценка уже самого деяния. И на черты характера мы смотрим лишь сквозь призму прошлого, когда в биографии происходят сцепления, интерпретируемые наблюдателем как внутренние детерминанты преступления. Но до преступления эти же черты внутреннего свойства, характера есть ничто иное, как обычные человеческие качества, в разной степени проявленные и по-разному понимаемые. Так, жестокость в отношении сверстников со стороны ребенка может быть проявлением устойчивости агрессии, но если эта жестокость не приводит к правонарушению, то о человеке можно сказать лишь о том, что он агрессивен, и приписать это качество его воспитанию, характеру, мировоззрению и т.д., в целом создать картину плохого человека и говорить о нем как о плохом, производя моральные суждения. Но нельзя сказать, что он преступник, но вполне можно высказать вероятностное суждение о том, что он может стать преступником. Почему такая вероятность возможна? Потому что по логике его поведения агрессия несовершеннолетнего может быть причиной в отдельный момент другого человека. Но тем не менее сама по себе агрессия не может быть преступной или не преступной. Мы сами, основываясь на жизненном или бытовом, или профессиональном опыте, определяем возможности исхода агрессивного состояния и делаем прогноз будущего поведения, который уже связан не с моральной, а с юридической оценкой. До этого же детская агрессия становится заботой педагогики, детской психологии и иного корректирующего контроля.

Как верно отмечает п. О'Мэлли, в настоящее

время риск привел к трансформации подхода к контролю над преступностью, что проявляется в смещении акцента с ресоциализации и исправления преступника, на предупреждение преступности с помощью различных технологий, позволяющих предсказывать его будущее поведение (иными словами, вместо понимания и исправления преступника система предупреждения стремится минимизировать вред от его поведения)⁵. Важнейшая черта современной превентивной политики, подчеркивает А.Л. Гуринская, – лишение индивида субъективности, отношение к нему как к пассивному объекту, не властному над своей судьбой, лишенному возможности выбора, на который воздействуют с помощью технологий управления рисками или ситуативными способами превенции⁶.

Преступления, как и иные формы девиаций, рассматриваются в современном мире как факторы риска, как показатели будущего возможного преступного поведения. При этом важно подчеркнуть, что не только преступления играют роль маркеров будущего преступного поведения, но и любые проступки, в которых проявляется характер лица как носителя отрицательных, с позиции социальных норм, черт.

Опасность лица символически связана с преступлением, или, иначе говоря, с некоторым более масштабным событием, угрозой, которая может впоследствии произойти, если не предпринять необходимых мер предупреждения. В связи с этим важно более раннее выявление опасности, исходящей от индивида в силу угроз, которым он подвергает общество своими действиями. «Как в анамнезе жизни больного врач ищет факторы риска, способствующие возникновению и прогрессированию заболевания, так и в жизни преступника ищут обстоятельства, которые делают его опасным для окружающих»⁷. Выявление этих обстоятельств используется для прогнозирования будущего преступного поведения, так, как если бы

не предпринятые превентивные меры, он непременно бы его совершил. Поэтому ретрибутивная концепция в современных условиях общества риска и предупреждения угроз, включая преступность, все больше остается в стороне, тогда как первостепенное значение приобретает предупреждение.

В связи с этим возникает вопрос, насколько возможно расширение пределов превентивного воздействия на поведение человека и в какой форме они могут осуществляться. Также интересным вопросом становится возможность права предупреждать преступления, его место и роль в современной превентивной системе.

В западной литературе высказываются опасения относительно расширения функций государства в предупредительной сфере. События 11 сентября 2001 г. послужили отправной точкой в деятельности США по развертыванию системы раннего предупреждения террористических угроз. На фоне такой активизации развернулась довольно серьезная дискуссия относительно пределов функций государства по предупреждению и связанной с неминуемым ущемлением конституционных прав человека. Как отмечает Дж. Коул, не только в США, но и других странах после терактов 11 сентября 2001 г. была принята «парадигма предотвращения», которая включает в себя использование предлогов для превентивного задержания, расширение уголовной ответственности за запрещенное поведение, предшествующее терроризму, расширение слежки внутри страны и за рубежом. Политики и чиновники говорят о профилактике как о некачественном благе. При этом переход к модели «превентивного правосудия», когда под мотивом предупреждения терроризма происходят игнорирование фундаментальных прав человека (включая бесчеловечные тактики допросов), не может быть оправдан никакими, даже самыми благими побуждениями.

5. O'Malley P. Crime and risk. Sage publications ltd, 2010. P. 1

6. Гуринская А.Л. Указ. соч. С. 121.

7. Гуринская А.Л. Указ. соч. С. 121-122.

Как подчеркивает Дж. Коул, в США резко активизировалось применение принудительных санкций в отношении отдельных лиц, причем не в первую очередь за то, что они делали в прошлом, а за то, что есть опасения того, что они сделают в будущем. Возможности применения санкций за будущее, за опасность, которую отдельные лица представляют для безопасности США, является действительно не простой проблемой⁸.

Во-первых, невозможно предсказать даже в большой доле вероятности будущее поведение лица, если мы принимаем классическую доктрину свободной воли. Мы, например, можем предсказать, что он будет дышать, но не в силах с уверенностью сказать, в какой ресторан он завтра пойдет и что выберет в меню. Точно так же мы не можем с уверенностью сказать, что он совершит в будущем преступление и не можем гарантировать, что даже если оно будет им задумано, он в последний момент от него не откажется. Будущее не определено, а потому вероятность ошибки в связи с применением санкций за будущее поведение гораздо выше, чем если бы применялись санкции за уже совершенный факт преступления.

Во-вторых, применение санкций за будущее исключает автономия воли лица, его свободу и как следствие, его моральную ответственность. «Действительно, – пишет Дж. Коул, – если бы мы не считали, что у подсудимого есть свобода воли, было бы несправедливо наказывать его. По этой же причине не допустимо квалифицировать пристрастие к наркотикам как преступление»⁹.

В-третьих, когда государство наказывает за будущее поведение, а не за прошлое, существует опасность избирательного преследования, основанного на недопустимых критериях расы, этнической принадлежности или пола. Предсказание того, что человек может сделать в будущем, фактически по необходимости требует суждений, основанных на обобщениях о том, каким человеком он является. Поэтому существует риск того,

что при вынесении таких суждений мы будем опираться на групповые обобщения, нарушающие принципы равенства и справедливости. В качестве примера избирательного правосудия Дж. Коул приводит преследование всех лиц японского происхождения на Западном побережье во времена правления президента Франклина Рузвельта во время Второй мировой войны. Аналогично полиция Нью-Йорка останавливала и досматривала чернокожих и испаноязычных юношей чаще, чем европейской внешности, на основании предположения о том, что они также чаще имеют при себе оружие или наркотики, или иным образом представляют опасность будущей преступной деятельности¹⁰.

Вместе с тем, все эти опасения неминуемо проигрывали как доводы против применения системы раннего предупреждения и применения системы превентивных мер воздействия перед лицом опасности терроризма и иных тяжких преступлений, при условии укоренения в том, числе посредством СМИ, образа скрытого врага и культивирования страха стать жертвой террористов. Однако это касается не только террористической деятельности. Эксплицитно данная система предупреждения равным образом применяется или может применяться и к иным преступлениям.

В чем же особенность данной системы предупреждения преступлений применительно к правовым началам? Ведь праву отводится не последняя, если не сказать, определяющая роль в противодействии преступности.

В первую очередь меры принуждения должны быть легитимированы. Разумеется, нельзя просто так задержать человека без каких-либо оснований и подвергнуть его процедуре дознания по подозрению в совершении им в будущем преступления. Меры предупреждения должны стать не только легитимными, но и легальными по своей природе. Поэтому момент совершения преступления должен быть отодвинут на более ранний срок за счет

8. Cole D. The Difference Prevention Makes: Regulating Preventive Justice. Criminal Law, Philosophy (March 25, 2014) // URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s11572-013-9289-7>.

9. Там же.

10. Там же.

криминализации иных деяний, которые могут быть как собственно самими преступлениями, так и иными правонарушениями. Это происходит за счет установления новых запретов, включая криминализацию и расширение сфер принудительного воздействия на поведение человека, которое по тем или иным причинам признается в данном обществе опасным. Например, явным превентивным характером обладает институт неоконченного преступления, позволяющий привлекать лицо к уголовной ответственности на стадиях приготовления или покушения.

Очевидно, что само преступление, обязательным признаком которого выступает общественная опасность в виде причинения вреда общественным отношениям, не происходит, однако практически с позиции превентивных мер необходимо установить и пресечь линию поведения субъекта, логика которого свидетельствует о его опасном состоянии. Так, приспособляя орудия для совершения убийства, существует реальная опасность их использования в тот или иной момент, поэтому уголовный закон опережает событие преступления, создавая новое событие – приготовление к преступлению или покушения на него, при этом по сути сами по себе данные стадии являются преступлениями, хотя и неоконченными. Отмечают превентивную обусловленность института неоконченного преступления и современные ученые. Так, С.Н. Безуглый, пишет, что социально-криминологический смысл ответственности за неоконченное преступление выражается «в необходимости пресечения и предупреждения массовой криминальной деятельности, подпадающей под признаки приготовления и покушения на преступление, для предотвращения общественно опасных последствий деяний в целях минимизации вреда охраняемым уголовным законом отношениям и экономии уголовной репрессии»¹¹.

Более того, сами неоконченные составы зачастую в уголовном законодательстве подвергаются самостоятельной криминализации, образуя так называемые составы с двойной превенцией¹² или реальной опасности¹³ (например, ст.ст. 205.1 (содействие террористической деятельности), 205.3 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, 205.4 (организация террористического сообщества и участие в нем), 209 (бандитизм) УК РФ и т.д.).

Подобных составов, в которых объективная сторона составляет угрозу преступных последствий в УК РФ множество, и, как правило, речь идет о формальных конструкциях, в которых последствия приписываются как реально возможные, но для основания уголовной ответственности не являющиеся необходимыми. Действие, таким образом, сопряжено с логикой дальнейшей эскалации преступной деятельности, приводящей или могущей привести к каким-либо реальным общественно опасным последствиям. Превентивная концепция уголовного законодательства смещает акцент с реального вреда, что актуально для классической модели возмездия в сторону его предупреждения, формируемого в рамках утилитаристской модели предупреждения. Будущий вред, таким образом, становится в определенной степени символом угрозы общественным отношениям, что и делает возможным обозначенный превентивный поворот и расширение криминализации за счет добавления составов опасности. То есть криминализация получает смысл, если существует угроза будущего преступного поведения, как нечто внешнее и перманентно ставящее общество в состояние риска.

Если же говорить о возмездии, то эта модель преимущественно связана с уже наступившим преступным результатом, предупреждение которого постфактум бессмысленно. Гегелевская диа-

11. Безуглый С.Н. Ответственность за неоконченное преступление по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Белгород, 2017. С. 71.

12. См., напр., более подробно: Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 116-122.

13. См., напр., более подробно: Курсаев А.В. Состав проставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 166-180.

лектика отрицания неправа и восстановления справедливости возможна лишь в настоящем, то есть в действительности, когда последствия налицо. А потому ретрибутивистская функция уголовного наказания уравнивает лишь состояния

права и неправа. Психологический же эффект устрашения при этом становится в большей мере побочным эффектом, но не прямым последствием наказания, основной целью которого в ретрибутивизме являются подавления, кара, возмездие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безуглый С.Н. Ответственность за неоконченное преступление по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Белгород, 2017. 203 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. СПб, 2018. 555 с.
4. Курсаев А.В. Состав проставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 166-180.
5. Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 116-122.
6. Cole D. The Difference Prevention Makes: Regulating Preventive Justice. *Criminal Law, Philosophy* (March 25, 2014) // URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s11572-013-9289-7>.
7. Garland D. *The Culture of Control*. Oxford University Press, 2001. 276 p.
8. O'Malley P. *Crime and risk*. Sage publications ltd, 2010. 120 p.
9. Zedner L. The concept of security: an agenda for comparative analysis. *Legal Studies*, 23 (1). P. 153-176.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bezuglyj S.N. *Otvetstvennost' za neokonchennoe prestuplenie po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki*: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Belgorod, 2017. 203 s.
2. Bek U. *Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. M.: Progress-Tradicija, 2000. 383 s.
3. Gurinskaja A.L. *Anglo-amerikanskaja model' preduprezhdenija prestupnosti*: diss. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.08. SPb, 2018. 555 s.
4. Kursaeв A.V. *Sostav prostavlennija v opasnost' v ugovnom prave* // *Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti*. 2019. № 3. S. 166-180.
5. Obrazhiev K.V., Shujskij A.S. *Ugolovno-pravovye normy s dvojnoj prevenciej: ponjatie, sushhnost' i vidy* // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2009. № 12. S. 116-122.
6. Cole D. *The Difference Prevention Makes: Regulating Preventive Justice*. *Criminal Law, Philosophy* (March 25, 2014) // URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s11572-013-9289-7>.
7. Garland D. *The Culture of Control*. Oxford University Press, 2001. 276 p.
8. O'Malley P. *Crime and risk*. Sage publications ltd, 2010. 120 p.
9. Zedner L. *The concept of security: an agenda for comparative analysis*. *Legal Studies*, 23 (1). P. 153-176.

Р.С. ТАМАЕВ, С.Н. САВИНА

Уголовный проступок и малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ)

АННОТАЦИЯ. В представленной статье изучается проблема соотношения законопроектной и доктринальной категории «уголовный проступок» с категорией малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), в связи с проблемой места уголовного проступка в современном праве и проблемы привлечения к ответственности за деяние, признанное малозначительным. Анализу подвергнута одна из точек зрения, существующая в науке, о том, что проступок должен заместить малозначительные деяния, ответственность за которые до настоящего времени не предусмотрена.

Авторы, не возражая против самой идеи уголовного проступка, вместе с тем считают, что в основании ответственности за него не может иметь место категория, исключающая уголовную ответственность. Иначе проступок должен находиться вне рамок уголовного законодательства. Вместо этого в настоящей статье предлагается сформулировать состав административного правонарушения за деяния, признанные малозначительными в уголовном праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный проступок, правонарушение, преступление, малозначительное деяние, уголовное право, административно-деликтное право.

ТАМАЕВ РУСЛАН СУМГАИТОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН) (e-mail: nauka-raa@mail.ru);

САВИНА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – преподаватель-исследователь (e-mail: lady.savina.svtlana@yandex.ru).

Одним из важных вопросов, связанных с определением уголовного проступка и правовых границ этого понятия, является его соотношение с малозначительным деянием. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ: «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Малозначительность представляет собой, по сути, коллизию между формальным и материальным признаками преступления, т.е. между уголовной противоправностью и общественной опасностью. Установление малозначительности имеет отношение к объективной стороне посягательства. Субъективный критерий учитывается при оценке совершенного деяния и может повлиять на признание его малозначительным в том случае, когда установлена вина лица в совершении малозначительного деяния в форме прямого умысла, а именно – лицо желало совершить данное деяние и причинить исключительно незначительные последствия¹. В дан-

ной ситуации содеянное не обладает общественной опасностью, а потому не может быть признано преступлением в силу ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Оценка малозначительности деяния в правоприменительной практике вызывает множество проблем в отсутствие необходимых критериев, дающих основание к отнесению того или иного деяния к категории малозначительных. Тем более на фоне попыток законодательного введения уголовного проступка эти проблемы могут стать еще более чувствительными.

В рамках продолжающихся научной дискуссии относительно природы уголовного проступка, как представляется, важно определить, как данная категория соотносится с малозначительным деянием, исключают ли они друг друга или, напротив, вполне совместимы, на что попытаемся далее ответить.

В спорах среди ученых звучат мнения, согласно которым уголовный проступок – это и есть малозначительное деяние. Таким образом, с введением категории уголовного проступка в институте малозначительности пропадет всякая необходимость в связи с

1. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашапов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. С. 107.

формальной и содержательной заменой. Так, например, Р.Т. Гамидов пишет: «Дефиниция малозначительности и критерии ее оценки в УК не приведены, что, по нашему мнению, заставляет следственные, а затем и судебные органы самостоятельно определять их для достижения задач уголовно-правового регулирования. Закрепление категории уголовных проступков в законе будет способствовать решению многих проблем, возникающих у правоприменителей при расследовании и рассмотрении уголовных дел»². По мнению, Р.Т. Гамидова, введение уголовных проступков может способствовать решению проблемы с определением малозначительности. Во-первых, автор полагает, что, хотя деяния и признаются малозначительными, они тем не менее обладают невысокой степенью общественной опасности, во-вторых, незначительный ущерб еще не свидетельствует о том, что виновное лицо не должно подлежать ответственности.

Такого же мнения придерживается Б.Я. Гаврилов. Этот ученый также считает, что ч. 2 ст. 14 УК РФ вызывает неоднозначный подход к толкованию и правореализации данного положения. Деяние, признанное малозначительным, требует реакции со стороны государства, однако уголовная ответственность при этом исключается. Количество отказов в возбуждении уголовных дел за отсутствием состава преступления в силу малозначительности деяний «многokrратно превышает количество возбужденных дел. При этом ежегодно от 20 до 30% таких решений прокурорами признаются незаконными и необоснованными и отменяются»³. В связи с этим Б.Я. Гаврилов считает, что преступления небольшой тяжести должны составлять категорию уголовных проступков.

Действительно, относительно проблемы привлечения лица к ответственности при признании квалифицированного состава хищения малозначительным, образуется некий вакуум в выборе средств правового реагирования на противоправное поведение

виновного. На практике бывают случаи, когда деяние даже при наличии квалифицированных признаков признавалось судом малозначительным и в отношении виновного дело прекращалось в силу п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Однако в этой ситуации привлечь к административной ответственности лицо тоже не получится, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ мелким хищение признается только при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных в качестве квалифицирующих⁴.

Сложившийся нормативный пробел ученые предлагают восполнить понятием уголовного проступка, который в основе своей будет предполагать ответственность за деяния, признанные малозначительными. Иначе говоря, уголовный проступок и малозначительность деяния станут тождественными категориями. Но в таком случае возникает вопрос об основании уголовной ответственности. Если суд приходит к выводу об отсутствии общественной опасности деяния, следовательно, и об отсутствии состава преступления, то никакого основания для уголовной ответственности нет. В таком случае на какой почве возникают уголовные проступки? Как представляется, малозначительные деяния вовсе исключают криминальную характеристику деяния, а потому как таковые не составляют и не могут составлять предмет уголовно-правового регулирования.

Другой вопрос, который возникает: каково материальное основание уголовного проступка применительно к уголовному праву, если он не обладает общественной опасностью? Почему уголовный проступок сам не может быть признан малозначительным?

Ответов на данные вопросы не находим. Между тем они крайне важны, поскольку без их решения уголовный проступок остается весьма неопределенной категорией для уголовного права. Так, когда Б.Я. Гаврилов пишет, что уголовные проступки заменят категорию малозначительного деяния⁵, что-то сле-

2. Гамидов Р.Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 13. №1. С. 79.

3. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. №14. С. 398-399.

4. Апелляционное постановление № 22-225/2020 от 13 февраля 2020 г. по делу № 1-441/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kRzMwhaMitKWW/> (дата обращения – 02.05.2021).

5. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4). № 2. С. 134.

дует предложить взамен, иначе проступком можно будет считать самые незначительные деяния.

Не меньше вопросов вызывает точка зрения А.Г. Блинова и А.М. Герасимова, согласно которой суд устанавливает уголовный проступок, признавая деяние не представляющим общественной опасности в силу малозначительности. Ученые пишут: «Признавая общественную опасность сущностным признаком преступления, нецелесообразно наделять ее качествами уголовный проступок. Методологически правильным будет не отождествлять, а соотносить уголовный проступок с общественно опасным деянием. Решение поставленной задачи предполагает установление того факта, что уголовный проступок не является общественно опасным. Вместе с тем он напрямую обусловлен содержанием общественно опасного деяния, вытекает из его понимания. Это подчеркивает уголовно-правовую природу уголовного проступка»⁶.

Проблема здесь состоит в определении основания уголовного проступка и ответственности за него. Если суд приходит к выводу о том, что содеянное является малозначительным исходя из обстоятельств произошедшего, тогда в чем заключается основание для ответственности лица в рамках уголовного права?

Таким образом, ни один автор не смог ответить на вопрос, почему, если деяние признается малозначительным, лицо тем не менее должно быть подвергнуто мерам уголовно-правового воздействия, а также почему уголовный проступок не может быть признан сам по себе малозначительным.

Мы, в свою очередь, разделяем точку зрения ученых, которые отмечают, что уголовно-правовым последствием малозначительности деяния является исключение уголовной ответственности. Иными словами, «малозначительное деяние ничтожно для уголовного права»⁷. Д.Ю. Корсун совершенно пра-

вильно пишет, что малозначительное деяние вообще не порождает уголовно-правовых отношений — ни охранительных, которые возникают в связи с совершением преступления, ни регулятивных (дозволи-тельных), это юридический факт, исключающий возникновение любых уголовно-правовых отношений⁸.

Проблему привлечения к ответственности за малозначительное деяние в случаях, когда такое установлено и при этом не может быть юридически оценено, как административный проступок, считаем пробелом законодательства, который, однако, вовсе не требует введения именно уголовного проступка как категории, чтобы этот пробел устранить.

Следует отметить, что позиция А.Г. Блинова и А.М. Герасимова не носит лишь характер формализма, когда проступком следует признавать преступление в силу определенных законодательных критериев (преступление небольшой или средней тяжести, впервые совершенное). Они обращают внимание на непосредственное участие суда в оценке малозначительности (уголовный проступок есть не просто законодательное установление, но в первую очередь оценка суда деяния как малозначительного). В последнем случае вопрос о соотношении уголовного проступка и малозначительного деяния отпадает, поскольку, осуществив оценку деяния как не представляющего общественной опасности, уголовный проступок становится сам малозначительным деянием, т.е. эти категории как бы сливаются.

Кроме этого, оценка уголовного проступка формируется за счет категории преступления (небольшой или средней тяжести) как законодательной границы уголовного проступка (Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 24 к уголовным проступкам относятся лишь преступления небольшой или средней тяжести⁹). Правоприменительная практика показывает, что малозначительными деяниями могут

6. Блинов А.Г., Герасимов А.М. Уголовный проступок и его природа. С. 21-22.

7. См.: Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М. 2019. С. 142; Лобанова Л.В., Рожнов А.П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6. С. 46-50.

8. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики. С. 142.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 13 октября 2020 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <https://www.vsrfl.ru/files/29300/> (дата обращения – 07.08.2021).

быть не только преступления небольшой тяжести, но и других категорий. Так, Д.Ю. Корсун, исследуя вопросы малозначительности деяний на основе соответствующих материалов уголовных дел, пришел к выводу, что «малозначительными могут быть признаны деяния, содержащие признаки состава преступления любой категории тяжести, причем вне зависимости от объекта посягательства»¹⁰.

Отождествляя малозначительность деяний с уголовными проступками, указанные ученые тем самым признают малозначительность только для преступлений небольшой тяжести, что не соответствует действительности. Таким образом, либо уголовные проступки должны стать самостоятельной категорией наряду с категорией малозначительности, либо авторы должны признать, что уголовными проступками могут быть преступления средней тяжести, тяжкие и даже особо тяжкие. В силу этой неопределенности в правовой позиции соотношения названных категорий позицию замещения малозначительных деяний уголовными проступками нельзя признать удовлетворительной.

При решении проблемы ответственности за малозначительное деяние следует, на наш взгляд, отталкиваться от правовой позиции Конституционного Суда РФ, которая изложена в Определении от 16 июля 2013 г. № 1162, согласно которой «лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но – при наличии к тому оснований – может быть привлечено к другому виду юридической ответственности (например, административной, дисциплинарной)»¹¹. Следует поддержать данную позицию, поскольку малозначительное деяние, хотя и не подпадает под уголовно-правовые меры воздействия, но тем не менее все-таки обладает в определенной степени опасностью и лицо должно подлежать ответственности, если к этому есть юридическое основание¹².

Поскольку, как отмечалось, существует пробел в регулировании ответственности за малозначительное деяние, когда признанное судом таковым, тем не менее содеянное не подпадает под действие норм административного или иного законодательства, появляется необходимость отдельных изменений, касающихся в первую очередь самого административного законодательства. Юридическая оценка смежных деяний, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ, подчинена бинарной логике – либо деяние содержит состав преступления, либо состав административного правонарушения. Поскольку малозначительное деяние формально содержит в себе признаки преступления, оно не может быть одновременно и административным правонарушением¹³.

Д.Ю. Корсун в своем диссертационном исследовании высказал справедливую неудовлетворенность сложившейся ситуацией, которая ведет к нарушению принципа справедливости и безнаказанности лиц, совершивших малозначительное деяние. Следствием этого применение на практике ч. 2 ст. 14 УК РФ становится малоэффективным для целей превенции противоправного поведения.

Решить обозначенную проблему Д.Ю. Корсун предлагает следующим образом. Он настаивает на включении в КоАП РФ специальных норм, предусматривающих административную ответственность за деяния, признанные малозначительными в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ применительно к тем сферам, в которых малозначительность чаще всего устанавливается, а именно в сфере хищений, незаконного оборота оружия, экологических преступлений и разместить нормы об ответственности в соответствующих главах КоАП РФ. Д.Ю. Корсун приводит пример построения соответствующей нормы на примере хищения: статья 7.27.2 КоАП РФ (хищение, признанное малозначительным), т.е. «хищение, соответствующее признакам состава

10. Корсун Д.Ю. Общая характеристика деяний, которые могут быть признаны малозначительными (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 142.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» // www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2020).

12. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. С. 94-95.

13. См.: Левадная М.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Закон и право. 2018. № 9. С. 125.

преступления, признанное малозначительным на основании части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁴.

На наш взгляд, такая позиция выглядит более убедительной, в отличие от признания малозначительных деяний уголовными проступками, поскольку, во-первых, снимает проблему основания уголовно-правового воздействия на деяние, признанное мало-

значительным, и поэтому, по сути, находящегося вне рамок уголовной ответственности в силу отсутствия в нем признака общественной опасности, во-вторых, ведет к более четкой дифференциации между административной и уголовной ответственности; в-третьих, служит цели предупреждения совершения малозначительных деяний, когда в них формально присутствуют признаки состава преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блинов А.Г., Герасимов А.М. Уголовный проступок и его природа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 19-24.
2. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4). № 2. С. 131-136.
3. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387-400.
4. Гамидов Р.Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. Т. 13. 2015. № 1. С. 79-83.
5. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2019. 231 с.
6. Корсун Д.Ю. Общая характеристика деяний, которые могут быть признаны малозначительными (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 140-146.
7. Кашапов В.П. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашапов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. 280 с.
8. Левадная М.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Закон и право. 2018. № 9. С. 124-126.
9. Лобанова Л.В., Рожнов А.П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6. С. 46-50.
10. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. 221 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Blinov A.G., Gerasimov A.M. Ugolovnyj prostupok i ego priroda // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2018. № 2 (73). S. 19-24.
2. Gavrilov B.Ja. Ugolovnyj prostupok v rossijskom prave: pozhelanija zakonodatelja ili realii rossijskogo obshhestva // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2018. T. 26 (1-4). № 2. S. 131-136.
3. Gavrilov B.Ja. Ugolovnyj prostupok v strukture ugovalnogo zakona: proshloe, nastojashhee, budushhee // Juridicheskaja tehnika. 2020. № 14. S. 387-400.
4. Gamidov R.T. Maloznachitel'nost' dejanija i ugovolnyj prostupok v rossijskom ugovolnom prave // Juridicheskij vestnik DGU. T. 13. 2015. № 1. S. 79-83.
5. Korsun D.Ju. Maloznachitel'noe dejanie v ugovolnom prave: problemy teorii i praktiki: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. M., 2019. 231 s.
6. Korsun D.Ju. Obshhaja harakteristika dejanij, kotorye mogut byt' priznany maloznachitel'nymi (ch. 2 st. 14 Ugovalnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 140-146.
7. Kashapov V.P. Kriminalizacija i dekriminalizacija kak formy preobrazovanija ugovalnogo zakonodatel'stva: monografija / V.P. Kashapov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina i dr. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: ООО «Juridicheskaja firma KONTRAKT», 2018. 280 s.
8. Levadnaja M.V. Maloznachitel'nost' dejanija v ugovolnom prave // Zakon i pravo. 2018. № 9. S. 124-126.
9. Lobanova L.V., Rozhnov A.P. Maloznachitel'nost' dejanija: abstraktnost' zakonodatel'nogo regulirovanija i trudnosti pravoohranitel'noj realizacii // Zakonnost'. 2016. № 6. S. 46-50.
10. Pudovochkin Ju.E. Ocenka sudom obshhestvennoj opasnosti prestuplenija: Nauchno-prakticheskoe posobie. M.: RGUP, 2019. 221 s.

14. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики. С. 155-156.

А.Н. БЕЛИКОВ, Е.А. БЕЛИКОВА

Правовые вопросы и их решение в связи с незаконным односторонним отказом заказчика от исполнения муниципального контракта, выраженного в неисполнении заказчиком встречных обязанностей

АННОТАЦИЯ. В данной статье авторы проводят правовой анализ вопроса и его решение, касающегося неправомерного действия заказчика, а именно одностороннего отказа заказчиком от контракта в соответствии с гражданским законодательством, в порядке, предусмотренном ст. 95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». При неисполнении встречных обязанностей заказчиком подрядчик должен приостановить работы и уведомить об этом заказчика. Однако, если работы не приостановлены, то у подрядчика остается возможность для защиты своих прав.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: муниципальный контракт, нарушение подрядчиком сроков выполнения работ, односторонний отказ заказчиком от исполнения контракта, арбитражный процесс.

БЕЛИКОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, юрисконсультант ООО «Юрисконсульт Плюс», г. Одинцово Московской области (e-mail: andrei-belikov@mail.ru);

БЕЛИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – юрисконсультант ООО «Юрисконсульт Плюс», г. Одинцово Московской области (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Между МУП (заказчик) и ООО (подрядчик) по результатам открытого конкурса, на основании протокола № ПРО 1 от 2017 г., заключен контракт № 01 от 2017 г. на разработку проектно-сметной документации по объекту: «Реконструкция муниципального объекта», по условиям пунктов 1.1. и 1.2. которого ООО (подрядчик) принял на себя обязательства по выполнению предусмотренных контрактом работ в установленный контрактом срок, а МУП, в свою очередь, приняло на себя обязательство по принятию результата и оплате выполненных работ.

Согласно пункту 2.5. контракта сдача-приемка выполненных работ осуществляется приемом-сдаточными актами этапов выполненных работ, подписанными сторонами в пятидневный срок.

В силу пунктов 3.1. и 3.2. контракта датой начала выполнения работ считается дата подписания контракта, а датой окончания – дата выполнения работ в полном объеме, согласно техническому заданию, подтверждением чего является подписанный сторонами акт о приемке выполненных работ.

Окончание выполнения работ по контракту устанавливается контрактом не позднее 31 декабря 2017г.

Разделом 4 контракта предусмотрено, что проектная документация предоставляется в полном объеме согласно нормативным документам на бумажном носителе и в электронном виде.

Готовность проекта подтверждается подписанием заказчиком и подрядчиком окончательного акта приемки.

На основании пункта 10.1. контракт может быть расторгнут по соглашению сторон, по решению суда, в случае одностороннего отказа стороны от контракта в соответствии с гражданским законодательством, в порядке, предусмотренном ст.95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

09.01.2018 г. заказчик, ссылаясь на нарушение подрядчиком сроков выполнения работ, предусмотренных договором, руководствуясь положениями пункта 10.1. вышеуказанного контракта, заказчик направил подрядчику решение о расторжении контракта в одностороннем порядке и уведомление об одностороннем отказе заказчика от исполнения муниципального контракта № 01 от 2017 г.

Ссылаясь на необоснованность одностороннего отказа от исполнения муниципального контракта № 01 от 2017г., подрядчик обратился в арбитражный суд с исковыми требованиями о признании недействительным одностороннего отказа от исполнения муниципального контракта.

Факт нарушения сроков выполнения работ подрядчиком не оспаривался.

Вместе с тем, обращаясь в суд, подрядчик указал на то, что невыполнение работ в установленный срок возникло по вине заказчика.

В обоснование своих доводов, подрядчик сослался на то, что неоднократно обращался к заказчику с требованиями в предоставлении исходных данных (письма от 2017 г. № 193, № 198).

Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о правомерности одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта.

В данном деле такого характера судами допущены нарушения и выразились в следующем: суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о правомерности одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта, не приняв во внимание, что у подряд-

чика отсутствовала возможность исполнить договор в полном объеме.

Анализ судебных актов показал, что суды буквально толкуют нормы ст. 719 ГК РФ и вовсе не исследуют вопрос о возможности или невозможности исполнения договора при отсутствии встречного предоставления. Суды лишь выясняли, были ли приостановлены работы и уведомлялся ли об этом заказчик.

Согласно ст. 759 ГК РФ, п. 6 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ застройщик, технический заказчик обязан предоставить проектной организации исходные данные:

- градостроительный план земельного участка;
- результаты инженерных изысканий; (инженерно-геологические изыскания, инженерно-экологические изыскания, гидрогеологические изыскания, инженерно-географические);

-технические условия на подключение к существующим инженерным сетям.

Технические условия (далее ТУ) представляют собой документ, который необходим для того, чтобы получить разрешение на подключение строящихся (реконструируемых) объектов капитального строительства ко всем видам инженерных систем, включая водопровод и канализацию, электроснабжение, теплоснабжение, газоснабжение и т.д.

Данная документация содержит все необходимые сведения для подключения к инженерным сетям. Так же ТУ содержат следующие данные:

- условия подключения объекта к инженерным сетям, точка подключения, перечень необходимых работ, объем выделяемых мощностей;
- меры по организации учета потребления ресурсов;

экологические нормативы по охране окружающей среды и сбережению ресурсов, обязательные к исполнению;

максимальная нагрузка, возможная при эксплуатации соответствующей сети;

сроки подключения объекта, тариф за пользования услугами инженерных сетей.

Таким образом, исходные данные представляют собой: градостроительный план земельного участка; результаты инженерных изысканий; (инженерно-геологические изыскания, инженерно-экологические изыскания, гидрогеологические изыскания, инженерно-географические); технические условия на подключение к существующим инженерным сетям.

Предметом контракта № 01 от 2017г. является создание проектно-сметной документации по реконструкции объекта. Требования к объему и содержанию проектно-сметной документации установлены Постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию».

Согласно данным требованиям подпункта б п. 10 указанного Постановления пояснительная записка к проекту должна содержать исходные данные и условия для подготовки проектной документации на объект капитального строительства. В пояснительной записке указываются реквизиты следующих документов:

задание на проектирование — в случае подготовки проектной документации на основании договора;

отчетная документация по результатам инженерных изысканий;

правоустанавливающие документы на объект капитального строительства — в случае подготовки проектной документации для проведения реконструкции или капитального ремонта объекта капитального строительства;

утвержденный и зарегистрированный в установленном порядке градостроительный план земельного участка, предоставленного для размещения объекта капитального строительства;

документы об использовании земельных участков, на которые действие градостроительных регламентов не распространяется или для которых градостроительные регламенты не устанавливаются, выданные в соответствии с федеральными законами, уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, или уполномоченными органами

исполнительной власти субъектов Российской Федерации, или уполномоченными органами местного самоуправления;

технические условия, предусмотренные частью 7 статьи 48 Градостроительного кодекса Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, если функционирование проектируемого объекта капитального строительства невозможно без его подключения к сетям инженерно-технического обеспечения общего пользования (далее — технические условия).

Из вышеизложенного следует, что разработка проектно-сметной документации возможна лишь при наличии выше перечисленных исходных данных.

Необходимость представления заказчиком вместе с заданием на проектирование исходных данных обусловлена положениями статьи 759 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 6 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ. Основной перечень исходных данных, относящихся ко всем объектам строительства, определен пунктом 10 Положения, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87.

В соответствии с п. 6 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ, ст. 759 Гражданского кодекса Российской Федерации заказчик обязан передать подрядчику (проектировщику, изыскателю) задание на проектирование, в котором приводятся исходные данные, необходимые для составления технической документации (в том числе указывается метод составления сметной документации и вид используемой сметно-нормативной базы).

В Техническом задании муниципального контракта в части распределения между сторонами соответствующих обязанностей не указано, что градостроительный план земельного участка, инженерные изыскания, а также технические условия, должны быть получены подрядчиком самостоятельно.

Исходя из того, что муниципальный контракт заключен в редакции заказчика, толкование условий контракта должно осуществляться

в пользу контрагента стороны, т.е. подрядчика, на основании п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

По смыслу ст. 759 ГК РФ, ч. 5.2, 6 ст. 48 Градостроительного кодекса в качестве общего правила предусмотрено, что предоставление градостроительного плана земельного участка, инженерных изысканий, а также технических условий возложено на заказчика.

Соответственно подготовку проектной документации, задание на выполнение инженерных изысканий, либо такую документацию должен полностью представить заказчик в силу императивных правил статьи 759 ГК РФ, статьи 48 Градостроительного кодекса РФ.

Так как толкование условий, заключенного сторонами муниципального контракта, осуществляется по правилам ст. 431 ГК РФ, то обязанность по предоставлению градостроительного плана земельного участка, инженерных изысканий, технических условий, должна лежать на заказчике.

В сложившихся условиях заказчик не исполнил своих встречных обязанностей, а именно договорных обязательств в части предоставления необходимых исходных данных для подготовки проектной документации на объект капитального строительства (согласно подпункт «б» пункта 10 Положения о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию, утв. Постановлением Правительства РФ от 16.02.2008г.№87), не предоставил:

отчетную документацию по результатам инженерных изысканий;

утвержденный и зарегистрированный в установленном порядке градостроительный план земельного участка, предоставленного для размещения объекта капитального строительства;

технические условия (ТУ на водоснабжение и водоотведение, ТУ на газификацию, ТУ на электроснабжение, ТУ на подключение к слаботочным сетям, ТУ на ливневую канализацию), предусмотренные частью 7 статьи 48 Градостроительного кодекса Российской

Федерации, так как функционирование проектируемого объекта капитального строительства невозможно без его подключения к сетям инженерно-технического обеспечения общего пользования.

Исходные данные были необходимы для разработки разделов проектно-сметной документации по объекту, предусмотренные законодательством РФ.

Требования к объему проектно-сметной документации и ее содержанию установлены «Положением о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 16.02.2008г. №87.

В соответствии с п. 1 ст. 719 ГК РФ подрядчик вправе не приступать к работе, а начатую работу приостановить в случаях, когда нарушение заказчиком своих обязанностей по договору подряда, в частности не предоставление материала, оборудования, технической документации или подлежащей переработке (обработке) вещи, препятствует исполнению договора подрядчиком, а также при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что исполнение указанных обязанностей не будет произведено в установленный срок (статья 328 ГК РФ).

Между тем продолжение работ подрядчиком при наличии оснований для их приостановления в силу статьи 719 Гражданского кодекса РФ само по себе не исключает возможности применения судом положений статьи 404, 406 Гражданского кодекса РФ для определения размера ответственности при наличии вины кредитора (соответствующая правовая позиция изложена в постановлении Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 5467/14 по делу № А53-10062/2013).

Согласно п. 3 ст. 405 ГК РФ, должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора.

Согласно ст. 406 ГК РФ кредитор считается просрочившим, если он не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми

актами или договором либо вытекающих из обычаев делового оборота или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства.

Следовательно, должник не может нести ответственность за неисполнение встречных обязанностей заказчиком перед подрядчиком, если такое неисполнение было вызвано противоправными действиями кредитора.

Таким образом, частичное неисполнение подрядчиком в предусмотренный срок обязательств по контракту связано с непредставлением заказчиком результатов градостроительного плана земельного участка, инженерных изысканий, технических условий.

Кроме того, поскольку заказчиком не были в установленном законом и договором порядке предоставлены исходные данные по договору № 01 от 2017г., следовательно, срок окончания выполнения работ не наступил.

Постановлением Арбитражного суда кассационной инстанции от 27.09.2019 решение Арбитражного суда первой инстанции от 2019 г. и постановление Арбитражного апелляционного суда от 2019 г. отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал на необходи-

мость проверки доводов о наличии вины заказчика в нарушении сроков выполнения подрядчиком работ, а именно связано ли частичное неисполнение подрядчиком своих обязательств с непредставлением заказчиком результатов инженерных изысканий.

Далее судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о том, что односторонний отказ МУП (заказчика) от исполнения договора по мотиву нарушения сроков окончания работ не соответствует закону, в связи с чем удовлетворили заявленные исковые требования ООО (подрядчика) о признании недействительным одностороннего отказа от исполнения муниципального контракта от 2017г. № 01, оформленного решением МУП (заказчика) № 1 от 2018г.

Таким образом, можно отметить, что у подрядчика в описанной ситуации существует возможность защиты от неправомерных действий заказчика, а именно одностороннего отказа заказчиком от контракта в соответствии с гражданским законодательством, в порядке, предусмотренном ст.95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абсолямов Р.Г., Макаров С.В. Односторонний отказ заказчика от исполнения государственного, муниципального контракта на выполнение подрядных работ в случае нарушения подрядчиком сроков выполнения работы // Финансовое право. 2017. № 10. С. 17-20.
2. Шахова Ю.Н., Романенко А.А. Односторонний отказ заказчика от исполнения контракта на оказание услуг // Прогосзаказ.рф. 2018. № 12. С. 73-80.
3. Мельниченко О.А. Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // Закон. 2017. № 1. С. 122-135.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Absoljamov R.G., Makarov S.V. Odnostoronnij otkaz zakazchika ot ispolnenija gosudarstvennogo, municipal'nogo kontrakta na vypolnenie podradnyh rabot v sluchae narushenija podradchikom srokov vypolnenija raboty // Finansovoe pravo. 2017. № 10. S. 17-20.
2. Shahova Ju.N., Romanenko A.A. Odnostoronnij otkaz zakazchika ot ispolnenija kontrakta na okazanie uslug // Progoszakaz.rf. 2018. № 12. S. 73-80.
3. Mel'nichenko O.A. Nekotorye voprosy obuslovlennogo i vstrechnogo ispolnenija objazatel'stv // Zakon. 2017. № 1. S. 122-135.

Н.А. МАШКИН, Д.А. ШАПОВАЛОВ, А.И. ПРОКОПЬЕВ

Правовое регулирование частноправовых публичных договоров и управленческих актов в современных условиях

АННОТАЦИЯ. В статье показана роль частноправового публичного договора в системе нормативного правового регулирования в качестве одной из форм сближения частного и публичного права, дается характеристика частноправовому публичному договору, а также раскрываются его отдельные виды. Авторы поддерживают идею о создании новой отрасли права, предметом которой будут являться публичные (негосударственные) управленческие отношения, где участниками будут институты гражданского общества (например, общественные организации), коллективные образования, одной из форм будет являться публичный договор, имеющий свою особую разновидность ответственности, и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: частноправовой публичный договор, административный договор, общественные отношения, частноправовые средства, нормы публичного права.

МАШКИН НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: mashkin.n.a@mail.ru);

ШАПОВАЛОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы (e-mail: shadim@mail.ru);

ПРОКОПЬЕВ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени г. В. Плеханова (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Современное демократическое государство характеризуются повышенной ролью договора в механизме правового регулирования. Договорные начала проникают практически во все традиционно публичные сферы общественных отношений, в том числе имеющие социально-экономический, политический, правовой характер, регулируемые конституционными, административными и процессуальными отраслями законодательства¹.

Особая роль договора в системе нормативно-правового регулирования обуславливает возможность его рассмотрения в качестве одной из форм сближения частного и публичного права. Частноправовые средства активно внедряются в финансовые, трудовые, административные, уголовно-процессуальные отношения. Равно как и публично-правовые средства проникают в гражданское, семейное, жилищное, банковское, гражданское процессуаль-

ное право. Применение норм публичного права и частного права при регулировании различных областей общественной жизни, установление соотношения между ними по-прежнему относятся к актуальной проблеме юриспруденции, имеющей в современных условиях развития России большое теоретическое и практическое значение.

Необходимость такого регулирования обусловлена тем, что в социально-экономических отношениях сталкиваются частные интересы предпринимателей и публичные интересы общества. Эти интересы должны быть уравновешены и не входить в конфликт друг с другом. Подобный правовой дуализм уже давно существует в правовых системах многих стран мира. Однако ряд ученых не видят в этом делении ничего фундаментального и очевидного. К тому же до сих пор существует проблема определения критериев подобного размежевания.

1. См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 588.

Деление права на публичное и частное – архисложный вопрос. И не только в теоретическом плане. Достаточно сказать, что в одних странах дуализм в праве формально закреплен в законодательных актах, в других (например, в России) – нет². Соотношение публичного и частного права имеет и практическое значение, так как в правоприменительной практике субъектам права необходимо руководствоваться конкретными нормами, обладающими отраслевой принадлежностью. На этом фоне существуют режимы публичного и частного права. Надо согласиться с мнением С.С. Алексеева о том, что публичное и частное право – это не отрасли, а целые сферы, зоны права (суперотрасли). Причем такое деление права не только и, пожалуй, даже не столько классификационное, сколько концептуального порядка. Оно касается самих основ права, его места и роли в жизни людей, его определяющих ценностей³.

Появление новых договорных конструкций в современных условиях свидетельствует об усилении проникновения государства в гражданско-правовые отношения. Общие принципы участия государства в гражданско-правовых отношениях закреплены в гл. 5 части первой ГК РФ (ст. 124-126). Таким образом, государство в целях реализации публичных интересов общества воздействует на субъекты, осуществляющие экономическую деятельность, регулируя эту деятельность разными способами и с применением различных форм. Появляются гражданско-правовые договоры с элементами публичности. Одной из форм выражения публичности в структуре гражданско-правового регулирования, естественно, является публичный договор.

В настоящее время закон прямо относит к публичным в том числе договоры: продажи товаров в розницу (п. 2 ст. 492 ГК РФ); перевозки транс-

портом общего пользования (п. 2 ст. 789 ГК РФ); предоставления услуг связи гражданам (п. 1 ст. 45 Закона о связи); энергоснабжения (п. 1 ст. 426 ГК РФ); медицинского обслуживания (п. 1 ст. 426 ГК РФ); гостиничного обслуживания (п. 1 ст. 426 ГК РФ); проката (п. 3 ст. 626 ГК РФ); личного страхования (п. 1 ст. 927 ГК РФ); перевозки пассажиров такси (ч. 1 ст. 31 Устава автомобильного транспорта). Не так давно были внесены изменения в гражданское законодательство и появился новый вид банковского счета – публичный депозитный счет.

Согласно п. 1 ст. 26 Закона об электроэнергетике технологическое присоединение осуществляется на основании договора об осуществлении технологического присоединения, заключаемого между сетевой организацией и обратившимся к ней лицом⁴. Указанный договор является публичным. Публичным также могут признать иной договор, если продавец (подрядчик, исполнитель) ведет такую предпринимательскую деятельность, что должен реализовывать товары (работы, услуги) каждому, кто к нему обратится. Элементы «публичного» встречаются также в таких основных институтах гражданского права, как физические и юридические лица, сделки, собственность.

С другой стороны, частноправовые элементы правового регулирования договорных отношений активно проникают в сферу управления, равно как и управленческие конструкции уже внедрены в гражданские правоотношения. Вряд ли можно считать, что корпоративный договор, договор о создании акционерного общества, договор о создании народного предприятия, организационные договоры, инвестиционные соглашения и ряд подобных им договоров опосредуют лишь частные интересы участников⁵.

Особая роль в достижении баланса публичных и частных интересов принадлежит административно-

2. Бельх В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М., 2005. С. 12.

3. Алексеев С.С. Частное право: научно-публицистический очерк. М.: Статут, 1999. С. 23-27.

4. См.: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об электроэнергетике» // URL: www.pravo.gov.ru.

5. См.: «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) ст.67.2; Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)». ст. 3; Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» Ст.9» // URL: www.pravo.gov.ru.

му праву, поскольку именно оно призвано своими нормами регулировать общественные отношения, складывающиеся при взаимодействии государства и общества. Система административного права использует различные правовые средства государственного управления в целях воздействия на интересы частных лиц⁶. Механизмы и способы влияния на общественные отношения зависят от конкретных специфических целей государственного управления. Так, к примеру, несмотря на договорную форму, привносящую гражданско-правовой элемент взаимного волеизъявления сторон, и юридическое равенство субъектов, административный договор является полноценным институтом административного права, основывающимся на административно-правовых нормах и регулирующим публичные отношения, возникающие в процессе управленческой деятельности государственных органов. Необходимость более широкого понимания административных правоотношений на законодательном уровне и включение в них института административного договора между публичными и частными субъектами сохраняется до сих пор.

Существует публично-правовая специфика договоров и в финансовом праве. Отношения, возникающие из публичного договора в финансовом праве, включают в себя как управленческие, так и имущественные отношения, поскольку затрагивают движение публичных денежных средств как особой разновидности имущества. Договорная форма их регулирования не делает их идентичными гражданско-правовым отношениям, тогда как управленческая суть не делает их исключительно публично-правовыми. Сочетая в себе элементы гражданско-правовых и финансово-правовых отношений, публичные договоры имеют свой предмет и свое содержание, регулируемое нормами финансового права⁷. Так, к примеру, нормы граж-

данского права опосредуют общественные отношения, возникающие при формировании фондов денежных средств субъектами, действующими на праве частной собственности; тем самым они косвенно оказывают влияние на функционирование финансовой системы страны, т.к. от устойчивости каждого звена, входящего в финансовую систему, зависит устойчивость всей системы в целом⁸. По мнению ряда авторов, проблема применения норм публичного (финансового) права и норм частного (гражданского) права при регулировании финансовой сферы остается достаточно актуальной как для теории науки финансового права и науки налогового права, так и для правоприменительной практики.

Частный интерес присутствует в трудовых отношениях, особенно при заключении трудового договора. Защищая интересы работника, законодатель определил, что любые изменения трудового договора возможны только с письменного согласия работника. Это пример выражения публичного законного интереса в рамках трудового законодательства.

Даже беглый взгляд на полномочия органов государственной власти в сфере предпринимательства позволяет сделать вывод о высокой административной составляющей в правовом регулировании этой деятельности. Правда, положения законодательства о предпринимательской деятельности нацелены не на гарантию предпринимательских свобод, а в основном на обеспечение подконтрольности и управляемости предпринимателей⁹.

Таким образом, смысловая нагрузка термина «публичный договор», закрепленного ст. 426 ГК РФ, не совсем корректна. По всем квалифицирующим признакам законодатель относит публичный договор к типу частноправового договора. Однако правоприменительная практика и доктри-

6. Уманская В.П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть Закона. 2017. № 1. С. 69-79.

7. Веремева О.В. О специфике публичных договоров в финансовом праве: некоторые вопросы теории и практики // Финансовое право. 2019. № 6. С. 13-16.

8. Соколова Э.Д. Применение норм публичного (финансового) права и норм частного (гражданского) права в регулировании финансовой сферы // Финансовое право. 2015. № 3. С. 9-11.

9. Надежин Н.Н. Роль частных и публичных институтов предпринимательского права в обеспечении баланса отношений // Юрист. 2019. № 11. С. 12-16.

на изобилуют понятиями «публичный договор», «административный договор», публичный интерес, частный интерес при полной неопределенности значения используемых терминов. С развитием новых форм информационных технологий в сфере предпринимательства, появлением новых договорных конструкций в виде смарт-контрактов, появлением цифрового рубля, созданием системы оборота криптовалюты и технологии блокчейн, такая неопределенность будет лишь только расти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Веремеева О.В. О специфике публичных договоров в финансовом праве: некоторые вопросы теории и практики // Финансовое право. 2019. № 6. С. 13-16.
2. Надежин Н.Н. Роль частных и публичных институтов предпринимательского права в обеспечении баланса отношений // Юрист. 2019. № 11. С. 12-16.
3. Соколова Э.Д. Применение норм публичного (финансового) права и норм частного (гражданского) права в регулировании финансовой сферы // Финансовое право. 2015. № 3. С. 9-11.
4. Уманская В.П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть Закона. 2017. № 1. С. 69-79.

В данном контексте проблемы можно поддержать призывы ряда исследователей о создании новой отрасли права, предметом которой будут являться публичные (негосударственные) управленческие отношения, где участниками будут институты гражданского общества (например, общественные организации), коллективные образования, одной из форм будет являться публичный договор, имеющий свою особую разновидность ответственности, и т.д.¹⁰.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Veremeeva O.V. O specifikе publichnyh dogovorov v finansovom prave: nekotorye voprosy teorii i praktiki // Finansovoe pravo. 2019. № 6. S. 13-16.
2. Nadezhin N.N. Rol' chastnyh i publichnyh institutov predprinimatel'skogo prava v obespechenii balansa otnoshenij // Jurist. 2019. № 11. S. 12-16.
3. Sokolova Je.D. Primenenie norm publichnogo (finansovogo) prava i norm chastnogo (grazhdanskogo) prava v regulirovanii finansovoj sfery // Finansovoe pravo. 2015. № 3. S. 9-11.
4. Umanskaja V.P. Balans publichnyh i chastnyh interesov v administrativnom prave // Vlast' Zakona. 2017. № 1. S. 69-79.

10. Калинина Л.Е. Публичный договор и развитие административного права // Административное право и процесс. 2017. № 10. С.8-10.

Н.П. СЕДОВА, С.В. ЩЕТИНИНА, Ю.Е. КОНЮХОВА

Гражданско-правовое понятие и природа сделки

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается гражданско-правовое понятие и природа сделки. Рассмотрены четыре вида формы сделок, каждой сделке из которых законодательно определены условия заключения сделки именно в этой форме: устная форма, письменная форма, конклюдентная форма и бездействие. Дано определение, что сделка реализует волю лица, основу возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сделка, воля, цель, правовой результат.

СЕДОВА НИНА ПЕТРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Владимирский филиал) (e-mail: sedova.57@list.ru);

ЩЕТИНИНА СНЕЖАНА ВАДИМОВНА – Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Вязниковский отдел, Владимирская область (e-mail: zhykovastar@icloud.com);

КОНЮХОВА ЮЛЯ ЕВГЕНЬЕВНА – Генеральный директор ООО «Аудиторская фирма «Владстандарт», Владимирская область (e-mail: jkjudia@mail.ru).

В правовой доктрине сделки выделяются в качестве основного вида гражданско-правового акта, влекущего действие и юридические последствия. При этом отношения, регулируемые гражданским законодательством, в том числе связанные с заключением сделок, подвержены влиянию социально-экономических, политических и иных изменений общественной жизни, что всегда приводит к необходимости гармонизации действующего законодательства и его применения с учетом современных реалий.

Под юридической сделкой понимается такое волеизъявление, которое непосредственно направлено на определенное правовое последствие, т.е. на установление, изменение или прекращение правоотношений¹.

Д.И. Мейер предлагал рассматривать «любые юридические действия, направленные на изменение существующих правоотношений» как юридическую сделку; выделил два существенных условия сделки:

1) чтобы юридическое действие произвело изменение в существующих юридических отношениях: изменение может состоять в установлении какого-либо права, прежде не существовавшего, или

в переходе права от одного лица к другому, или в прекращении права;

2) чтобы юридическое действие было направлено к изменению существующих юридических отношений, предпринято с целью произвести это изменение; а действие, не направленное к тому, не подходит под понятие сделки. Например, сюда не подходит нарушение права, хотя оно и составляет юридическое действие и производит изменение в существующих юридических отношениях: цель нарушения права иная, а потому и существо сделки отлично от юридического действия, составляющего нарушение права.²

Содержание воли и волеизъявление лиц сделки обусловлено влиянием целого ряда социально-экономических факторов: сделки заключаются для получения выгоды, удовлетворения духовных потребностей и т.д. Волеизъявление, выражение воли лица во вне, позволяет демонстрировать волю другим лицам. В соответствии с общепринятыми правилами доктрины, воля приводит к правовым последствиям, воля может получить правовую оценку.

По словам И.Б. Новицкого, если намерение совершить юридически значимые действия не дово-

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. – М.: Статут, 2015. С. 158.

2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. – М.: Статут, 2007. С. 177.

дится до сведения лиц в доступной форме — такое завещание не является обязательным для закона³.

В дополнение к волеизъявлению, необходимому для формирования правовых последствий сделки, волеизъявления недостаточно, необходимы также некоторые действия по отношению к предмету сделки. Например, для возникновения сделки дарения мало изъявить свою волю для передачи подарка дарителем и его получению одаряемым. Для этого необходимо совершить действия по передаче и получению подарка субъектами сделки дарения.

Помимо сказанного выше, наиболее существенным важным условием совершения юридического действия в форме сделки является адресация волеизъявления одного субъекта другому субъекту.

Как указано выше, именно волеизъявлению, воле субъекта сделки вовне придается основное значение, форма выражения этой воли по отношению к окружающим ее людям должна быть достаточной и однозначно понятной.

Форма сделки выражает и закрепляет волю сторон сделки по отношению к окружающим, имеет важное значение в зависимости от возникающих сделкой правовых последствий. Другими словами, выбор формы сделки при ее совершении прямо зависит от того, к каким именно правовым последствиям приведет ее заключение и исполнение сторонами.

В настоящее время современным российским законодательством установлено четыре вида формы сделок, каждой сделке из которых законодательно определены условия заключения сделки именно в этой форме: устная форма, письменная форма, конклюдентная форма и бездействие. Кроме того, каждая из перечисленных форм сделки, в зависимости от ее особенностей и специфики заключаемого соглашения, может классифицироваться по различным (как правовым, так и иным, социально-экономическим) основаниям.

Когда избранная форма сделки признается способом выражения воли субъекта.

Законодательно закрепленное общее правило,

согласно которому признается приоритет волеизъявления перед волей, что не исключает в некоторых случаях приоритета воли⁴.

Анализируя юридическую природу сделки, важно подчеркнуть, что цель соглашения направлена на изменение прав: изменить или прекратить права, получить права собственности, право на использование и т.д. Нормы действующего в настоящее время гражданского законодательства сходятся с этой позицией ученых⁵.

Понимание сделки как действия (установление, изменение, прекращение прав и обязанностей) является абстрактным. Конкретизация сделки осуществляется посредством юридической цели. Правовое обеспечение сделки позволяет ответить на вопрос, к какому типу выражения воли признается действующее гражданское законодательство, к которому относится данная сделка. Как говорилось ранее, сделка — распространенное юридическое действие по достижению цели. Юридические последствия для сторон сделки являются правовым результатом сделки. Поскольку сделки широко распространены во всех сферах гражданских отношений, их завершение и исполнение направлены на достижение совершенно разных результатов. Исходя из этого, виды правовых результатов сделок весьма различны. Правовым результатом может быть состояние юридической связанности — заключение договора или правоотношения при сделке купли-продажи, переход права собственности. Переход права требования по обязательству также является правовым результатом, например, переход прав от кредитора к третьему лицу.

Результатом сделки должна быть достигнутая юридическая цель, однако юридические результаты сделки можно разделить на промежуточные и окончательные. После заключения договора купли-продажи промежуточной целью станет передача предметов сделки в обмен на деньги. Юридическим результатом сделки купли-продажи является переход права собственности на имущество и деньги.

3. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 2017. С. 247.

4. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2012. С. 464.

5. Седова Н.П. Приватизационные сделки // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 4 (29).

При правомерной сделке цель и правовой результат совпадают, при неправомерной они отличаются.

Например, когда недобросовестный субъект, совершая фиктивную передачу имущества, нажитого преступным путем, во избежание его конфискации на законных основаниях, осуществляет вообразаемую сделку. В этом случае перехода права собственности, как юридического следствия, в силу его недействительности не произойдет и имущество будет конфисковано (при условии, что до такой мнимой сделки оно подлежало конфискации).

Исходя из этого, если в сделке присутствуют неправомерные действия, то возможно наступление правовых последствий (пресечение). Меры, предусмотренные законом при неправомерном поведении сторон правоотношений, пресекают желания субъектов, совершающих неправомерные действия.

Важно понимать различие между правовыми целями и социально-экономическими целями сторон сделки. Социально-экономические цели достигаются путем реализации правовых целей. Искусственный конфликт между социально-экономическими целями субъекта и основой правопорядка является признание сделки незаконной.

Юридическая цель сделки отличается от мотива. Мотив стимулирует завершение сделки. Ошибочность мотива не может повлиять на законность сделки, если стороны не придают ей юридическое значение в рамках принципа свободы договора.

Анализируя нормы действующего законодательства (ст. 153 ГК РФ) и сложившуюся практику (например, Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 576-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки «Р» на нарушение ее конституционных прав ст. 153 ГК РФ, положением п. 1 ст. 200 ГК РФ и положениями части шестой статьи 152 ГПК Российской Федерации»), сделкой считаются правомерные действия, совершенные в соответствии с установленными законом требованиями. Для признания соглашения сделкой такое соглашение должно быть правомерным и иметь качества юридического факта. Именно юридический факт рождает правовые

последствия, реализует волю сторон, последствия, наступления которых хотят лица сделки, и которые определены правовыми нормами именно для данной сделки. Сделка, совершенная в соответствии с законодательством, действительна и является юридическим фактом, породившим желаемый лицами, которые участвуют в такой сделке, правовой результат.

Данная позиция преобладает как в юридической доктрине, так и в сложившейся судебной практике. Это не исключает мнений оппонентов. В научных трудах наличие легального определения «недействительные сделки» вызвала. Правомерность определяет характер сделки и не является необходимым признаком сделки. Недействительная сделка имеет присущие ей недостатки, которые делают ее неправомерной.⁶

Сделка выступает правовым средством установления прав и обязанностей самостоятельных субъектов, в этом смысле сделка — юридический способ реализации субъективных гражданских прав. В этой связи в цивилистике действует принцип допустимости, легальности любых сделок, находящихся в рамках правового поля и не противоречащих законам.

Характеристику недействительных сделок можно осуществлять, отталкиваясь от юридической природы и условий действительных сделок. Признание сделки действительной фиксирует юридический факт. Юридический факт действительной сделки — правовой результат волеизъявления, к которому стремились ее субъекты.

Действующие правовые нормы к действительным сделкам относят соглашения, соответствующие критериям: содержание сделки должно быть законно, сделка должна соответствовать нормам законодательства; субъекты сделки должны быть дееспособны и легитимны к совершению сделки (правоспособность, дееспособность, право распоряжаться имуществом в необходимом объеме; должны присутствовать воля и волеизъявление. По аналогии с законностью, незаконность сделки — несоответствие правовым критериям: содержание сделки может быть незаконно, сделка не соответствует нормам действующего законодательства;

6. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат. 1954. С. 247.

субъекты сделки имеют дефекты правоспособности, недееспособны, не имеют права распоряжаться имуществом в необходимом объеме; присутствует конфликт воли и волеизъявления.

Гражданский Кодекс РФ, в содержании п. 2 ст. 1, ст. 21, ст. 26–28, ст. 30, ст. 37, ст. 158, ст. 178, 179 ГК РФ определяет правовые границы субъектов, совершающих гражданско-правовые сделки. ГК РФ определяет требования для признания соглашения сделкой, в т.ч. и для особых видов сделок. Несмотря на политические, социально-экономические, научные изменения, принципы гражданского права, нерушимы, что прослеживается в анализе норм института сделок.

Сделки со специфическим недвижимым имуществом регулируются рядом кодификационных актов – земельным, лесным, водным, воздушным, жилищным, градостроительным кодексами. Кодексами РФ – торгового мореплавания, внутреннего водного транспорта. Указанные Кодексы, являясь специальными, по отношению к ГК РФ, регулируют специфические особенности правовых отношений, так земельный кодекс РФ (далее – ЗК

РФ) регулирует сделки с недвижимостью⁷ и отношения по использованию и охране земель в РФ (п. 1 ст. 3 ЗК РФ).

Действующие правовые нормы в подавляющей части соответствуют классической правовой доктрине, которая существует в России в течение 25 лет. Возникающие противоречия связаны с тем фактом, что различные правовые отношения во всем их разнообразии не могут быть все включены в рамки корпуса законодательства. Исходя из принципа «свободы договора», правовая интерпретация играет важную роль, поэтому разъяснения высших судов позволяют в целом единообразно применять существующие правовые нормы, значительно сокращая вероятность незаконных действий, в том числе при совершении гражданско-правовых сделок.

Таким образом, сделками признаются действия лиц (физические, юридические), направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделка реализует волю лица, основу возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 2007. 831 с.
2. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 247 с.
3. Римское частное право: учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2012. 464 с.
4. Седова Н.П. Приватизационные сделки // Вестник Владимирского юридического института. 2013. №4 (29). С.105-109.
5. Седова Н.П., Жбанков М.А. Судебная защита прав на земельные участки (специальные иски) // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 132-134.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Статут, 2015. 556 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. V 2 ch. Ch. 1. M.: Statut, 2007. 831 s.
2. Novickij I.B. Sdelki. Iskovaja davnost'. M.: Gosjurizdat, 1954. 247 s.
3. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / Pod red. I.B. Novickogo, I.S. Pereterskogo. M.: Jurisprudencija, 2012. 464 s.
4. Sedova N.P. Privatizacionnye sdelki // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2013. №4 (29). S.105-109.
5. Sedova N.P., Zhbankov M.A. Sudebnaja zashhita prav na zemel'nye uchastki (special'nye iski) // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2019. № 1(50). S. 132-134.
6. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. 10-e izd. M.: Statut, 2015. 556 s.

7. Седова Н.П., Жбанков М.А. Судебная защита прав на земельные участки (специальные иски) // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50).

В.А. ФОМИН

Правовые механизмы корпоративного контроля как обеспечения исполнения обязанностей

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены правовые механизмы, не отнесенные напрямую к способам обеспечения исполнения обязательств, предусмотренных главой 23 ГК РФ, в частности корпоративный контроль, с помощью которого возможно обеспечить надлежащее исполнение обязанностей в правоотношениях, в том числе с участием корпораций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исполнение обязанностей, корпоративный контроль.

ФОМИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата, нотариус г. Москвы (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Как ранее, так и сейчас в современных реалиях экономического состояния страны обеспечение осуществления прав субъектов гражданского права посредством надлежащего исполнения должником своих обязанностей было и остается одним из важнейших направлений правового регулирования гражданского права. Реализация указанного направления возложена на институт способов обеспечения исполнения обязательств. Нормы главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывают общие правила, определяющие как общие положения, так и виды способов. Однако способы, предложенные в данном перечне не все направлены именно на обеспечение исполнения. Некоторые (к примеру, поручительство, независимая гарантия и пр.) представляют собой более замену основного исполнения. «Другие меры к исполнению обязательства отношения не имеют. Они предназначены непосредственно для защиты имущественного (денежного) интереса кредитора в случае неисправности должника (поручительство, банковская гарантия). Уплата денег поручителем, гарантом есть только суррогат исполнения»¹.

В силу этого, следует весьма условно воспринимать

термин «обеспечение исполнения обязательств» и было бы вернее говорить об обеспечении обязательств².

В целом, назначение указанных способов – стимулировать должника к исполнению им основного обязательства под страхом понести еще большие имущественные тяготы. В свое время профессор Д.И. Мейер указывал «что вообще все то, что по правилам благоразумия может побудить должника к точному исполнению договора, будучи совместным с существующими юридическими определениями, может служить к его обеспечению»³.

Данную цель можно достигнуть, применив и иные правовые механизмы, не отнесенные напрямую к способам обеспечения исполнения обязательств. Указанная возможность обусловлена также правом, дополнять перечень способов обеспечения исполнения обязательств по соглашению сторон согласно п. 1 ст. 329 ГК РФ.

Применение данных механизмов допускается в обязательствах корпораций по отношению к своим кредиторам посредством установления корпоративного контроля в соответствующей форме. «Корпоративный контроль как возможность непосредственного или опосредованного влияния на участников общества

1. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств // Вопросы теории и практики. М., 2004. С. 29.

2. Дореволюционные юристы отмечали именно этот факт, говоря об обеспечении договоров (См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч. Ч. 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. С. 179-221.)

3. Мейер Д.И. Указ. соч. С. 181.

может достигаться посредством проникновения в корпоративную структуру.»⁴

Используя рассмотренные ниже формы корпоративного контроля, кредитор получает не только возможность воздействовать (стимулировать) должника к надлежащему исполнению им обязанности, но и в определенной степени реализовывать опосредованно (через действия участников корпорации) корпоративные права. Таким образом, происходит некая трансформация обязательственных прав в корпоративные. «Проникая» в корпорацию при посредстве полученных от участников корпорации прав, кредиторы, по сути, руководят действиями участников в реализации их права на участие в высшем органе управления, в том числе при принятии решений, необходимых для жизнедеятельности корпорации, права на получение информации (необходимой именно кредиторам) и пр. прав.

Одной из форм корпоративного контроля, который способен обеспечить права кредиторов является так называемый квазикорпоративный договор, предусмотренном в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. Данное название следует из термина римского права «*obligationes quasi ex contractu*» («обязательство как бы из договора», квазидоговорное обязательство). Этим термином обозначались те случаи, когда между двумя субъектами, не имевшими между собой договорной связи, устанавливались обязательственные отношения, по своему характеру и содержанию сходные с договорными обязательствами⁵.

Согласно п. 9 ст. 67.2 ГК РФ указанное квазикорпоративное соглашение заключается между третьими лицами хозяйственного общества, в том числе его кредиторами и участниками данного общества. Предметом рассматриваемого соглашения становится принятие на себя участниками обязанностей по такому осуществлению своих корпоративных прав (либо напротив – воздержание от такого осуществления), при которых обеспечивается соблюдение охраняемых законом интересов указанных 3-х лиц.

В качестве действий, составляющих предмет квазикорпоративного договора, могут быть следующие:

- голосовать определенным образом на общем собрании участников общества,
- согласованно осуществлять действия по управлению обществом,
- приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств (либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств).

Эти действия не составляют закрытый перечень. Стороны квазикорпоративного соглашения могут установить и иные действия, которые должны осуществлять (или не осуществлять) участники для того, чтобы обеспечить интересы кредиторов корпорации.

«Анализируя особенности квазикорпоративного договора в сравнении с ранее рассмотренными конструкциями, необходимо отметить в качестве преимущества возможность заключения такого договора с одним участником, например мажоритарным акционером или группой участников, при условии уведомления общества о факте заключения корпоративного договора, при этом его содержание раскрывать не требуется»⁶.

Следующей формой проявления корпоративного контроля является залог долей/акций в уставном/складочном капитале корпорации согласно ст. 358.15 ГК РФ и соответствующему федеральному законодательству и/или заключение договора управления залогом в соответствии со ст. 356 ГК РФ. Данное обременение (залог) позволяет залогодержателю (или управляющему при наличии договора управления) осуществлять права участников общества.

Следует согласиться с утверждением Р.С. Бевзенко, что «залог корпоративных прав, пожалуй, является самым интересным проявлением возможности залогодателя наделять залогодержателя управленческими полномочиями в отношении заложенного имущества»⁷.

4. Миннуллина К.А., Татарина Е.П. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6. С. 74-79.

5. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского). М.: Юристъ, 2004.

6. Татарина Е.П., Миннуллина К.А. Эволюция института корпоративного договора в российском праве: новые модели // Современные проблемы государства и права: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). 2020. С. 499-503.

7. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 15.

Указанная возможность является не только способом обеспечить права кредиторов корпорации, но и вызывает состояние аффилированности между залогодержателем и обществом⁸, формирование для залогодержателя статуса контролирующего лица для целей применения положений, касающихся сделок, в совершении которых имеется заинтересованность⁹.

Формой корпоративного контроля, а соответственно и способом обеспечения прав контролирующих

лиц является внесение в устав корпорации положений об интересах кредиторов¹⁰.

Таким образом, обеспечить надлежащее исполнение обязанностей в правоотношениях, в том числе с участием корпораций возможно не только посредством введения на основании соответствующего договора классического способа обеспечения исполнения обязательств (предусмотренных главой 23 ГК РФ), но также посредством формирования правовых механизмов установления корпоративного контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балашова Е.Ф., Дутова Н.В, Голышев В.Г. и др. Предпринимательское право: учебник. Саратов: Саратовский источник, 2019.
2. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1.
3. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М, 2004.
4. Ефимов А.В. Квалификация аффилированности юридических лиц в отношениях, основанных на экономической зависимости // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3.
5. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1996. № 10.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч. Ч. 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. – М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997.
7. Татарина Е.П., Миннулина К.А. Эволюция института корпоративного договора в российском праве: новые модели // Современные проблемы государства и права: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). 2020.
8. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского). – М.: Юрист, 2004.
9. Штефан Д. Если должник – хозяйственное общество: четыре способа установить контроль над его сделками // Журнал РШЧП. 2018. № 2.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Balashova E.F., Dutova N.V, Golyshev V.G. i dr. Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik. Saratov: Saratovskij istochnik, 2019.
2. Bevzenko R.S. Veshchnoe obespechenie kak mekhanizm kontrolya i upravleniya aktivami dolzhnika // Vestnik grazhdanskogo prava. 2018. № 1.
3. Gongalo B.M. Uchenie ob obespechenii obyazatel'stv. Voprosy teorii i praktiki. M, 2004.
4. Efimov A.V. Kvalifikaciya affilirovannosti yuridicheskikh lic v otnosheniyah, osnovannyh na ekonomicheskoy zavisimosti // ZHurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2018. № 3.
5. Krasavchikov O.A. Grazhdanskije organizacionno-pravovye otnosheniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1996. № 10.
6. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch. CH. 2). Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. – M.: Statut (v serii «Klassika rossijskoj civilistiki»), 1997.
7. Tatarinova E.P., Minnullina K.A. Evolyuciya instituta korporativnogo dogovora v rossijskom prave: novye modeli // Sovremennye problemy gosudarstva i prava: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 65-letiyu Sibirskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii (SibUPK). 2020.
8. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / pod red. I.B. Novickogo, I.S. Pereterskogo). – M.: YUrist», 2004.
9. SHtefan D. Esli dolzhnik – hozyajstvennoe obshchestvo: chetyre sposoba ustanovit' kontrol' nad ego sdelkami // ZHurnal RSHCHP. 2018. № 2.

8. См.: Ефимов А.В. Квалификация аффилированности юридических лиц в отношениях, основанных на экономической зависимости // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 69-72.

9. См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.06.2018 № Ф07-6535/2018 по делу № А56-22166/2017 // URL: www.consultant.ru.

10. Штефан Д. Если должник – хозяйственное общество: четыре способа установить контроль над его сделками // Журнал РШЧП. 2018. № 2. С. 206-224.

Б.В. ШАГИЕВ

Некоторые коллизии внесудебного банкротства гражданина

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье предлагается несколько смягчить или устранить коллизии и неточности формального выражения внесудебного банкротства гражданина. Этот упрощенный порядок банкротства появился в сентябре 2020 года путем внесения в Главу X Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» §5 Внесудебное банкротство гражданина. Несмотря на непродолжительное время действия, этот упрощенный порядок вызывает массу научных споров и предложений, так как основные категории граждан, для кого он был введен, практически не получают к нему доступа. Внесудебное банкротство неожиданно стало востребовано недобросовестным должникам, которые воспользовались несовершенством формулировок законодательства и безнаказано обнулили свои долги. В целях устранения этих недостатков автор выдвигает ряд предложений по совершенствованию законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллизия, банкротство, должник, кредитор, внесудебный порядок банкротства, упрощенный порядок, гражданин, недобросовестный должник, исполнительное производство, доступность, физические лица, категории граждан, экстраординарный характер, микрофинансовые организации, кредит.

ШАГИЕВ БУЛАТ ВАСИЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: la15076211@list.ru).

В сентябре 2020 года в Главу X Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) был внесен §5 Внесудебное банкротство граждан. Это повлекло внесение изменений в ряд других нормативных правовых актов и еще больше изменило изначальную правовую природу и предназначение несостоятельности или банкротства в гражданском праве. Думается, что законодатель, внося эти изменения, не преследовал цели нарушить основной принцип исполнения обязательств в гражданском праве, так как сложившаяся в настоящий момент политическая, экономическая и природная ситуация в государстве и в мире не благоприятная. Это предполагает принятие экстренных мер для борьбы со стихией, пандемией, экономическим кризисом и другими негативными факторами, влияющими на нормальную жизнедеятельность гражданского общества. Поэтому государство стремится всеми основными мерами юридического воздействия и нормативного правового регулирования исправить положение. Но эти антикризисные меры, принося в основном

пользу, иногда причиняют определенный вред некоторым субъектам нашего общества и права. Так получается и с принятием внесудебного банкротства граждан, но в данном случае необходимо разобраться, чего больше: вреда или пользы от этой упрощенной процедуры?

Сам по себе обычный порядок признания гражданина банкротом и его последствия, который был введен в 2015 году, до сих пор вызывает массу споров и ущемляет права и законные интересы кредиторов, а также в целом не способствует улучшению экономической ситуации в стране. Поэтому, конечно, законодатель постарался учесть все негативные последствия обычного порядка банкротства гражданина, но это плохо получилось. В октябре 2020 года: «Президент РФ Владимир Путин поручил Минэкономразвития проанализировать практику внесудебного банкротства граждан до 1 марта 2021 года и при необходимости обеспечить ее совершенствование. Минэкономразвития поручается провести анализ практики применения упрощенной внесудебной процедуры банкротства граждан, в первую очередь в части доступности и простоты.

Первый доклад министерство должно представить до 1 марта 2021 года, далее — ежегодно»¹. Но даже и без учета практики применения с момента действия процедуры видно, что внесудебный порядок противоречит основным положениям ст. 309 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ). Если ранее действующий порядок банкротства гражданина предполагал не всегда полное, но хотя бы частичное удовлетворение требований кредиторов и исполнения обязательств, то упрощенный порядок этого не предполагает. Естественно, этой коллизией быстро воспользовались и будут пользоваться недобросовестные должники. По мнению некоторых авторов: «...процедура внесудебного банкротства в значительной степени лишает кредиторов возможности защитить свои интересы и приведет к значительному увеличению числа граждан-банкротов и будет способствовать принятию гражданами на себя обязательств без намерения их исполнить, зная, что в дальнейшем можно будет бесплатно освободиться от всех долгов»².

Но не все физические лица смогут принять на себя обязательства без возможности их исполнить, потому что внесудебное банкротство устанавливает определенные, довольно жесткие требования к должникам. Во-первых, это узкий коридор и малозначительность денежной задолженности не менее 50 тысяч рублей и не более 500 тысяч рублей. Во-вторых, окончено исполнительное производство в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю на основании пункта 4 части 1 статьи 46 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (независимо от объема и состава требований взыскателя) и не возбуждено иное исполнительное производство после возвращения исполнительного документа взыскателю. Далее в этом же пункте статьи 223.2 Закона о

банкротстве указывается, что предусмотренных условий для признания гражданина банкротом во внесудебном порядке не требуются его соответствие и (или) подтверждение соответствия иным условиям, в том числе предусмотренным Законом о банкротстве. Это внутреннее противоречие самого Закона о банкротстве, так как в этой же статье пункте 8 указывается, что гражданин вправе подать заявление о признании его банкротом во внесудебном порядке повторно не ранее чем по истечении десяти лет после дня прекращения процедуры внесудебного банкротства. И еще одно немаловажное требование, указанное в статье 223.5, это обнаруженное или появившееся имущество у должника, наличие которого предполагает прекратить процедуру внесудебного банкротства.

Получается вместо указанных двух условий в статье 223.2 Закона о банкротстве их на самом деле четыре. Необходимо четко все условия сгруппировать в одном пункте одной статьи или убрать оговорку о недействительности других требований Закона о банкротстве.

Также, это скорее не противоречие, а естественная необходимость пересмотреть сроки обращения должника к внесудебной процедуре банкротства повторно. По правовой природе и необходимости проведения упрощенная процедура банкротства с учетом определенных негативных последствий носит исключительный, экстраординарный характер, поэтому необходимость ее проведения возникает только в периоды экономических кризисов, эпидемий, смены формы государства и других чрезвычайных ситуаций. Соответственно и правовой механизм внесудебного банкротства физических лиц должен работать только в этих условиях. Поэтому предлагается ограничить сроки действия самого упрощенного порядка банкротства, например, периодом начала и окончания экономического кризиса.

1. URL: <https://fedresurs.ru/news/ca81f9b3-67a7-456f-aac6-ade2fd8d885d?attempt=1>.

2. Сальников В.В. Внесудебное банкротство гражданина и интересы кредиторов // Аллея науки. 2020. Том 1. № 10(49). С. 288.; Габараева Н.В. Актуальные вопросы правового регулирования внесудебного банкротства. Владикавказ: Изд-во Горский государственный аграрный университет (Владикавказ), 2020. С.263.

Повторность обращения гражданина с заявлением о признании банкротом в упрощенном порядке определить в случае возникновения новой чрезвычайной ситуации, по подобию статьи 9.1 Закона о банкротстве, специальным подзаконным актом органов государственной власти³. В данной статье определяется временный запрет на банкротство юридических лиц, занимающихся определенными видами деятельности, которые наиболее сильно пострадали в период пандемии. Если можно запретить банкротство отдельных субъектов гражданского права, то в некоторых случаях можно и, наоборот, разрешить и упростить процедуры банкротства.

Много вопросов вызывает требование к физическому лицу, претендующему на упрощенную процедуру банкротства, предоставления сведений о наличии прекращенного исполнительного производства. По мнению некоторых авторов, это требование существенно ограничивает доступ к упрощенному порядку определенных категорий граждан: «... наличие данного требования только усложняет так называемую упрощенную процедуру банкротства... пример из практики с пенсионером, у которого долг в 500 тыс. руб., а пенсия составляет 10 тыс. По исполнительному листу ежемесячно он отдает по 5 тыс. руб. Учитывая, что ежегодно начисляются проценты и приходится выплачивать исполнительский сбор приставам, с большой вероятностью, пенсионер не сможет выплатить долг. Следовательно, у него нет средств на судебное банкротство, а по внесудебному он не проходит по критерию прекращенного исполнительного производства»⁴. Стоит согласиться с этим мнением, так как на самом деле существующий упро-

щенный порядок банкротства физических лиц идеально подходит только для молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, не желающих трудиться, заниматься предпринимательской деятельностью или испытывающих трудности в трудоустройстве. У них нет никакого имущества и дохода, но есть возможность получить небольшой кредит. Крупные кредитные организации, как правило, таким лицам не дают кредитов, а вот микрофинансовые организации (далее МФО) предоставляют небольшие денежные кредиты без дополнительных проверок платежеспособности физического лица под высокие проценты. В 2019 году государство приняло ряд нормативных правовых изменений, существенно улучшающих положение должников, и количество МФО, злоупотребляющих правом, сократилось, но все равно ранее выданные кредиты остались не возвращены и легко доступны новые кредиты⁵. В 2020 году многие трудоспособные физические лица потеряли все источники дохода и только некоторые смогли воспользоваться предоставленной государством возможностью непреднамеренного, законного освобождения от долгов по причине слишком завышенных требований к физическому лицу, кандидату на внесудебное банкротство.

Таким образом, в заключение можно сделать следующие выводы:

1. Упрощенная процедура внесудебного банкротства имеет право на существование, и смысл ее проведения вполне своевременен и обоснован. Но в том формальном выражении, в котором она существует в настоящее время, приносит больше вреда чем пользы. Граждане, которым она действительно необходима, ей воспользоваться не могут, но могут воспользо-

3. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения – 6 апреля 2021 года).

4. Сагитова И.Ф. Внесудебное банкротство граждан: новеллы законодательства // Бизнес, образование, право. 2021. № 1 (54). С. 354.

5. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // РФ. 2010. 7 июля г.; Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (с изменениями и дополнениями) // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения – 1 августа 2021 г.).

ваться недобросовестные должники. Поэтому требуется внесение изменений в действующий упрощенный порядок.

2. Следует учитывать наличие незавершеного исполнительного производства у физического лица – претендента на процедуру внесудебного банкротства и не допускать к процедуре лиц, у которых оно не исполнено более чем на 50%.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Габараева Н.В. Актуальные вопросы правового регулирования внесудебного банкротства. Владикавказ: Изд-во: Горский государственный аграрный университет (Владикавказ), 2020.

2. Сальников В.В. Внесудебное банкротство гражданина и интересы кредиторов // Аллея науки. 2020. Том 1. № 10(49).

3. Сагитова И.Ф. Внесудебное банкротство граждан: новеллы законодательства. – Волгоград: Волгоградский институт бизнеса (Волгоград) // Бизнес, образование, право. 2021. № 1 (54).

3. Внесудебное банкротство граждан должно вводиться только в условиях чрезвычайных ситуаций, определенных постановлением Правительства РФ, по мере их возникновения, и прекращать свое действие по окончании воздействия вредоносных факторов чрезвычайных ситуаций. Исключить из Закона о банкротстве сроки повторности проведения этого упрощенного порядка.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gabaraeva N.V. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovanija vnesudebnogo bankrotstva. Vladikavkaz: Izd-vo: Gorskiy gosudarstvennyj agrarnyj universitet (Vladikavkaz), 2020.

2. Sal'nikov V.V. Vnesudebnoe bankrotstvo grazhdanina i interesy kreditorov // Alleja nauki. 2020. Tom 1. № 10(49).

3. Sagitova I.F. Vnesudebnoe bankrotstvo grazhdan: novelly zakonodatel'stva. – Volgograd: Volgogradskij institut biznesa (Volgograd) // Biznes, obrazovanie, pravo. 2021. № 1 (54).

А.П. АЛЬБОВ

Формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем на примере развития таможенной службы России

АННОТАЦИЯ. Разработка и использование цифровых технологий – объективная реальность, необходимая сегодня для повышения эффективности деятельности всех сфер экономической, социальной и гуманитарных областях, не могло не затронуть и таможенные органы. Формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем позволит государству сформировать принципиально новую таможенную службу с использованием современных принципов организации деятельности, что отразится положительным эффектом в деятельности всех заинтересованных лиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институты права, цифровая среда, таможенная служба, цифровизация, государственный контроль.

АЛЬБОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской таможенной академии (РТА), Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (e-mail: aap62@yandex.ru).

Сегодня в России формируется универсальное цифровое пространство, создающее приоритетные изменения в различных областях от таможенной логистики до безопасности, и доступность услуг, предоставляемых федеральной таможенной службой России как для простых граждан, так и для бизнеса; снижение издержек¹; расширение экспортно-импортных возможностей, облегчение логистики и оформление таможенных сборов и платежей². Для решения этих и других задач предусмотрен ряд долгосрочных программ развития, основной задачей которых предусматривается содействие развитию международной торговли, рост товарооборота и не сырьевого экспорта, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, полнота взимания таможенных платежей, достижение высокого качества таможенного администрирования, создание конкурентных преимуществ для законопослушных участников ВЭД.

Основные задачи перед таможенными органами и участниками ВЭД представлены в Стратегии 2030: модернизация информационных систем, развитие механизма «Единое окно», унификации интерфейсов, модернизации системы контроля информации, упрощении процедуры доступа участников ВЭД к электронной форме декларирования и т.д.

В этой связи актуальной представляется решение задачи по формированию юридических основ и теоретико-правовому определению понятия «цифровизация», «цифровые инновации». В настоящее время в российском и зарубежном законодательстве нет легального определения понятия «цифровизация», «цифровые системы» и, как правило, употребляется в контексте явлений, свойственных современной экономике, или при анализе технологических процессов.

Определенный подход к дефиниции «цифровизация» дана в нормативном акте «Цифровая эконо-

1. Ворона А.А. Применение технологий автоматической регистрации и автоматического выпуска товаров в деятельности центров электронного декларирования // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 3. С. 153-160.
2. Дыбская В.В., Сергеев В.И. Цифровая логистика и управление цепями поставок: перспективы развития // Логистика: современные тенденции развития: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. 12, 13 апреля 2018 г.: ч. 1: мат. докл. / ред. колл.: В.С. Лукинский (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2018. С. 5-11.

мика Российской Федерации», утвержденных приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2018 № 428. В нем, в частности, предлагается понимать под цифровизацией «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов», таким образом, цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий.

Вместе с тем термин «цифровая таможня» был уже зафиксирован в 2016 г. в материалах Всемирной таможенной организацией (ВТО) и был дан в общем виде. Последующая научная разработка дается Т. В. Лобас и В. В. Макрусевым: «использование цифровых систем в целях обеспечения и гарантии уплаты таможенных пошлин, контроля за потоком товаров, людей, транспортных средств и денег, а также защиты международной торговли от преступности, включая международный терроризм, продолжающийся распространяться по всему миру».³ Проведенное исследование понятия «цифровой среды» свидетельствует, что данная дефиниция встречается в нормативных правовых актах либо фрагментарно либо как качественный признак другого явления. Например, сегодня широко используются категории «Цифровая образовательная среда», «Цифровая среда доверия» и т.д.

Анализ сущностного содержания указанных понятий позволяет сделать вывод о том, что цифровая среда – это интегративная система, представляющая собой совокупность электронных носителей, управляющих операционными процессами, основанными на цифровых кластерах, используемых для формирования глобального информационного пространства.

Сам же процесс формирования цифровой среды получил название «цифровизация». Данный термин стал применяться в 70-е гг. XX в, в период, когда начался процесс перехода от аналоговых

технологий к новому цифровому стандарту, и создание новой среды информационно-технологической среды. Вместе с тем до сих пор понятие «цифровизация» в литературе зачастую используются в достаточно узком толковании. Очевидно, что необходимо правовое регулирование использования цифровых платформ, которые кардинально изменят ведение как хозяйственной деятельности, так и саму таможенную деятельность. Представляя собой результат информатизации, цифровизация формирует оригинальные технологические возможности для дальнейшего развития и оптимизации всей внешнеэкономической деятельности, которая предполагает цифровизацию контроля с использованием «искусственного интеллекта» для обработки больших объемов данных.

Формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем позволит государству эффективно противодействовать угрозам национальной безопасности, сформировать принципиально новую таможенную службу с использованием современных принципов организации деятельности. Правовое регулирование цифровизации позволит упростить порядок оформления и уплаты таможенных пошлин, налогов и иных платежей, проводить административное расследование и дознание в электронном виде. Сам процесс создания цифровой среды – цифровизация, которая представляет собой единство взаимообусловленных элементов: это – внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства, которая предполагает своего рода замещение функционала персонала организаций цифровыми продуктами, воплощенными в компьютерные и иные решения на базе информационных и телекоммуникационных технологий.

В настоящее время утвержден «Порядок обмена документами и (или) сведениями в электронной форме между таможенными органами Российской Федерации и декларантами, перевозчиками, лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела, уполномоченными экономическими операторами, правообладателями и иными

3. Лобас Т.В., Макрусев В.В. Цифровая трансформация таможенного регулятора: теория, проблемы и международный опыт их решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 9А. С. 65-79.

заинтересованными лицами посредством информационного оператора»⁴.

Безусловно, процессы цифровизации охватывают и всю деятельность таможенных органов во всем ее многообразии — начиная от таможенно-тарифного регулирования до запретов и ограничений, установленных в соответствии с нормативными правовыми актами как федерального значения, так и региональными. В связи с этим правовая основа цифровизации таможенной деятельности, правовое регулирование новых общественных отношений, возникающих в этой сфере, правовая оценка рисков, связанных с внедрением программных решений требуют детального рассмотрения. Для реализации названной задачи была разработана и утверждена Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г.⁵

Правовая основа цифровизации позволит выстроить эффективную систему урегулирования споров в области таможенного дела, не прибегая к судебной процедуре, минимизировать спорные ситуации между таможенными органами и субъектами таможенных правоотношений. Все это позволит повысить уровень доверия участников ВЭД к административному регламенту оспаривания совокупности деяний в области таможенного дела. Таможенная служба — это сложная, пронизанная всем многообразием необходимых связей, воплощенных в правоотношениях — трудовыми отношениями работников, финансовыми отношениями между участниками экономической деятельности, огромным массивом административных отношений, сопровождающих функционирование таможенной службы Российской Федерации и т.д., наконец, уголовно-правовых отношений

по расследованию преступлений и, в частности, налоговых.

Юридический аспект взаимодействия налоговых органов с таможенными органами нашел отражение в Налоговом кодексе РФ: «Налоговые органы, таможенные органы, органы внутренних дел и следственные органы в порядке, определяемом по соглашению между ними, информируют друг друга об имеющихся у них материалах о нарушениях законодательства о налогах и сборах и налоговых преступлениях, о принятых мерах по их пресечению, о проводимых ими налоговых проверках, а также осуществляют обмен другой необходимой информацией в целях исполнения возложенных на них задач».⁶

В этой связи нормотворчество в области цифровизации таможенной деятельности можно условно разделить на две категории:

— деятельность по разработке нормативных правовых актов, обеспечивающих регулирование непосредственно таможенную деятельность;

— деятельность по разработке нормативных правовых актов, регулирующих процессы, свойственные не только таможенной деятельности, но и иным отраслям экономики (документационное обеспечение, труд и социальное обеспечение работников, оборот активов, операции по экспорту и импорту, использование результатов интеллектуальной деятельности и многое другое). Нормотворчество в области цифровизации в настоящее время получило свое воплощение в новеллах законодательства различных отраслей права: появилась правовая регламентация электронной трудовой книжки⁷, цифровых финансовых активов и криптовалюты⁸, электронных

4. Приказ ФТС России от 09.10.2019 № 1556 «Об утверждении Порядка обмена документами и (или) сведениями в электронной форме между таможенными органами Российской Федерации и декларантами, перевозчиками, лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела, уполномоченными экономическими операторами, правообладателями и иными заинтересованными лицами посредством информационного оператора» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr1556/> (дата обращения 28.10.2021).

5. Об утверждении Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 года № 1388-р.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.02.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.03.2016) // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения – 02.11.2021 г.).

7. Ст. 66, 66.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 1 97-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // URL: <http://pravo.gov.ru>.

8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>.

сделок⁹. Анализ правовой природы таких норм свидетельствует о новых, глубинных процессах в механизмах правового регулирования всей таможенной службы. Они выражаются в изменении роли публичного права — сегодня оно становится своеобразным фундаментом, на котором строятся также частноправовые начала правовой регламентации общественных отношений. Предпосылками тому являются следующие обстоятельства.

Важнейшие интересы личности, общества и государства, лежащие в плоскости публичного права, находят свое отражение как в программных документах о развитии цифровизации таможенной службы, так и в нормативных правовых актах отраслей, традиционно признаваемых отраслями частного права. К последним можно отнести, прежде всего, трудовое и гражданское право, обогащенное отныне публично-правовыми нормами об электронных сделках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ворона А.А. Применение технологий автоматической регистрации и автоматического выпуска товаров в деятельности центров электронного декларирования // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 3. С. 153-160.
2. Дыбская В.В., Сергеев В.И. Цифровая логистика и управление цепями поставок: перспективы развития // Логистика: современные тенденции развития: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. 12, 13 апреля 2018 г.: ч. 1: мат. докл. / ред. кол.: В.С. Лукинский (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2018. С. 5-11.
3. Лобас Т.В., Макрусев В.В. Цифровая трансформация таможенного регулятора: теория, проблемы и международный опыт их решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 9А. С. 65-79.
4. Смолянининова Е.Н., Чуксина В.А. Совершенствование современных таможенных технологий в рамках оптимизации логистического процесса // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sovremennykh-tamozhennykh-tehnologiy-v-ramkah-optimizatsii-logisticheskogo-protsesta> (дата обращения: 28.10.21.).

Таким образом, формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем позволит повысить эффективность деятельности таможенных органов, что скажется на повышении уровня автоматизации всех процессов; однократность предоставления информации и применения форм государственного контроля; цифровое преобразование технологий таможенного оформления и таможенного контроля; совершенствование системы таможенного транзита; модернизация инфраструктуры пунктов пропуска и другое.¹⁰ Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что необходима формирование институционально-правовых основ сложных цифровых систем и разработка стратегии правового обеспечения цифровизации таможенной службы РФ, что отразится положительным эффектом в деятельности всех заинтересованных лиц.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vorona A.A. Primeneniye tekhnologiy avtomaticheskoy registratsii i avtomaticheskogo vypuska tovarov v deyatelnosti tsevtrov elektronnoy deklarirovaniya // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2019. № 3. S. 153-160.
2. Dybskaya V.V., Sergeev V.I. Tsifrovaya logistika i upravleniye tsepyami postavok: perspektivy razvitiya // Logistika: sovremennyye tendentsii razvitiya: materialy XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 12. 13 aprelya 2018 g.: Ch. 1: mat. dokl. / red. kol.: V.S. Lukinskiy (otv. red.) i dr. SPb.: Izd-vo GUMRF im. adm. S.O. Makarova. 2018. S. 5-11.
3. Lobas T.V., Makrusev V.V. Tsifrovaya transformatsiya tamozhennogo regul'yatora: teoriya. problemy i mezhdunarodnyy opyt ikh resheniya // Ekonomika: vchera. segodnya. zavtra. 2019. T. 9. № 9A. S. 65-79.
4. Smolyaninina E.N., Chuksina V.A. Sovershenstvovaniye sovremennykh tamozhennykh tekhnologiy v ramkakh optimizatsii logisticheskogo protsesta // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sovremennykh-tamozhennykh-tehnologiy-v-ramkah-optimizatsii-logisticheskogo-protsesta> (data obrashcheniya: 28.10.21).

9. Ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Смолянининова Е.Н., Чуксина В.А. Совершенствование современных таможенных технологий в рамках оптимизации логистического процесса // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sovremennykh-tamozhennykh-tehnologiy-v-ramkah-optimizatsii-logisticheskogo-protsesta> (дата обращения: 28.10.21).

А.А. ВЛАСОВ, К.А. ТАТАРИНОВА

Феномен специальных административных районов в России как инструмент деофшоризации: правовое регулирование и перспективы дальнейшего развития

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется статус специальных административных районов острова Русский и острова Октябрьский на территории Российской Федерации (далее – САР) как новых элементов правовой системы России. Выявлены географические особенности САР, а также сделано предложение дальнейшего создания новых специальных административных районов на территории РФ. Проведен анализ российского законодательства в сфере правового регулирования данной сферы, проанализированы нововведения. Приведены статистические данные, которые касаются резидентов – международных компаний – участников специальных административных районов и их взаимосвязь с актуальными событиями, происходящими на территории государства. Исследована взаимосвязь с международно-правовыми аспектами, такие, как сотрудничество России и Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и его влияние на специальные административные районы. Предпринята попытка предвидеть развитие позиции РФ к офшорным зонам при дальнейшем функционировании САР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: специальный административный район (САР); территориально-административные единицы; деофшоризация; редомициляция; резиденты, правовой режим; Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); иностранные инвестиции; национальная экономика государства.

ВЛАСОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор МГИМО МИД России, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: prof.vlasov@mail.ru);

ТАТАРИНОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант Московского государственного института международных отношений МИД России (e-mail: tatarinovaxeniya@yandex.ru).

Одним из ключевых направлений деятельности российского государства является инвестиционная деятельность, в частности, привлечение иностранных инвестиций на свою территорию. С середины XX века в связи с появлением новых независимых государств довольно частым явлением стала офшорная деятельность. Однако такой вид деятельности влечет за собой ряд правовых последствий с точки зрения национальных интересов. Так, в этом ракурсе в рамках современных тенденций подход России к офшорам в полной мере еще не сформировался, в связи с чем перед РФ встает концептуальный выбор, который сводится к двум возможным ситуациям.

В одном случае Россия для дальнейшего привлечения прямых иностранных инвестиций на свою

территорию одновременно содействует распространению сохранению офшорной деятельности одновременно вместе со всеми актуальными тенденциями в этой области. Во втором случае Россия запрещает создание офшорных зон, что, следовательно, значительно снижает инвестиционную привлекательность экономики государства и соответственно объем иностранных инвестиций, поступающих на территорию РФ.

Придерживаясь тенденции так называемой «деофшоризации»¹, 3 августа 2018 года Президентом РФ В.В. Путиным подписан пакет законов, предусматривающих создание специальных административных районов (САР) с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности для иностранных компаний и возможностью редо-

1. Деофшоризация – система законодательных инициатив, направленных против сокрытия доходов российских предприятий, формально принадлежащих этим предприятиям, находящихся в офшорах с целью повышения собираемости налогов, противодействию отмыванию криминальных денег.

мициляции² и инкорпорации международных фондов, что позволит повысить приток иностранных инвестиций на территорию государства

Специальными административными районами (САР) на территории РФ в настоящее время являются остров Русский (Приморский край) и остров Октябрьский (Калининградская область), на которых уже действует специальный правовой режим для данных территорий³, который значительно отличает правовое положение его резидентов.

В этой связи может возникнуть вопрос, связанный с географическими особенностями специальных административных районов, в частности: почему в качестве специальных административных районов были выбраны именно территории Приморского края и Калининградской области? Это объясняется тем, что обе эти территории находятся на границе со стратегически важными государствами, с которыми осуществляется сотрудничество.

Это объясняется, на наш взгляд, еще и тем, что близость к Азиатско-Тихоокеанскому региону, наличие обширных природных богатств делает расположение острова Русский уникальным и создает ряд возможностей для развития разных инвестиционных проектов. Остров Октябрьский, в свою очередь, в силу исторических особенностей является «обособленной» территориальной единицей РФ, имея границы не субъектами РФ, а с другими европейскими государствами, что обеспечило приобретение статуса специального административного района как нового элемента правовой системы РФ.

Оценивая потенциальные возможности и заглядывая немного в будущее, можно также выдвинуть предположение о том, что после того, как остров Русский и остров Октябрьский докажут свою эффективность и целесообразность существования, как элементов правовой системы РФ, а также в привлечении иностранных инвестиций на терри-

торию РФ и в процессе деофшоризации экономики, то, с точки зрения географических особенностей, возможно образование других новых специальных административных районов на территории России. Например, следующий специальный административный район мог бы быть образован, на наш взгляд, на территории Республики Крым. В силу повышения наибольшей привлекательности инфраструктуры территории и улучшения экономической стабильности, как сравнительно «нового» субъекта РФ, приобретение статуса САР Республикой Крым, было бы, на наш взгляд, также весьма целесообразным.

В частности, получение статуса международной компании на данной территории сопровождается рядом преференций, такие, как освобождение от уплаты налога с прибыли своих контролируемых иностранных компаний, ускоренная регистрация. Такие условия наводят на сходство с «классическими офшорами»⁴.

В целом специальные административные районы можно определить как территории с гибким режимом налогового и валютного регулирования для международных компаний, в рамках которых преобладают благоприятные финансовые и административные условия для развития бизнеса. Создание таких районов преследует цели по привлечению капитала на территорию государства по деофшоризации экономики государства и по инфраструктурному развитию территории конкретного региона.

САР являются новым явлением как для России, так и для зарубежной научной практики, несмотря на их сходство с офшорными зонами, так как введение нового специального режима на данных территориях представляет собой попытку в рамках процесса «деофшоризации» создать офшорные юрисдикции на территории РФ так называемых «внутренних офшорных зон»⁵. Такой вид особых территориально-административных единиц нашел

2. Редомициляция – перенос юридического адреса компании из одной юрисдикции в другую, при этом не изменяя организационно-правовую форму и корпоративную структуру.

3. ФЗ РФ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» от 03.08.2018 №291-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082/ (дата обращения – 25.02.2021).

4. Древалев М.И. О правовом статусе международной компании // Государственная служба и кадры. 2020. №3. С. 64.

5. Матыков А.А., Кривелевич М.Е. Способы повышения эффективности особого экономического режима – специальные административные районы // Пространственная экономика 2020. Т. 16. №2. С. 191.

свое отражение в Китайской Народной Республике (Гонконг и Макао).

Федеральный закон о САР является весьма специфичным и неоднозначным ввиду международно-правового сотрудничества России. Так, принимая во внимание, что в 2018 году Россия присоединилась к Соглашению ОЭСР об обмене налоговой информацией, которое обязывает предоставлять информацию о состоянии счетов, что в свою очередь ставит под сомнение действительную конфиденциальность международных компаний в САР.

А.А. Матыков и М.Е. Кривелевич называют САР в нынешнем виде «антиофшором» или «офшором наоборот»⁶, так как находится внутри самого государства, а не за его пределами.

Федеральный закон от 03.08.2018 г. «О международных компаниях и международных фондах» в своей первоначальной редакции предусмотрел достаточно высокие требования для регистрации иностранных компаний, чем изначально поставил под сомнение успешность реализации идеи о создании САР и достижении реального положительного эффекта для экономики России.

Столь недолгий срок существования выявил практические проблемы САР (с 2018 года), что свидетельствует о необходимости повышения привлекательности специальных административных районов. Проблемы возникли на фоне того, что на данный момент в САР пока наблюдаются слабая инфраструктура для резидентов, недостаточная эффективность судебной системы, несоблюдение или соблюдение в незначительной степени принципа невмешательства государства в деятельность резидентов (принцип *Laissez-faire*), а также нестабильность экономики и внешней политики.

Однако следует отметить, что законодательство в данной области еще совершенствуется. В феврале

2021 года Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Федеральный закон от 24.02.2021 г. № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах» и о приостановлении действия отдельных положений Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁷. Данный закон содержит ряд уточняющих положений к ФЗ от 03.08.2018 года.

Так, новый Федеральный закон значительно расширил географию государств, из которых возможна редомициляция в САР (среди которых значатся такие государства, как Британские Виргинские острова, Багамы, Белиз, Бермуды, Джерси, которые считаются офшорными зонами⁸). Если ранее речь шла про членов групп ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) и Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (МАНИВЭЛ), новый Федеральный закон расширил перечень групп такими, как Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег (АТГ), Группа по борьбе с отмыванием денег в Восточной и Южной Африке (ЕСААМЛГ), Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег в Южной Америке (ГАФИЛАТ) и другие группы, перечисленные в п.4 ст.1 данного Федерального закона. Урегулированы вопросы «транзитной» редомициляции, позволяющей иностранной компании, уже ранее проходившей процедуру смены юрисдикции, редомицилироваться в САР. Было отменено требование для иностранного юридического лица, подавшего заявление о государственной регистра-

6. Матыков А.А., Кривелевич М.Е. Способы повышения эффективности особого экономического режима – специальные административные районы // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. №2. С. 193.

7. Федеральный закон от 24.02.2021 № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах» и о приостановлении действия отдельных положений Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377635/ (дата обращения: 01.10.2021).

8. Перечень государств и территорий, признаваемых Российской Федерацией офшорными, утвержден приказом Минфина РФ от 13.11.2007 № 108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)».

ции международной компании, об осуществлении хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации на момент принятия решения об изменении личного закона иностранного юридического лица.

Кроме того, проблема повышения эффективности САР встает на повестке дня на различных государственных форумах. Так, эффективность специальных административных районов обсуждалась на Петербургском международном экономическом форуме (2-5 июня 2021 года) в рамках сессии по теме «Деофшоризация. Борьба с оттоком капитала и повышение инвестиционной привлекательности России», где, в частности, губернатор Калининградской области А. Алиханов рассказал об итогах функционирования режима САР на территории острова Октябрьский и указал на его ценность на острове Октябрьский. Также были отмечены первые шаги по успешной реализации нового Федерального закона 2021 года.

Ввиду того, что данные районы были созданы сравнительно недавно – в 2018 году, какие-либо выводы об их эффективности и целесообразности в рамках процесса «деофшоризации» пока преждевременны. Тем не менее промежуточные итоги эффективности САР для регистрации представляется вполне возможным выявить.

Так, в первый год, в период с 2018 по 2019 год, на территории САР было зарегистрировано незначительное число международных компаний (менее 20 в целом), что свидетельствует об отрицательной динамике с точки зрения прироста новых резидентов.

В обращении Президента РФ Путина В.В. от 25 марта 2020 года «К гражданам России»⁹, посвященному главным образом мерам, направленным на противодействие распространению коронавируса, был затронут также ряд других принципиальных вопросов, в частности, проблема выплат, осуществляемых налоговыми резидентами РФ в адрес организаций в офшорных зонах.

Для разрешения данной проблемы и сохране-

ния капитала внутри государства было предложено расторгнуть или пересмотреть ряд соглашений об избежании двойного налогообложения. Таким образом была продемонстрирована приверженность тенденции сокращения офшорной деятельности, после чего количество резидентов в САР возросло, но только на острове Октябрьский.

Количество резидентов на острове Русский остается пока что незначительным. На данный момент в реестре участников специального административного района на территории острова Русский зарегистрировано всего 4 компании, две из которых присоединились только в 2021 году¹⁰, в то время как 29 сентября 2021 года 53-я международная компания была зарегистрирована в САР на острове Октябрьский¹¹. Напрашивается вывод, что положительная динамика в сторону увеличения числа регистраций в САР (даже в пределах только одного САР) может объясняться сокращением соглашений об избежании двойного налогообложения с иностранными государствами. Так, до 2020 года насчитывался 21 участник САР острова Октябрьский, и ровно такое же количество – 21 международная компания присоединилась к числу участников в этом году (по состоянию на сентябрь 2021 года).

В то же время позиция России в отношении офшорных зон по-прежнему неоднозначна. Так, с одной стороны Россия сотрудничает с ОЭСР и заключает соответствующие соглашения об избежании двойного налогообложения с другими государствами, хотя уже в меньшем количестве. С другой стороны, на протяжении последних лет различные обстоятельства и действия свидетельствуют о процессе «деофшоризации» со стороны РФ. Однако сам факт сохранения офшорных зон, определяемых ежегодно Центральным банком и ФНС России, дает основание полагать, что офшорные зоны из реалий РФ не исчезнут. Тем не менее создание САР во многом изменило ситуацию в благоприятную сторону для национальной экономики государства.

Таким образом, специальные административные

9. Обращение Президента РФ от 25 марта 2020 года «К гражданам России» // РГ, 2020. 25 марта.

10. Реестр участников специального административного района на территории острова Русский (Приморский край) // URL: https://erdc.ru/upload/iblock/0a6/Reestr-SAR-_1_.pdf (дата обращения: 03.10.2021).

11. Участники САР острова Октябрьский // URL: <https://www.russiasar.com/krko> (дата обращения: 03.10.2021).

районы можно считать и рассматривать как новый элемент правовой системы РФ, которые следует совершенствовать в дальнейшем. С момента создания режима САР на острове Октябрьский и острове Русский прошло уже несколько лет, но динамика начала двигаться в положительную сторону лишь спустя 3 года. Тем не менее, сдвиги по динамике на острове Русский все же несущественны.

Одним из принципиальных аспектов, предопределяющих привлечение новых участников на территорию САР, является их правовая защита, предусматриваемая законодательством государства. Так, помимо ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» ряд преимуществ предусмотрено и Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»: отсутствие валютного контроля; право без ограничений перечислять иностранную валюту и валюту Российской Федерации со своих банковских счетов (с банковских вкладов) в банках за пределами территории Российской Федерации на свои банковские счета (в банковские вклады) в уполномоченных банках; право без ограничений пере-

числять иностранную валюту и валюту Российской Федерации со своих банковских счетов (с банковских вкладов) в уполномоченных банках на свои счета (во вклады) в банках за пределами территории Российской Федерации; право осуществлять операции без открытия банковских счетов в соответствии с федеральным законодательством.

Тем не менее активная правовая работа по регулированию деятельности специальных административных районов активно продолжается. На данный момент ведется работа над новым пакетом существенных поправок в законодательство, призванных повысить привлекательность САР для потенциальных резидентов, рассматривающих возможность редомициляции в РФ. Речь идет о законопроекте, разработанном Министерством финансов РФ, который позволит разрешить ряд вопросов, связанных с налогообложением международных компаний, а также предусматривающий дополнительные льготы для тех компаний, которые будут готовы реализовать инвестиционный проект на территории САР, а также иметь определенный уровень деловой активности на территории региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаджиев Т.Ф. Международные компании как инструмент деофшоризации российской экономики (финансово-правовые аспекты) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1.
2. Древал М.И. О правовом статусе международной компании. // Государственная служба и кадры. 2020. № 3.
3. Лабонин И.В. Специальные административные районы: год спустя // Образование и Право. 2019. № 9.
4. Матыков А.А., Кривелевич М.Е. Способы повышения эффективности особого экономического режима – специальные административные районы // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2.
5. Терехова В.В. Правовое положение инвесторов в специальных административных районах Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6.
6. Щекин Д. М. Редомицилирование компании как возможный механизм деофшоризации // Закон. 2015. № 2.
7. Шахмамет'ев А.А. Инструменты деофшоризации российской экономики // Налоги и налогообложение. 2018. № 3.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gadzhiev T.F. Mezhdunarodnye kompanii kak instrument deofshorizacii rossijskoj jekonomiki (finansovopravovye aspekty) // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2021. № 1.
2. Dreval' M.I. O pravovom statuse mezhdunarodnoj kompanii. // Gosudarstvennaja sluzhba i kadry. 2020. № 3.
3. Labonin I.V. Special'nye administrativnye rajony: god spustja // Obrazovanie i Pravo. 2019. № 9.
4. Matykov A.A., Krivelevich M.E. Sposoby povyshenija jeffektivnosti osobogo jekonomicheskogo rezhima – special'nye administrativnye rajony // Prostranstvennaja jekonomika. 2020. T. 16. № 2.
5. Terehova V.V. Pravovoe polozhenie investorov v special'nyh administrativnyh rajonah Rossijskoj Federacii // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2021. № 6.
6. Shhjokin D. M. Redomicilirovanie kompanii kak vozmozhnyj mehanizm deofshorizacii // Zakon. 2015. № 2.
7. Shahmamet'ev A.A. Instrumenty deofshorizacii rossijskoj jekonomiki // Nalogi i nalogooblozhenie. 2018. № 3.

Н.Н. КОСАРЕНКО

Реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. Искусственный интеллект активно входит в нашу реальность. Автор показывает роль и значение искусственного интеллекта в системе информационных технологий. В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования системы искусственного интеллекта в рамках реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Правовая оценка природы искусственного интеллекта и регламентация порядка его использования стала важнейшей задачей современного отечественного правоведения. Автором отмечается слабое нормативное регулирование использования искусственного интеллекта с учетом внедрения данной информационной технологии в различных сферах жизни.

Среди правовых проблем требуется решение таких вопросов, как правовая природа искусственного интеллекта, наличие правосубъектности, влияние на дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта и т.п. Особое внимание в статье уделено необходимости выработки юридической категории «искусственный интеллект» в целях построения эффективной модели правового регулирования. В работе сделан вывод, что в решении проблем, связанных с развитием цифровизации, бесспорно, важную роль должна сыграть реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Цифровая экономика, право, информационные технологии, искусственный интеллект, робототехника.

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени В.Г. Плеханова (e-mail: Nkosarenko@yandex.ru).

Переход мировой экономики к информационному типу, связанный с преобразованием индустриального общества в постиндустриальное, которое основано на новом технологическом способе производства и потребления, повлек за собой и изменения требований организации самого производства. С момента начала промышленной революции мировая экономика находится на траектории роста, активированной рядом технологических достижений. Несомненно, развитие информационных технологий оказывает большое влияние на многие сферы жизни человека.

Российская экономика сегодня функционирует в эпоху цифровизации, когда деятельность многих предприятий трудно представить без использования компьютеров и специальных программ обработки информации. Переход к цифровой экономике ознаменовался появлением и широким внедрением искусственного интеллекта. Стратегический

курс на цифровую трансформацию включает в себя комплекс мер, основа которых базируется на применении искусственного интеллекта. От уровня развития информационных технологий и в первую очередь искусственного интеллекта зависят процессы управления деятельностью человека практически во всех сферах.

Интерес к феномену искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации заметно вырос в условиях развития современного информационного общества. Трансформационные процессы охватывают способы производства и доставки продуктов интеллектуальной собственности с привлечением цифровых инструментов. Постоянные и кардинальные изменения, происходящие в цифровой экономике, требуют от хозяйствующих субъектов соответствующей скорости реакции на быстро меняющуюся в производстве ситуацию и необходимость принятия срочных мер.

Важную роль, бесспорно, в этом процессе должен сыграть искусственный интеллект.

В обществе доминирует сфера услуг над производством, и ключевая роль здесь отводится информационным технологиям, которые значительно ускоряют механизмы получения человеком какой-либо услуги. Под цифровой экономикой принято понимать деятельность, непосредственно связанную с развитием компьютерных технологий. Благодаря цифровизации экономики произошла трансформация условий жизни человека, стали возможными фундаментальные преобразования во всех сферах деятельности человека.

Национальная стратегия, принятая в соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта на период до 2030 года» являются важным шагом в развитии искусственного интеллекта¹. Настоящая Стратегия поставила перед обществом конкретные цели и задачи по дальнейшему развитию искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также наметила меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов всего общества.

В Национальной стратегии поставлены шесть основных задач: поддержка научных исследований, создание комплексной системы правового регулирования, разработка и развитие программного обеспечения, повышение доступности и качества данных, а также повышение уровня информированности населения. Как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин «развитие искусственного интеллекта – вопрос национальной безопасности и выживания нашего государства. Возможности искусственного разума будут влиять на все сферы жизни, и на оборону, и на темпы развития экономики»².

Следует подчеркнуть, что процесс цифровой трансформации России наталкивается на ряд барьеров. Один из них – недофинансирование. Менее 2% ВВП идет на цели развития научно-

исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), в то время как в наиболее передовых странах этот показатель составляет 3-4%.

В системе развития искусственного интеллекта выделяют три типа: искусственный интеллект узкого назначения (слабый), искусственный интеллект общего назначения (сильный) и супер-ИИ. Несмотря на то, что в их основе лежит общий принцип, они все-таки значительно отличаются друг от друга.

Прежде чем приступить к анализу данных типов искусственного интеллекта, важно сказать несколько слов о существующей разнице между искусственным и естественным интеллектом. Сравнить, правда, их можно только лишь по некоторым специальным характеристикам.

Человек – существо социальное, поэтому всегда на мышление его влияет социум, а искусственный интеллект в свою очередь не имеет отношения к эмоциональной сфере и социально не ориентирован, он первично связан с человеком, его деятельностью.

Поэтому первый вывод, который необходимо сделать, – это то, что все типы искусственного интеллекта зависят от уровня интеллекта и их можно четко классифицировать на три типа: Узкий Искусственный Интеллект (ANI), Общий Искусственный Интеллект (AGI) и Искусственный Суперинтеллект (ASI)

Узкий искусственный интеллект (слабый искусственный интеллект) направлен на решение лишь одной задачи, будь то мониторинг погоды, игра в шахматы или просто анализ каких-либо данных. Он обладает узким диапазоном способностей. Узкий ИИ – это тот самый искусственный интеллект, с которым мы связаны ежедневно в жизни. Машинным интеллектом, к примеру, являются Google Assistant, Google Translate, Siri, Cortana или Alexa, которые сегодня широко используют в своей практике обработку естественного языка. Понимая речь и текст, они могут взаимодействовать с людьми индивидуальным, естественным образом. Как

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта на период до 2030 года» URL: <http://government.ru> (дата обращения: 9.11.2021).

2. Владимир Путин. Искусственный интеллект – вопрос национальной безопасности // URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4053/>.

видно, данная система способна справляться только с одной конкретной проблемой, решению которой она обучена.

Общий Искусственный Интеллект — это уже такой тип искусственного интеллекта, который «одарен, как и человек». Не случайно человеческий мозг является моделью для создания общего интеллекта.

Искусственный Суперинтеллект — это пока путь в будущее. Искусственный Суперинтеллект будет достигнут, когда ИИ будет более способен, чем человек. Этот тип ИИ сможет очень хорошо выполнять такие задачи, которые ранее были присущи только человеку, например, искусство, принятие решений и эмоциональные отношения.

Сильный ИИ (General AI) или ИИ общего назначения схож с человеческим интеллектом. Иными словами, он может успешно выполнять любые умственные задачи, которые под силу людям. Сегодня компьютеры могут обрабатывать данные быстрее, чем человек, но они не способны мыслить абстрактно, продумывать стратегию или использовать воспоминания, чтобы принимать обоснованные решения. Благодаря этому типу интеллекта человек превосходит искусственный интеллект.

Ожидается, что сильный ИИ в перспективе сможет справляться с проблемами, интегрировать предыдущие знания в процесс принятия решений, а также предлагать новаторские идеи.

Супер-ИИ (Super AI) превзойдет людей во всех аспектах — от творчества до жизненной мудрости и решения проблем. Машины будут способны демонстрировать интеллект, который мы не видели и у самых одаренных представителей человечества³.

Многие специалисты считают, что компьютеры уже достигли своих пределов, т.к. они тратят много времени на решение определенных узких задач. Это связано с тем, что вычислительные процессоры в настоящее время способны обработать информацию только постепенно.

На смену простому компьютеру приходит кван-

товый компьютер, который обладает противоположными свойствами: во-первых, он учитывает множество переменных, а, во-вторых, квантовые вычисления не являются последовательными — происходит оценка всех возможных решений одновременно. Как известно, обычный компьютер хранит информацию в битах, а квантовые вычисления — это кубиты. Кубиты обладают определенными свойствами, что позволяет обеспечить гораздо большую вычислительную мощность, чем двоичные биты из классических вычислений.

Можно предположить, что следующий шаг в развитии искусственного интеллекта будет связан с квантовыми вычислениями, которые, как ожидается, смогут решать более сложные задачи, стоящие перед обществом.

В России новый прототип квантового компьютера был создан в 2019 году.

Анализ показал, что финансовые учреждения способны дополнительно привлечь более 5 млрд. долларов при использовании суперкомпьютеров. Используя квантовый компьютер, например, компании IBM видят возможность решения сложных и масштабных задач комбинированной оптимизации. Правда, настоящие квантовые вычислительные решения этих проблем остаются на экспериментальном уровне, отдельные банки начали внедрять квантовый компьютер в свою деятельность.

Перед коммерческими банками и страховыми компаниями появилась возможность создать мост в квантовое будущее, что позволит узнать как квантовые расчеты могут оптимизировать операции, связанные с искусственным интеллектом.

При развитии цифровой экономики в банковской сфере необходимо учитывать, что данный процесс включает три основных этапа: 1. Это оцифровка или перевод базы данных с бумажных носителей в цифровой формат; 2. Осуществляется цифровизация данных; 3. Завершение комплексного формирования путем цифровой трансформации.

Первый этап в банковском секторе можно считать завершен, т.к. все данные уже хранятся в циф-

3. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.

ровом формате. В настоящее время банковская система находится на втором этапе, т.е. осуществляется цифровизация – систематизация и унификация данных, создание каталогов, системы автоматического поиска. Здесь важную роль играет искусственный интеллект.

В развитии искусственного интеллекта, бесспорно, важное место занимает робототехника. Использование достижений робототехники в промышленности повышает конкурентоспособность организаций. Российским промышленным предприятиям необходимо следовать мировым трендам в области развития роботизации, чтобы выпускаемая ими продукция оставалась конкурентоспособной как на национальном рынке, так и международном. В Российской Федерации процесс роботизации затронул лишь малую долю промышленных предприятий, в основном роботы используются в автомобилестроении, на которое приходится 40% всех промышленных роботов. Мировая статистика также показывает, что роботы наиболее востребованы в автомобильной промышленности, а также в производстве электроники.

В целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 разработана и принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных технологий в Российской Федерации и в первую очередь, связанные с искусственным интеллектом.

Стоит отметить, что современная Россия сегодня обладает большим потенциалом в области цифровой экономики. Следует объективно оценить важность развития искусственного интеллекта. Практика показывает, что искусственный интеллект сегодня неплохо умеет решать только те задачи, которым его обучили, а порой даже быть лучше в них, чем обычный человек. Например, смартфон легко обыграет гроссмейстера даже без ферзя.

Системы на базе искусственного интеллекта активно используются в финансах, в промышленности, в научных исследовательских центрах, в банковской сфере и медицине. Исследовательские центры, банки ежедневно получают большие массивы информации, которую необходимо хранить, обрабатывать и использовать для проведения различной аналитики.

В современном мире стала популярной концепция умного города. Умный город представляет собой интеграцию нескольких информационных и коммуникационных технологий и интернета вещей для управления городским имуществом: школами и библиотеками, больницами и транспортом и т.д.

Каждая из данных служб в процессе своего функционирования аккумулирует огромное количество данных, которое необходимо обрабатывать. В рамках данной концепции происходит обмен информацией между экономическими агентами с помощью искусственного интеллекта. В конечном счете все основные виды деятельности современного человека будут доступны в цифровом формате. Например, уже сегодня цифровая трансформация изменяет банковскую сферу путем преобразования цифровых данных в цифровой интеллект.

Дальнейшее развитие искусственного интеллекта с целью решения и выполнения задач, стоящих перед обществом, требует новых технологий в рамках цифровой экономики.

Искусственный интеллект и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» меняют формы и способы социальной и межличностной коммуникации и в свою очередь требуют пересмотра основных понятий в праве. Большое распространение получают работы российских и зарубежных ученых, в которых объясняется правовая

природа систем искусственного интеллекта и возможность их специального правового регулирования.

Интерес к феномену искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации заметно вырос в условиях развития современного информационного общества. Трансформационные процессы охватывают способы производства и доставки продуктов интеллектуальной собственности с привлечением цифровых инструментов. Постоянные и кардинальные изменения, происходящие в цифровой экономике, требуют от хозяйствующих субъектов соответствующей скорости реакции на быстро меняющуюся в производстве ситуацию и необходимость принятия срочных мер. Важную роль, бесспорно, в этом процессе должен сыграть искусственный интеллект.

Правоведы все чаще затрагивают вопросы регулирования экономических отношений в условиях развития цифровых технологий. «Искусственный интеллект» как правовая категория впервые был закреплен в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Под искусственным интеллектом принято понимать комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека⁴.

При реализации Национальной стратегии необходимо соблюдать такие основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта как защита прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, разумная бережливость, поддержка конкуренции.

Все обозначенные выше принципы имеют явно выраженный правовой характер и определяют не только идеологию Национальной стратегии, но и окажут влияние на принимаемые в порядке ее исполнения нормативные правовые акты.

Одной из целей проекта «Цифровая экономика

Российской Федерации» является увеличение применения технологических инноваций компаниями и организациями. На финансирование планируется направить более 1 трлн. руб., в том числе 413 млрд. руб. на создание цифровой инфраструктуры.

На наш взгляд, более полное содержание и смысл искусственного интеллекта отражен в Федеральном законе от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесению изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

Прежде всего отметим, что Россия является далеко не первой страной на пути создания документов стратегического планирования в сфере искусственного интеллекта. В целом ряде стран не только приняты национальные стратегии развития технологий ИИ, но также стали появляться первые полноценные нормативные правовые акты с нормами непосредственного действия.

Сопоставление векторов правового регулирования технологий искусственного интеллекта позволяет выделить три модели регулирования технологий ИИ. В первой модели документы стратегического планирования играют основную роль, нормы непосредственного действия имеют минимальный «вес».

Во второй модели регулирования большое значение имеют правовые нормы непосредственного действия, регулирующие общественные отношения в связи с использованием технологий искусственного интеллекта. Через правовые нормы непосредственного действия, как правило, осуществляется регулирование конкретных видов систем ИИ, но прослеживаются и попытки создать комплексное управление отраслью. В этой модели могут существовать и документы стратегического планирования, однако акты непосредственного действия играют более значимую роль по сравне-

4. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта на период до 2030 года» URL: <http://government.ru> (дата обращения: 9.11.2021).

нию с первой моделью. Ко второй модели можно отнести ряд стран, где нет документов стратегического планирования вообще, но есть законы о конкретных видах продуктов с применением систем ИИ, например, о правовом регулировании беспилотных автомобилей или беспилотных летательных аппаратов.

Третья модель является комбинацией обоих векторов правового регулирования и, соответственно, первых двух моделей. К этой модели тяготеют, на наш взгляд, США и ЕС. Причем на их примере мы видим два разных подхода: точечного и комплексного регулирования соответственно. Идеальным примером комплексного подхода в гибридной модели регулирования является ЕС.

При формировании направлений Стратегии была проведена большая подготовительная работа, в том числе проведены консультации с экспертами. К сожалению, с точки зрения правовой науки проблематика регулирования систем ИИ на отечественном уровне практически не исследована. Реализация Национальной стратегии существенно изменит эту ситуацию и привлечет максимально широкий круг ученых-правоведов к исследованию правовых проблем применения технологий искусственного интеллекта.

Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных технологий в Российской Федерации и в первую очередь, связанные с искусственным интеллектом.

Современная Россия обладает большим потенциалом в области цифровой экономики. Следует

объективно оценить важность развития искусственного интеллекта. Современный этап модернизации в России связан с формированием экономики нового типа – цифровой экономики. Особое место занимает искусственный интеллект. Необходимость проведения исследований по вопросам искусственного интеллекта обусловлена тем, что именно он является отправной точкой для трансформации цифровой экономики.

В последнее время все большую популярность приобретает робототехника. Использование достижений робототехники в промышленности повышает конкурентоспособность предприятий. При этом стоимость роботизированных систем постепенно снижается, что делает их более доступными. В России процесс роботизации затронул лишь малую долю промышленных предприятий, в основном роботы используются в автомобилестроении, на которое приходится 40% всех промышленных роботов России. Мировая статистика также показывает, что роботы наиболее востребованы в автомобильной промышленности, а также в производстве электроники.

Российским промышленным предприятиям следует более быстрыми темпами внедрять в производственные процессы роботов, т.к. это имеет неоспоримые преимущества. Во-первых, робот может работать круглосуточно и практически без перерывов, при этом производительность его труда не снижается. Во-вторых, робот выполняет операции гораздо быстрее даже самого опытного работника. В-третьих, роботы работают в соответствии с определенной программой и не производят бракованную продукцию.

Правительство Российской Федерации Распоряжением от 19 августа 2020 г. № 2129-р утвердило Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Настоящая Концепция стала первым правовым документом в Российской Федерации, формирующим основы нормативного регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Внедрение искусственного интеллекта стало одной из основных задач при осуществлении

национального проекта «Цифровая экономика». Сегодня искусственный интеллект в системе информационных технологий является важным компонентом цифровизации.

В Национальной стратегии особое внимание уделено поддержке научных исследований в целях обеспечения опережающего развития искусствен-

ного интеллекта. В частности, в целях создания и развития российских технологий искусственного интеллекта необходимо обеспечить приоритетную поддержку соответствующих фундаментальных и прикладных научных исследований.

В настоящее время ученые активно разрабатывают Цифровой кодекс России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимир Путин. Искусственный интеллект – вопрос национальной безопасности // URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4053/>.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.
3. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 312 с.
4. Бессмертный И.А. Искусственный интеллект – СПб: СПбГУ ИТМО, 2010. 132 с.
5. Косаренко Н.Н. Историко-правовой аспект развития искусственного интеллекта // Закон и власть. № 2. 2021. С. 22-26.
6. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79-102.
7. Осипов Г.С. Лекции по искусственному интеллекту. М.: Либроком, 2014. 272 С.
8. Понкин И.В. Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2018 Т. 22. № 1. С. 91-109.
9. Экономика и инновации. Материалы научно-практической конференции. 11 ноября 2020 г. М.: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vladimir Putin. Iskusstvennyj intellekt – vopros nacional'noj bezopasnosti // URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4053/>.
2. Arhipov V.V., Naumov V.B. O nekotoryh voprosah teoreticheskikh osnovanij razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti // Zakon. 2017. № 5. S. 157-170.
3. Barrat Dzh. Poslednee izobretenie chelovechestva. Iskusstvennyj intellekt i konec ery Homo sapiens. M.: Al'pina non-fikshn, 2019. 312 s.
4. Bessmertnyj I.A. Iskusstvennyj intellekt – SPb: SPbGU ITMO, 2010. 132 s.
5. Kosarenko N.N. Istoriko-pravovoj aspekt razvitiya iskusstvennogo intellekta // Zakon i vlast'. № 2. 2021. S. 22-26.
6. Laptev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. № 2. 2019. S. 79-102.
7. Osipov G.S. Lekcii po iskusstvennomu intellektu. M.: Librokom, 2014. 272 S.
8. Ponkin I.V. Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt s tochki zreniya prava. Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki 2018 T. 22. № 1. S. 91-109.
9. Ekonomika i innovacii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. 11 noyabrya 2020 g. M.: Izd-vo REU im. G.V. Plekhanova. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2020. 90 s.

И.М. РАССОЛОВ, С.Г. ЧУБУКОВА

Институт правового обеспечения оборота генетической информации: парадигма будущего информационного права^{*1}

АННОТАЦИЯ. Актуальность темы исследования обусловлена расширением национальных и межгосударственных инициатив по исследованию генома, которые имеют значительный потенциал для исследования здоровья человека. В данной научной статье впервые в доктрине современного права осуществлена попытка выделения в системе отрасли информационного права отдельного правового института – института оборота генетической информации. Считаем, что предлагаемый подход способствует формированию новых научных направлений, в частности, развитию базовых постулатов формирующейся науки о жизни, а также основных положений будущего права гуманитарных технологий. Методами исследования данной проблемы являются: эмпирические методы сравнения, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частно-научные методы: сравнительного правоведения и метод толкования правовых норм.

Предпринятый анализ позволяет сделать выводы об основных направлениях совершенствования современного информационного законодательства Российской Федерации по вопросу использования генетической информации, полученной в результате генетического тестирования. Только выработка комплексного подхода к правовому регулированию генетических исследований и использованию генетической информации, включающего введение в законодательство о правах человека общих запретов на дискриминацию по признаку генетических характеристик, создание специальных правовых норм для страховых компаний и работодателей, установление для генетических данных режима строго контролируемого использования позволит обеспечить защиту прав субъектов генетических данных и биобезопасность государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовой институт, институт правового обеспечения оборота генетической информации, информационное законодательство, генетическое тестирование, генетическая информация, персональные данные, интернет-право, банки генетической информации, биобанки, дискриминация, наука о жизни, право гуманитарных технологий.

РАССОЛОВ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (e-mail: ilyarassolov@mail.ru);

ЧУБУКОВА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (e-mail: sgchubukova@msal.ru).

Интенсивное развитие и достижение науки генетики породили как кардинальные изменения в медицине, так и серьезные социальные последствия. В обществе нарастает озабоченность бесконтрольным использованием генетических данных человека и возможными негативными последствиями этих процессов.

С одной стороны, преимущества генетического тестирования неоспоримы. Его результаты позво-

ляют людям узнать о собственном происхождении, о происхождении предков, помогают ученым составить карту доисторических путей миграции человека¹. Генетическая информация в персонализированной медицине используется для выявления предрасположенности лиц к генетическому заболеванию, помогает вовремя назначить соответствующий курс лечения для пациента, а также определить образ жизни, который сведет к

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта междисциплинарного фундаментального исследования РФФИ по теме: «Правовое регулирование геномных исследований», проект № 18-29-14033 «Правовые проблемы защиты генетической информации».

1. Генографический проект (The Genographic Project) был начат в 2005 году в качестве исследовательского проекта в сотрудничестве с учеными и университетами во всем мире с целью выявления закономерностей миграции людей // URL: <https://genographic.nationalgeographic.com/about/> (дата обращения – 25.09.2021).

минимуму возможный вред генетического состояния, помогает выбрать правильные фармакологические и генотерапевтические методы лечения.

Однако результаты генетического тестирования могут использоваться не только во благо, но и в целях дискриминации граждан. Генетический тест может выявить факт того, что человеку может в скором времени потребоваться сложная медицинская операция или он не сможет полноценно работать из-за наследственного заболевания. Эта информация может повлиять на то, как принимаются решения в сфере страхования и занятости².

Это привело к принятию во многих странах новых законов и международных договоров, посвященных генно-инженерной деятельности и использованию генетической информации.

С нашей точки зрения, в российском законодательстве сегодня возникли все предпосылки для выделения нового правового института обеспечения оборота генетической информации. В данном случае речь идет о юридическом институте в структуре отрасли информационного права как ансамбле взаимосвязанных норм права.

Поэтому считаем необходимым выделить уже наметившиеся характерные черты, доктринальные подходы, правила интерпретационной техники, критерии обособления нового института права в системе права, а также в системе инновационных научных знаний, основанные на базовых постулатах, выработанных ведущими теоретиками современного российского права, заложивших основы для построения парадигмы будущего права на многие десятилетия вперед³.

Можно предположить, что исследуемый инсти-

тут права в будущем станет самостоятельным в предметном (уточнение своей предметной области), в функциональном (будет выполнять присущие только ему функции), а также в количественном смысле (наличие достаточности норм этого института, переходящих в особое внутриотраслевое качество). У него уже сформировались свои внутриотраслевые принципы. И, несомненно, этот институт в будущем также обретет формально-юридический признак⁴.

На сегодняшний день можно отметить сосуществование норм о генетической информации в системе информационного, гражданского и административного права, а также процесс обособления этих норм в российском законодательстве и международном праве.

Институт правового обеспечения оборота генетической информации, на наш взгляд, может выступать комплексным (или смешанным) институтом, поскольку здесь в определенных случаях «одни и те же общественные отношения регулируются нормами различных отраслей права»⁵. И в этом смысле указанные нормы могут в будущем сформировать так называемый комплексный межотраслевой институт права.

Так, нормами информационного права и гражданского права регулируются отношения, связанные генетической информацией как особым видом персональных данных⁶.

Нормы информационного права и административного права регулируют отношения в области генно-инженерной деятельности обязательной геномной регистрации⁷, связаны с обеспечением системы безопасности в области генно-инженер-

2. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex Russica*. 2019. № 6 (151). С. 18-29.

3. Здесь речь идет о работах: Рассолова М.М. *Элементы правовой кибернетики*. М.: Академия МВД СССР, 1976. 96 с.; Рассолова М.М. *Управление, информация и право*. М.: Мысль, 1983. 157 с.; Керимова Д.А. *Кибернетика и право* // *Советское государство и право*. 1962. № 11. С. 9-104; Протасова В.Н. *Что и как регулирует право: учеб. пособие*. М.: Юристъ, 1995. 95 с.; Протасова В.Н. *Актуальные проблемы теории права: что и как регулирует право*. М.: Юрайт, 2020. 137с.

4. О современном правопонимании и критериях выделения отрасли в системе права см. подробнее: И.М. Рассолов. *Информационное право: учебник*. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. С. 52-68.

5. Экимов А. И. *Система права и система законодательства* // *Теория государства и права*. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2000. С. 257.

6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // *СЗ РФ*, 2006. № 31 (часть I). ст. 3451.

7. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // *СЗ РФ*, 1996. № 28. т. 3348; Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // *СЗ РФ*, 2008. № 49. ст. 5740.

ной деятельности, механизмами юридической ответственности в данной сфере и государственным управлением.

В то же время отношения в исследуемой области регулируются и нормами международного права. К числу таковых могут быть отнесены нормы-принципы, установленные Международной декларацией о генетических данных человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года)⁸, Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR)⁹, Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины от 19 сентября 1996 г. (Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164)¹⁰ и др.

Институт правового обеспечения оборота генетической информации хотя и включает нормы различных отраслей права, тем не менее характеризуется единым предметом регулирования. Таким предметом выступает генетическая информация как особый вид персональных данных. Особенности генетической информации как персональных данных связаны с тем, что данный тип сведений личного характера может характеризовать не только конкретного человека, из биологического материала которого она получена (например, наличие у него предрасположенности к определенным заболеваниям, его принадлежность к определенной этнической группе), но и его родственников.

Ввиду указанных особенностей генетических данных возникает необходимость введения особых механизмов правовой защиты этой социальной информации. Например, необходимо решить вопрос с получением согласия на использование генетической информации лица, которая может касаться жизни и здоровья его родственников.

Это свидетельствует о том, что данный институт — все же обоснованное объединение норм международного публичного права, административного, медицинского и информационного права. Существование данного института обусловлено специфическими потребностями правового регулирования отношений в исследуемой социальной сфере.

В связи с этим данный институт можно определить как объективно обособившуюся внутри различных отраслей права, и прежде всего информационного права и международного публичного права, совокупность взаимосвязанных правовых норм, объединенных общностью регулирования отношений по поводу оборота генетической информации и использованию генетических технологий.

При определении содержания данного института важно в первую очередь определить совокупность норм, регулирующих отношения в связи с генетическим тестированием и секвенированием, и основные источники, которые характеризуют его особенности. При этом данные нормы охватывают либо могут охватывать своим воздействием разнообразные «среды» информационных отношений, в соответствии с которыми может строиться вся система норм и положений, регулирующих сферу оборота генетической информации, и те разделы законодательства, с которыми оно связано.

Среди действующих в этой сфере источников права можно особо выделить Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹¹, Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской

8. Международная декларация о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения — 25.09.2021).

9. General Data Protection Regulation (GDPR) // URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr/> (дата обращения — 25.09.2021).

10. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808464> (дата обращения — 25.09.2021).

11. СЗ РФ, 2011. № 48. ст. 6724.

Федерации», Федеральную научно-техническую программу развития генетических технологий на 2019-2027 годы, утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2019 года № 479¹² и др.

Отдельные рассматриваемые нормы представлены в виде норм морали и этических стандартов саморегулирования. Так, например, в марте 1989 года Европейский парламент принял отдельную резолюцию по этическим и правовым проблемам генетических исследований, в которой указывалось на недопустимость отбора работников на генетической основе: кандидаты должны иметь право отказаться от этих тестов без возникновения негативных последствий такого отказа. Как нам представляется, в ближайшее время стоит вернуться к вопросу о разработке специального Модельного кодекса профессиональной этики в сфере генетических исследований, который объединит основные нормы-принципы, а также запреты и рекомендации для ученых-исследователей, врачей и генетиков. Подобная работа активно ведется в Израиле, Китае, Нидерландах. Подобную исследовательскую работу следует осуществлять и в России.

В качестве перспектив дальнейшего развития отдельных норм, составляющих институт правового обеспечения оборота генетической информации, предлагается выделить следующие блоки, закрепляющие:

нормы-принципы, которые будут выступать своеобразным «камертоном» для формирования будущего массива информационного законодательства. В качестве отправной точки в формировании данных норм предлагается использование внутриотраслевых принципов, сформулированных нами в предыдущих наших работах¹³;

дефинитивные нормы, которые определяют ряд категорий и понятий, в частности, уточненное понятие генетической информации; генетических данных; генетических баз и банков данных;

национальной базы генетической информации; национальных биоресурсных центров и др.;

нормы информационного права, затрагивающие правовое положение и деятельность биологических банков;

нормы права, устанавливающие права лиц, предоставляющих свой биоматериал, а также обязанности лиц, обрабатывающих подобную структурную информацию;

нормы, закрепляющие пределы использования биоматериалов и генетической информации;

нормы, устанавливающие регламент обмена генетических данных с другими национальными и международными биобанками;

нормы, обеспечивающие информационную безопасность оборота генетической информации;

нормы права, устанавливающие правовые механизмы генетического тестирования, связанные определенными целями (в частности, установление медицинского диагноза; выявление риска развития заболевания; идентификация носителя болезни; установление родства; установление этнического происхождения; определение генеалогического происхождения и др.);

нормы, устанавливающие гарантии гражданам при обнаружении ими своей генетической информации в целях участия в генетических исследованиях (например, Personal Genome Project, Helix, Genomera, Snpedia, Promethease). А также нормы, определяющие порядок создания специализированных сайтов «генетической социальной сети» создаваемых в целях содействия поиску родственников; лиц, пропавших без вести и др.;

нормы, закрепляющие конфиденциальность генетических данных граждан;

нормы, способствующие гармонизации патентного законодательства с целью поощрения исследований в области биотехнологий;

нормы о лицензировании деятельности субъектов, связанных с ведением баз генетической

12. Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 – 2027 годы» // СЗ РФ, 2019. № 17. ст. 2108.

13. Рассолов И.М., Чубукова С.Г. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // Актуальные проблемы российского права. 2019. №5 (102). С. 98-110.

информации; обязать вести организации-биобанки соответствующую отчетность;

нормы-требования о согласии субъекта на использование его генетических данных;

запретительные нормы об ограничении оборота генетической информации в ряде случаев, например, особый порядок передачи генетических данных третьим лицам, в другие страны с учетом сложившегося опыта других стран;

охранительные нормы об ответственности за нарушения порядка оборота генетической информации (за незаконное проведение генетических исследований; секвенирование генома без согласия соответствующего лица; несоблюдение цели обработки генетической информации; неправомерный доступ к генетическим данным третьих лиц; незаконный перехват генетических данных). В этой связи следует ввести необходимые санкции и дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, чтобы предупредить прогнозируемые отклонения в области оборота данной информации.

Все эти блоки норм должны найти свое закрепление в национальном законодательстве. На сегодняшний день специального законодательства, регулирующего научную и иную деятельность в области биологии и геномной информации, явно недостаточно.

Тем более ряд авторов небезосновательно выделяют существование несколько моделей правового регулирования исследуемых нами отношений. В частности, первая модель предполагает принятие специального закона (Израиль, Бельгия, Саудовская Аравия). Другая модель предполагает наличие целого массива законодательных актов, касающегося разных сфер жизнедеятельности (в частности, законодательства о здравоохранении, законодательства о защите персональных данных, а также охране жизни и здоровья человека, отдельных положений гражданского, уголовного законодательства)¹⁴.

Представляется, что в Российской Федерации

первая модель правового регулирования, а именно — принятие специального закона, выглядит более эффективным решением.

Поэтому в целях дальнейшей систематизации и обособления указанных выше норм, касающихся оборота генетической информации, представляется правильным принять специальный закон «О защите генетической информации человека в Российской Федерации».

Концепция предлагаемого нами закона представляется следующей.

В первой главе должны быть закреплены общие положения, включая сферу действия закона; понятийный аппарат, в частности, понятие генетической информации, генетических данных и других терминов; цели использования, обработки и передачи генетической информации.

Во второй главе предлагаемого закона должны быть закреплены правовые принципы оборота и обработки генетической информации, среди которых следует выделить: принцип свободы научных исследований в сфере оборота генетической информации; принцип ответственности перед будущими поколениями; принцип защиты человеческого достоинства в процессе оборота генетической информации; принцип неприкосновенности частной жизни носителя генетической информации; принцип обеспечения приоритетности интересов общества и государства в определении государственной политики в сфере оборота генетической информации.

Кроме того, данная глава должна содержать условия обработки генетической информации и особые нормы-требования о согласии субъекта, чьи генетические данные используются (обязательную письменную форму такого согласия, надлежащее и достоверное его уведомление о цели использования генетических данных, а также признание за индивидом права отзыва такого согласия).

Следует отметить, что в сфере научных исследований зачастую возникают проблемы, связанные с определением цели исследования, а также

14. Крысенкова Н.Б., Чурсина Т.И. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 152.

возможностью проинформировать лицо, чьи данные анализируются в рамках исследования, об условиях научных исследований и содержанием согласия субъекта на обработку личных данных.

Проблема целеполагания состоит в том, что на момент начала научно-исследовательских проектов их организаторы и исследователи не всегда могут конкретно и четко определить цели различных научных направлений исследования, как этого требуют общие положения европейского GDPR. Допустим, первоначально возможно определить только лишь предметные области исследований или цели отдельных частей исследовательского проекта. В указанных случаях в европейской практике существует требование о проведении предварительной оценки научного проекта компетентным независимым органом (например, комитетом по этике), который анализирует условия, в которых обрабатываются связанные со здоровьем данные, и делает выводы о соблюдении в рамках исследовательского проекта признанных этических стандартов. Лица, дающие согласие на обработку данных, должны быть осведомлены о соответствии условий проекта общепризнанным этическим нормам.

В общем случае обрабатываемые данные должны быть обезличены, однако не всегда цели научного исследования также позволяют соблюдать это требование. При невозможности обезличить данные должна проводиться процедура псевдонимизации с привлечением доверенной третьей стороны. Псевдонимизация данных предполагает использование механизма идентификации субъекта, по которому нельзя установить его личность без использования дополнительной информации, хранящейся у доверенного лица¹⁵.

В тех случаях, когда индивид отказывается от участия в научно-исследовательском проекте, его данные, обработанные в рамках научного исследования, должны быть уничтожены или

обезличены таким образом, чтобы это не ставило под угрозу научную обоснованность самого исследования, о чем субъект данных должен быть соответствующим образом проинформирован.

Информация о проводимых научных проектах, а также их результаты не должны публиковаться в форме, позволяющей идентифицировать лицо, за исключением, если субъект данных дал на это согласие, или, если закон допускает такую публикацию при условии, когда общественный интерес в публикации данных преобладает над частными интересами гражданина. Например, случаи публикации информации о здоровье добровольцев, испытывающих экспериментальные вакцины от новых форм заболеваний, таких, как коронавирус COVID-19.

Все указанные особенности научных исследований потребовали пересмотреть общие требования к согласию субъекта на обработку его данных. Сегодня среди ученых-исследователей генома сформировался консенсус в отношении того факта, что только «широкое согласие» является этически и юридически допустимой формой согласия¹⁶.

«Широкое согласие» означает, что участник исследования прямо соглашается с тем, чтобы его данные и/или образцы использовались для определенного круга будущих исследовательских проектов, подлежащих контролю и постоянному надзору со стороны специальных контролирующих органов (например, при наличии одобрения и мониторинга исследований комитетами по этике).

Третья глава проекта Закона должна содержать права и обязанности субъектов информационных правоотношений по поводу оборота генетической информации. В этой главе должен найти закрепление правовой режим биологических банков (закрепление обязанности организаций-биобанков вести соответствующую отчетность и

15. Столбов А.П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 9-10. С. 25-36.

16. Broad Consent for Future Research: International Perspectives // URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/eahr.406002?utm_term=0_d52573ead8-27e1ccf303&utm_campaign=27e1ccf303-EMAIL_CAMPAIGN_2018_10_31_02_38_COPY_01&utm_medium=email&utm_source=GA4GH+Member+Newsletter (дата обращения – 25.09.2021).

получать специальные разрешения на осуществление их деятельности, связанной с аккумулярованием генетической информации различных субъектов).

Генетическое тестирование становится все более доступным. Рост объема генетических исследований является результатом значительного снижения затрат и позволяет говорить о закладывании основ реального рынка генетических данных. Первые экономические модели оборота биологических образцов и связанных с ними генетических данных уже реализованы транснациональными компаниями.

Вместе с тем ученые во многих странах высказывают озабоченность по поводу конфиденциальности информации, содержащейся в генетических банках данных, и дальнейшего их использования в коммерческих целях¹⁷.

Наконец, защита генетической информации сегодня – это задача, связанная с обеспечением национальной безопасности многих государств¹⁸.

Наличие у некоторых стран генетического оружия в виде модифицированных генов, вирусов, адаптированных под определенный геном, является угрозой биологической безопасности государства. На заседании Совета по правам человека Президент РФ В.В. Путин сообщил, что «по всей стране некие силы с неизвестными целями собирают не только образы, но и биологический материал россиян»¹⁹. Некоторые специалисты заявили, что образцы ДНК могут понадобиться для разработки вакцин или создания биологического оружия²⁰.

Четвертая глава Закона должна быть посвящена организационным и техническим аспектам формирования «Национальной базы генетической информации». Здесь определяется порядок функционирования информационно-аналитической системы хранения и обработки генетических данных; устанавливаются процедуры взаимодействия национальных биоресурсных центров; определяются форматы, программные средства, а также носители для хранения и передачи генетической информации; сопутствующие поисковые программы; процедурные нормы защиты частной информации.

Так, 14 мая 2020 года Президент РФ Владимир Путин на совещании по вопросам развития генетических технологий заявил о необходимости создания национальной базы генетической информации, поручив Правительству РФ организовать за счет федерального бюджета работу в данном направлении. Одна из ключевых задач данного проекта состоит в том, чтобы на основе единых стандартов обеспечить защиту данных, их хранение, передачу, разработку программных средств поиска, анализа и моделирования информации²¹.

8 июня 2020 г был принят Федеральный закон № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»²². Он будет регламентировать отношения по сбору, обработке, хранению, получению, использованию персональной информации, а также обеспечения актуальности и достоверности иных сведений о

17. См., например: Ilya M. Rassolov, Svetlana G. Chubukova, Alexandr A. Mokhov, Rosalina V. Shagieva. Genetic information and personal data under conditional of digital transformation // International Journal of Psychosocial Rehabilitation (United Kingdom). 2020. Vol. 24. Issue 07. pp. 284-292; Yaniv Erlich, Tal Shor, Itsik Pe'er, Shai Carmi. Identity inference of genomic data using long-range familial searches // Science. 2018. Vol. 362. Issue 6415. pp. 690-694.

18. Рассолов И.М., Чубукова С.Г. Защита генетической информации как составляющая биологической безопасности: правовые аспекты // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М.: Проспект, 2020. С. 282-294.

19. Путин: некие силы целенаправленно собирают биоматериал россиян // URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1946284/> (дата обращения – 25.09.2021).

20. Ключ к генетическому коду: зачем военные США закупают биоматериал россиян. // URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1880398/> (дата обращения – 25.09.2021).

21. Официальный сайт Президента России. Совещание о развитии генетических технологий в России // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63350> (дата обращения – 25.09.2021).

22. РГ. Фед. вып., 2020. 11 июня.

населении страны. Создаваемая информационная система позволит связать между собой различные сведения о гражданах, которые уже используют различные государственные органы. В регистре будет храниться по принципу распределенной базы данных основная информация о человеке, а также различные дополнительные идентификаторы. В конечном итоге речь идет об сопряжении баз данных разной правовой природы, в том числе и генетических. Как представляется, впоследствии будет создана закрытая экосистема в целях развертывания и функционирования системы искусственного интеллекта, работающей с новыми ансамблями данных.

Пятая глава должна содержать охранительные нормы по государственному надзору за деятельностью субъектов по поводу оборота генетической информации, а также включать специальные нормы об ответственности за нарушения требований закона (за проведение генетических исследований и секвенирование генома без согласия соответствующего субъекта или в нарушение ранее оговоренной цели исследования, за неправомерное получение доступа к генетическим данным или передачи их третьим лицам и т.д.).

Шестая глава будет содержать заключительные положения.

Предпринятый выше анализ позволяет нам выделить особенности регулирования отношений по обороту генетической информации.

Во-первых, социальное регулирование этой среды является не чисто правовым, нормативным (он использует нормы морали, этики и др.). В этой связи следует говорить о новом понимании и обосновании новой глобальной «концепции прав человека и всего живого», которая найдет свое отражение в наших будущих работах.

Во-вторых, оно базируется на новом понятийном аппарате — «геном», «биоэтика», «гуманитарные технологии», «антропоцен», «биологический банк данных», «секвенирование генома», «биобезопасность», «медицинское право», «генетическое тестирование», «национальная база генетической информации», «экзобиология» и другие.

В-третьих, информационная деятельность различных субъектов в данной сфере зачастую носит международную окраску и осуществляется на базе норм международных договоров и национального законодательства. В этой связи представляется правильным запустить широкое обсуждение проблем оборота генетической информации на уровне международного научного сообщества (определение угроз; установление возможных рисков применения информационных технологий в медицине; унификация механизмов цифрового слеодообразования; разработка этических кодексов поведения для научного сообщества; использование методологии форсайта в целях выработки общих позиций).

В-четвертых, оценка эффективности правового регулирования исследуемых информационных отношений осуществляется субъектами разных стран; можно прогнозировать, что в скором времени станет возможным выведение единых показателей эффективности регулирования в области оборота генетической информации.

Итак, предпринятый анализ позволяет сделать выводы об основных направлениях совершенствования современного информационного законодательства Российской Федерации по вопросу использования генетической информации, полученной в результате генетического тестирования.

Только выработка комплексного подхода к правовому регулированию генетических исследований и использованию генетической информации, включающего введение в законодательство о правах человека общих запретов на дискриминацию по признаку генетических характеристик, создание специальных правовых норм для страховых компаний и работодателей, установление для генетических данных режима строго контролируемого использования позволит обеспечить защиту прав субъектов генетических данных и биобезопасность государства.

Необходима дальнейшая гармонизация российского законодательства о персональных данных, к которым российский законодатель относит и генетическую информацию, с европейским

законодательством и положениями европейского Регламента о защите персональных данных (GDPR).

Говоря о свободе научных исследований в области генетики, мы говорим об свободе изучения

генетической информации, но не о свободе ее использования. Любые свободы имеют ограничения в случаях, когда они противоречат основным правам человека и могут привести к дискриминации по генетическим признакам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex Russica*. 2019. № 6 (151). С. 18-29.
2. Керимов Д. А. Кибернетика и право // *Советское государство и право*. 1962. № 11. С. 98-104.
3. Крысенкова Н.Б., Чурсина Т.И. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 5. С. 140-153.
4. Протасов В. Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие. М.: Юристъ, 1995. 95 с.
5. Протасов В.Н. Актуальные проблемы теории права: что и как регулирует право. – М.: Юрайт, 2020. 137с.
6. Рассолов И.М. Информационное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 347 с.
7. Рассолов И.М., Чубукова С.Г. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. №5 (102). С. 98-110.
8. Рассолов И.М., Чубукова С.Г. Защита генетической информации как составляющая биологической безопасности: правовые аспекты // *Генетические технологии и право в период становления биоэкономики: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова*. М.: Проспект, 2020. С. 282-294.
9. Рассолов М. М. Элементы правовой кибернетики. М.: Академия МВД СССР, 1976. 96 с.
10. Рассолов М. М. Управление, информация и право. М.: Мысль, 1983. 157 с.
11. Столбов А.П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. 2017. № 9-10. С. 25-36.
12. Экимов А.И. Система права и система законодательства // *Теория государства и права*. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2000. 328 с.
13. Ilya M. Rassolov, Svetlana G. Chubukova, Alexandr A. Mokhov, Rosalina V. Shagieva. Genetic information and personal data under conditional of digital transformation // *International Journal of Psychosocial Rehabilitation (United Kingdom)*. 2020. Vol. 24. Issue 07. pp. 284-292.
14. Yaniv Erlich, Tal Shor, Itsik Pe'er, Shai Carmi. Identity inference of genomic data using long-range familial searches // *Science*. 2018. Vol. 362. Issue 6415. pp. 690-694.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bogdanova E. E. Pravovye problemy i riski geneticheskoy revoljucii: geneticheskaja informacija i diskriminacija // *Lex Russica*. 2019. № 6 (151). S. 18-29.
2. Kerimov D. A. Kibernetika i pravo // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1962. № 11. S. 98-104.
3. Krysenkova N.B., Chursina T.I. Pravovoe regulirovanie genomnyh issledovanij v zarubezhnyh stranah // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija*. 2019. № 5. S. 140-153.
4. Protasov V. N. Chto i kak reguliruet pravo: ucheb. posobie. M.: Jurist#, 1995. 95 s.
5. Protasov V.N. Aktual'nye problemy teorii prava: chto i kak reguliruet pravo. – M.: Jurajt, 2020. 137s.
6. Rassolov I.M. Informacionnoe pravo: uchebnik. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo Jurajt, 2019. 347 s.
7. Rassolov I.M., Chubukova S.G. Vnutriotraslevye principy obrabotki geneticheskoy informacii // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019. №5 (102). S. 98-110.
8. Rassolov I.M., Chubukova S.G. Zashhita geneticheskoy informacii kak sostavljajushhaja biologicheskoy bezopasnosti: pravovye aspekty // *Geneticheskije tehnologii i pravo v period stanovlenija bioekonomiki: monografija / отв. red. А.А. Мохов, О.В. Сушкова*. М.: Проспект, 2020. S. 282-294.
9. Rassolov M. M. Jelementy pravovoj kibernetiki. M.: Akademiya MVD SSSR, 1976. 96 s.
10. Rassolov M. M. Upravlenie, informacija i pravo. M.: Mysl', 1983. 157 s.
11. Stolbov A.P. O standartizacii metodov psevdonimizacii personal'nyh dannyh v zdavoohranenii // *Problemy standartizacii v zdavoohranenii*. 2017. № 9-10. S. 25-36.
12. Jekimov A. I. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva // *Teorija gosudarstva i prava*. M.: JuNITI-DANA. 2000. 328 s.

В.Ф. АНТОНОВ

Европейские ценности в нормативно-правовых актах ЕС

АННОТАЦИЯ. В представленной статье рассматривается содержание европейских ценностей, воплощаемых в систему законодательных актов ЕС. На основании анализа законодательного материала делается вывод о том, что большинство нормативно-правовых актов ЕС применяются под влиянием широкого круга социально-этических ограничений, обеспечивающих поддержку европейской интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, нормативные акты, права человека, европейские ценности, законодательное регулирование, общественная мораль, правоприменение.

АНТОНОВ ВЛАДИСЛАВ ФЕДОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: 5592606@bk.ru).

Как известно, правоприменительная деятельность институциональных органов ЕС исходит из приоритета провозглашаемых ценностей, воплощаемых в систему законодательных предписаний. Исходя из указанных предписаний Европейский Союз располагает институциональным механизмом, призванным проводить в жизнь его ценности, осуществлять его цели, служить его интересам, интересам его граждан и государств-членов, а также обеспечивать последовательность, эффективность и преемственность его политики и его действий.

По установленному правилу Европейский Совет может констатировать существование серьезного и устойчивого нарушения каким-либо государством – членом декларируемых ценностей с последующим предложением представить любые замечания по данному вопросу. По результатам проверки указанной констатации может приниматься решение о приостановлении отдельных прав к соответствующему государству-члену.

Подобная практика основывается на том, что большинство европейских конституций исходит из верховенства общечеловеческих ценностей и цивилизационных норм, закрепляемых на уровне национального законодательства. По общепризнанному мнению, в основу законодательных актов ЕС положены представления о свободной

личности, подчиняющейся широкому кругу социально-этических ограничений.

Современная концепция универсальных ценностей оказывает регулятивное воздействие на неограниченный круг отношений, регулируемых европейским правом. Указанная парадигма ценностей обуславливается различными факторами социокультурного характера и в первую очередь тем, что на Западе всегда преобладала тенденция сводить весь живой правовой материал в навсегда упорядоченный и исчерпывающий обобщающий кодекс, в котором всякий вообще мыслимый в будущем случай будет решен заранее¹.

Из учредительных документов ЕС следует, что декларируемые ценности имеют двойственное содержание. С одной стороны, указанные ценности направлены на защиту интересов государств-участников, исходящих из необходимости защиты своих экономических интересов, а с другой стороны, все более приближаются к потребностям и интересам граждан, активно взаимодействующими с институциональными органами ЕС.

Разработчики учредительных документов ЕС руководствовались идеей создания единого культурного пространства, производного от культурного, религиозного и гуманистического наследия Европы, на основе которого сформировались универсальные ценности – уважение человеческого

1. Шпенглер О. Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М., 2009. Т. 2. С. 82.

достоинства, неприкосновенные и неотчуждаемые права человеческой личности, свобода, демократия, равенство и правовое государство. Указанные ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин, поскольку применяются в сочетании с правовыми предписаниями национального законодательства.

Европейские ценности охватывают широкий круг отношений публично-правового характера, восходящих к историческому и культурному наследию Европы. Преобладающая часть европейских ценностей основывается на традиционной христианской морали, воплощаемой в идеалах и принципах протестантской этики (уважения к труду, любви и сострадания к ближнему и пр.). Указанные представления сформировали социальную атмосферу, определяющую нормативное содержание большинства законодательных актов ЕС.

По мнению современных исследователей, протестантская этика изначально формировалась как индивидуалистическая и отождествляющая истинную религиозность с различными формами социального устройства общества. Имея в качестве отправной точки основной постулат о раскрытии эсхатологического призвания человека через его общественное преуспеяние по типовым для данного общества образцам протестантское экономическое учение по мере растворения церковности в социуме все более сближалось с научным, философским и публицистическим форматом...²

Учредительные документы ЕС помещают человеческую личность в центр своей деятельности посредством введения гражданства Союза и создания пространства свободы, безопасности и справедливости. Указанные нормативные акты исходят из необходимости защиты субъективных прав личности, вовлеченной в систему государственно-правых отношений. По общепризнанному мнению, в основе европейских ценностей

лежит принцип устойчивого развития институтов ЕС, через которые человек реализует свой собственный потенциал.

В то же время следует отметить, что права и свободы человека далеко не всегда определяют содержание правоприменительной практики. Во многих случаях судебные органы руководствуются необходимостью поддержания публичного порядка, проявляющегося в базовых принципах европейской интеграции. Подобная практика обуславливается тем, что европейские ценности являются основанием установления публичных обязанностей в различных сферах законодательного регулирования.

Первоначально суд ЕС отвергал возможность применения основных прав и принципов, защищаемых национальным правом государств – членов сообщества. Римский договор 1957 года был сосредоточен на цели экономической интеграции. Ни о политическом союзе, ни о правах человека в нем не упоминалось. Потребовалось немало времени, прежде чем основные права и свободы человека были признаны частью правопорядка ЕС³.

Современная концепция прав человека развивается под влиянием необходимости выполнения публичных обязанностей и необходимости взаимодействия с государственными органами власти. Из данного утверждения следует, что права человека обращены к свободной личности, осознающей свою ответственность перед государственными и иными социально значимыми институтами. Как правило, устанавливаемые ограничения направлены на поддержание социального равновесия и иных элементов правопорядка.

В соответствии с хартией Европейского Союза об основных правах пользование предоставляемыми правами порождает ответственность и создает обязанности перед другими лицами, так и по отношению к человеческому обществу и будущими поколениями. Таким образом, большинство нормативно-правовых актов ЕС под личностью понимает лицо, в полном объеме воспринимающее европейские ценности.

2. Зудов Ю. В., Коновалов А. В. Запад и западное христианство: на рубеже тысячелетий. СПб., 2011. С. 65.

3. Зинченко Н. Н. Европейское право. М., 2016. С. 22-23.

Учредительные документы ЕС устанавливают определенные требования к оценке правовых ситуаций, возникающих по вопросам защиты прав и свобод человека. В большинстве случаев суды руководствуются практикой взвешивания интересов, обеспечивающих принятие наиболее сбалансированных решений. По общему правилу предоставляемые права могут быть беспрепятственно реализованы при условии надлежащего взаимодействия заинтересованной личности с государственными органами власти.

Несмотря на усиливающиеся процессы экономической интеграции, нормативные акты ЕС направлены на сохранение социокультурной идентичности государств-участников. Важнейшим элементом европейского права является необходимость поддержания общеустановленных ограничений и моральных принципов общества, воплощающихся в требованиях публичного порядка.

Так, например, статья 36 Римского договора 1957 года устанавливает основания ограничения свободы передвижения товара. Основаниями для оправдания таких ограничений являются: общественная мораль, общественный порядок или общественная безопасность, защита здоровья людей, животных и растений, защита националь-

ных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность, защита промышленной или коммерческой собственности.

В системе права ЕС удовлетворение справедливых требований морали проявляется в невозможности совершения действий, противоречащих представлениям об общепринятом поведении. По устоявшемуся мнению, общественная мораль довольно условное понятие, меняющееся в зависимости от особенностей конкретного общества. Поэтому в одном из своих первых решений по данному вопросу Суд ЕС признал: «... государства-члены компетентны сами определять на своей территории содержание понятия общественной морали и форм ее проявления в соответствии с национальными законами»⁴.

Таким образом, общественная мораль подразумевает приверженность к традиционным устоям общества, проявляющимся в обязанности согласовывать свои действия с государством и иными социально-значимыми институтами. В основу учредительных документов ЕС положена взаимосогласованная система социально-этических предписаний, основывающихся на необходимости поддержания моральных, политических и религиозных устоев общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зинченко Н.Н. Европейское право: учебное право. М.: РЭУ, 2016. 112 с.
2. Зудов Ю.В., Коновалов А.В. Запад и западное христианство: на рубеже тысячелетий. Спб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2011. 208 с.
3. Шпенглер О. Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М.: Академический проект, 2009. Т. 2. 606 с.
4. Юмашев Ю. М., Постникова Е. В. Экономическое право Европейского Союза. М.: НОРМА, 2015. 384 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Zinchenko N.N. Evropejskoe pravo: uchebnoe pravo. M.: RJeU, 2016. 112 s.
2. Zudov Ju.V., Konovalov A.V. Zapad i zapadnoe hristianstvo: na rubezhe tysjacheletij. Spb.: Izd-vo «Juridicheskij centr «Press», 2011. 208 s.
3. Shpengler O. Zakat zapadnogo mira: Oчерki morfologii mirovoj istorii. M.: Akademicheskij projekt, 2009. T. 2. 606 s.
4. Jumashev Ju.M., Postnikova E.V. Jekonomicheskoe pravo Evropejskogo Sojuza. M.: NORMA, 2015. 384 s.

4. Юмашев Ю.М., Постникова Е.В. Экономическое право Европейского Союза. М., 2015. С. 96.

В.В. ВАРМУНД

Теоретико-методологический анализ правосубъектности инвалидов в контексте статьи 12 Международной конвенции о правах инвалидов

АННОТАЦИЯ. В статье проведен теоретический анализ правовому режиму правосубъектности инвалидов в контексте статьи 12 Международной конвенции о правах инвалидов, исследован подход к сущности и содержанию правосубъектности через призму признаков, создающих взаимообусловленную связь.

Сформулированы выводы о свойствах правосубъектности необходимых для принятия решений или совершения сделок лицами с ограниченными возможностями здоровья, показано соотношение абсолютного правонаделительного характера правоспособности и дееспособности и сделкоспособности с учетом волевого признака носителя субъективных прав и обязанностей, выражающегося в самостоятельном принятии решений. В рамках данного подхода рассмотрены особенности правосубъектности инвалидов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, сделкоспособность, субъективные права и обязанности.

ВАРМУНД ВИКТОРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА – старший преподаватель кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: vik_v@bk.ru).

Правовой режим, установленный конвенцией по правам инвалидов в отношении реализации дееспособности, как элемента правосубъектности, можно анализировать по следующим важным аспектам:

Он прямо признает правоспособность каждого человека, что относится как к тому, что Международная конвенция о правах инвалидов (далее – Конвенция) называет «правоспособностью», которую можно определить, как способность быть обладателем законных прав и обязанностей, так и к «дееспособности», что означает способность самостоятельно осуществлять признанные законом права или обязанности.

Как можно заметить, ситуация, приводящая к ограничению дееспособности, формируется одновременным возникновением двух условий. Во-первых, у человека должна быть зависимость или постоянное, или продолжительное серьезное психическое расстройство, а во-вторых, существует опасность причинения вреда человеку или его имуществу, если сохраняется полная дееспособность. Ограничение дееспособности согласовано только в связи с

определенными действиями, которые должны быть определены судом, чтобы в отношении тех действий, которые не упоминаются в решении, преобладала общая норма презумпции дееспособности.

Основным следствием ограничения дееспособности является предоставление мер поддержки, в силу признания разнообразия инвалидности поддержка принятия решений принимает множество форм и должна разрабатываться с учетом конкретных обстоятельств и потребностей человека. Оно может быть в единственном или множественном числе. В нем могут участвовать родственники, социальные работники, учреждения или один или несколько из этих вариантов. Следовательно, это означает, что характер, объем и эффекты механизмов поддержки должны быть указаны индивидуально в конкретном решении суда.

Статья 12 Конвенции содержит одно из наиболее значительных юридических нововведений последних десятилетий, которое призвано оказать потенциально большое влияние на национальные правовые системы, и требует тщательного пересмотра традиционных пра-

вовых институтов, существовавших веками. Действительно, обязывая государства признать, что «инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни», и подтверждая, что «государства-участники принимают соответствующие меры для обеспечения доступа инвалидов к поддержке, которую они могут требовать при реализации своей правоспособности», Конвенция запрещает все законодательные положения, позволяющие полностью или частично лишать людей с ограниченными возможностями своей правоспособности, как это происходит сегодня в большинстве стран. Более того, поскольку признание правоспособности является основным условием осуществления прав, статья 12, несомненно, является центральным положением Конвенции.

Комитет ООН по правам инвалидов рассматривал этот вопрос практически во всех своих заключительных замечаниях государствам-участникам. Кроме того, основываясь на первоначальных докладах рассматриваемых государств, Комитет пришел к выводу, что существует общее неправильное понимание точного объема обязательств государств-участников по статье 12 Конвенции.

Действительно, было общее непонимание того, что модель инвалидности, основанная на правах человека, подразумевает переход от альтернативной парадигмы принятия решений (совершения сделок) к парадигме, основанной на поддерживаемом принятии решений (совершения сделок). Это убеждение привело Комитет к составлению первого из своих Замечаний общего порядка, в котором он пытается дать толкование статьи 12 и уточнить общие обязательства, вытекающие из этого предписания для государств-участников.

Общий комментарий Комитета по правам инвалидов к статье 12 показывает, что мы сталкиваемся с изменением парадигмы, которое можно без преувеличения назвать революционным, требующим тщательного пересмотра национальных законов.

Фактически, с тех пор, как Конвенция всту-

пила в силу, несколько стран предприняли серьезные законодательные изменения, чтобы адаптировать свои правовые системы к статье 12. В этом документе три из самых последних и новаторских правовых реформ – реформы в Российской Федерации (2012 г.), Аргентине (2014 г.), Ирландии (2015 г.) и Перу (2018 г.) – были отобраны для анализа в свете Конвенции, чтобы выяснить, в какой степени они могут быть моделью для законодательных изменений, которые будут приняты в остальных государствах. Чтобы провести этот анализ, сначала необходимо изучить требования статьи 12 Конвенции.

Почти во всех странах инвалидам (в основном с умственными или психосоциальными расстройствами) традиционно отказывают в правоспособности и объявляют недееспособными, и для них назначается законный представитель (обычно называемый «опекуном»), который принимает юридические решения и осуществляет свои права от их имени либо по всем вопросам, касающимся их личности и активов, либо по конкретным вопросам, определенным судом (эта модель называется «замещающим принятием решений (совершения сделок)»). Более того, большинство национальных законов требует, чтобы опекун принимал такие решения в соответствии с наилучшими интересами заинтересованного лица.

Цель статьи 12 Конвенции – изменить эту ситуацию. Но толкование статьи 12 не бесспорно. Были выдвинуты разные точки зрения относительно центрального вопроса, поставленного статьей 12: исключает ли она какой-либо альтернативный процесс принятия решений (совершения сделок). После утверждения Конвенции различные ученые дали утвердительный ответ на этот вопрос, в то время как другие утверждают, что в некоторых случаях и при определенных условиях может быть разрешено принятие альтернативных решений (совершения сделок). Общий комментарий Комитета по правам инвалидов к статье 12 последовал за первым из этих возможных толкований.

Для правильного понимания статьи 12 мы должны следовать параметрам, установленным Венской конвенцией о праве международных договоров. Согласно статье 31.1 «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать условиям договора в их контексте». Статья 32 включает в качестве дополнительного средства толкования «подготовительные работы к договору и обстоятельства его заключения».

Поэтому, в первую очередь, давайте рассмотрим условия статьи 12 в ее первом абзаце «государства-участники подтверждают, что инвалиды имеют право на признание везде как лица перед законом». Как, ясно показывает использование слова «повторно подтвердить», статья 12.1 не добавляет никакого нового содержания в международное право прав человека, поскольку право на признание до закона уже было провозглашено Всеобщей декларацией прав человека (статья 6) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 16) среди других международных договоров по правам человека. Новым является содержание пунктов 2 и 3 статьи 12. В пункте 2 Конвенция требует от государств-участников «признать, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни», а в пункте 3 заявляет, что должны быть приняты соответствующие меры «для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая может им потребоваться при реализации своей правоспособности». Ссылка в пункте 3 на осуществление правоспособности показывает, что концепция правоспособности, используемая в Конвенции, включает как способность быть обладателем прав (юридический статус), так и способность осуществлять свои права (юридическое представительство).

Этот вывод может быть подтвержден обзором подготовительной работы к Конвенции, в которой это был один из основных вопросов обсуждения, а различные проекты положений, проводящих различие между правоспособностью и дееспособностью, не были поддержаны и не были включены в окончательный текст.

Более того, в пункте 2 подчеркивается, что правоспособность инвалидов должна признаваться «наравне с другими» и «во всех аспектах жизни». Следовательно, в соответствии с этим положением не может быть разницы в правоспособности на основании инвалидности определенного лица. Поскольку статья 1 определяет инвалидность как «долгосрочные физические, умственные, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными препятствиями могут препятствовать полному и эффективному участию в жизни общества», это означает, что не может быть никаких различий в отношении правоспособности на основе нарушения, даже не интеллектуальное или умственное нарушение определенного человека. Таким образом, из статьи 12.2 можно сделать два вывода:

(а) Не может быть лишения или ограничения дееспособности по какой-либо причине, связанной с ограничением возможностей определенного лица. Не допускается даже частичное ограничение, поскольку статья 12.2 требует признания правоспособности «во всех аспектах жизни». Следовательно, любое правовое положение, допускающее лишение или ограничение дееспособности лиц с психическими или интеллектуальными нарушениями, будет нарушением статьи 12.

(b) Как уже говорилось, правоспособность включает юридическую силу, то есть способность осуществлять свои права и принимать решения самостоятельно. Следовательно, не может быть никакой разницы в способности принимать решения самостоятельно исходя из недостатков конкретного человека. Другими словами, никакая причина, связанная с ограничениями конкретного человека, не может позволить отрицать его способность принимать решения самостоятельно.

Упомянув некоторые конкретные аспекты юридического представительства и подтверждая, что инвалиды имеют равное право на осуществление своего юридического представительства в этих областях, он еще раз подчеркивает, что инвалидам должно быть разрешено

принимать решения самостоятельно, как это разрешено для любого другого человека.

В полном соответствии с этими выводами статья 12.3 призывает оказывать инвалидам поддержку, в которой они нуждаются при реализации правоспособности. Поскольку некоторые люди с ограниченными возможностями могут сталкиваться с трудностями при осуществлении своих прав или принятии решений (совершения сделок), им следует оказывать поддержку в выполнении этих задач. В статье 12.3 прямо не говорится, что все инвалиды должны иметь право на реализацию своей правоспособности, но если ее читать в связи с предыдущим параграфом, она показывает, что переход от замещающего принятия решений (совершения сделок) к поддерживаемому принятию решений должен быть осуществлен, реализован для всех лиц с нарушениями принятия решений (совершения сделок) любого вида.

Конечно, поддерживаемое принятие решений (совершения сделок) более проблематично для реализации, чем замещающее принятие решений (совершения сделок): легче заменить в своих решениях человека, который испытывает трудности с принятием решений (совершения сделок), чем помочь ему развить собственный процесс принятия решений (совершения сделок). Более того, хотя некоторые юрисдикции склонны поощрять то, что человек организует свою поддержку, как будет показано ниже, это часто оказывается невозможным. Эти практические трудности побуждают некоторых авторов защищать более мягкую интерпретацию КПИ, которая оставляет место для принятия замещающих решений. Хотя, как было предложено, можно согласиться с тем, что этот подход «понятен на данный момент», следует иметь в виду, что право на дееспособность является гражданским правом, не подлежащим постепенной реализации. Следовательно, как прямо заявляется в статье 12.3, государства должны предоставить все необходимые средства для облегчения его выполнения, включая предоставление поддержки, если человек не может ее организо-

вать самостоятельно, а также соответствующую подготовку сторонников.

Наконец, мы подошли к пункту 4, который труднее всего интерпретировать. Фактически этот абзац является основным аргументом, используемым теми авторами, которые утверждают, что принятие решений (совершения сделок) о замене совместимо со статьей 12. Статья 12.4 требует предоставления «надлежащих и эффективных гарантий для предотвращения злоупотреблений», которые должны гарантировать, что «меры, относящиеся к реализации правоспособности, уважают права, волю и предпочтения лица, свободны от конфликта интересов и ненадлежащего влияния, являются соразмерными, и адаптированы к обстоятельствам человека, подавать заявление в кратчайшие сроки и подлежат регулярному рассмотрению».

Конечно, формулировка этого параграфа очень похожа на формулировку нынешних замещающих законов о принятии решений (совершения сделок), и некоторые из его предложений кажутся противоречащими статье 12.3: почему, например, поддержка должна применяться в кратчайшие сроки?

Тем не менее, на мой взгляд, статью 12.4 также можно толковать таким образом, чтобы подтвердить толкование предыдущих параграфов, и это должно быть правильным способом ее прочтения, потому что каждая правовая норма должна пониматься в ее контексте.

Во-первых, следует прояснить, что меры безопасности — это не альтернатива опорам, а их элемент. Согласно условиям статьи 12.4, гарантии должны обеспечиваться мерами, относящимися к реализации правоспособности, и содержание этих мер определено в статье 12.3, в которой указывается, что они должны быть мерами поддержки. Статья 12.4 предписывает, что меры поддержки должны включать гарантии, основная цель которых — гарантировать, что поддержка уважает права, волю и предпочтения человека. Это означает, прежде всего, что поддержка никогда не может быть оказана против явной воли человека,

поскольку это было бы явным нарушением статьи 12.4.

Конечно, это исключительное отклонение от выбора, сделанного лицом, нуждающимся в поддержке или получающим поддержку, будет законным только в том случае, если существует текущая ситуация или непосредственный риск злоупотреблений, конфликта интересов или неправомерного влияния, и если это помогает ей осуществлять свои права. И претворять в жизнь ее волю и предпочтения. Напротив, никогда не будет оправдано игнорирование воли человека на основе оценки его решения (например, аргументирование того, что человек принял или может принять неразумное решение, или решение, которое наносит вред). Для нее или того, что может поставить под угрозу ее личную автономию в будущем.

В статье 12.4 не указывается, как должна быть организована поддержка, но в ней излагаются некоторые основные характеристики мер поддержки, а именно:

(а) пропорционально: поскольку поддержка может повлечь за собой определенное вторжение в личную сферу человека, она не должна быть более интенсивной, чем это строго необходимо, чтобы ее затраты не перевешивали их выгоды.

(б) адаптированы к обстоятельствам человека: системы поддержки должны быть достаточно широкими. Сюда входят ситуации, когда невозможно каким-либо образом узнать волю человека или лицо не может дать согласие, но, тем не менее, необходимо принять решение или заключить правовой акт; в таких крайних случаях поддержка должна состоять в том, чтобы наилучшим образом истолковать волю и предпочтения человека, основываясь, например, на его жизненной истории, на его предыдущих желаниях и предпочтениях или на выражении им доверия к определенным людям. На практике это может привести к представлению согласия на определенные правовые акты. Но это не замещающее принятие решения, потому что:

(1) такое представление возможно только в том случае, если лицо ранее не выразило свою

волю, например, посредством предварительного распоряжения, и практически осуществимые усилия по выяснению ее нынешней воли являются неудачными;

(2) решение принимается не в соответствии с «наилучшими интересами» поддерживаемого лица, а в соответствии с наилучшей интерпретацией ее воли и предпочтений.

(3) они должны подавать заявку в кратчайшие возможные сроки: в контексте поддерживаемой модели принятия решений (совершения сделок), это положение можно понимать только в том смысле, что меры поддержки должны помочь лицу реализовать свою правоспособность при меньшей поддержке, в будущем.

(4) они должны регулярно пересматриваться.

Таким образом, условия статьи 12 приводят к выводу, что статья 12 призывает к полной отмене альтернативных режимов принятия решений (совершения сделок). Это толкование, которое по существу согласуется с Общим комментарием Комитета по правам инвалидов, может быть подтверждено рассмотрением остальных параметров, упомянутых в Венской конвенции о праве международных договоров: контекста и цели договора.

Что касается контекста, утверждалось, что существует «внутреннее несоответствие между различными правами, особенно между (так называемыми) негативными и позитивными правами, поддерживаемыми Конвенцией». Конечно, Конвенция не лишена противоречий и двусмысленностей, но переводчик должен приложить усилия, чтобы прочитать ее в целом. Что касается толкования статьи 12, следует отметить несколько аспектов. Во-первых, в Конвенции постоянно делается упор на способность людей с ограниченными возможностями делать выбор самостоятельно. Об этом ясно свидетельствует, например, статья 19, которая признает право выбора в отношении самостоятельного проживания и места жительства; статья 25, которая требует обеспечения свободного и осознанного согласия инвалидов в области здравоохранения; или статья 27,

которая подчеркивает, что работа должна быть «свободно выбрана или принята», среди прочего. Во-вторых, Конвенция признает основные права инвалидов «наравне с другими», пункт, который включен в большинство его статей и запрещает любое различие в обращении при осуществлении основных прав на основании инвалидности. Прежде всего, Конвенцию следует рассматривать через призму общих принципов, провозглашенных статьей 3, первым из которых действительно является «уважение достоинства, индивидуальной автономии, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимость личности».

С другой стороны, объект и цель Конвенции четко определены статьей 1: «поощрять, защищать и обеспечивать полное и равное пользование всеми инвалидами всеми правами человека и основными свободами, а также содействовать уважению их врожденное достоинство». Необходимость Конвенции для достижения этих целей объясняется тем фактом, что, как говорится в Преамбуле, несмотря на различные международные инструменты в области прав человека, «инвалиды продолжают сталкиваться с препятствиями при их участии в качестве равноправных членов общества и нарушениями их человеческого права. Права во всех частях

света». Конвенция хочет порвать с этой ситуацией, вызванной, среди прочего, социальным восприятием людей с ограниченными возможностями как объектов помощи и защиты, а не субъектов прав.

В качестве вывода из предыдущих рассуждений можно выявить следующие принципы:

(1) Правовые системы должны признавать полную способность людей с ограниченными возможностями осуществлять свои права (юридическое представительство).

(2) Правовые системы должны заменить замененные системы принятия решений (совершения сделок) механизмами поддержки, которые помогают инвалидам, нуждающимся в этом, реализовать свою правоспособность, всегда основанные на уважении их воли и предпочтений и направленные на облегчение процесса принятия и выражения своих решений (совершения сделок).

(3) Наконец, правовые системы должны предусматривать соответствующие гарантии для обеспечения того, чтобы механизмы поддержки эффективно уважали права, волю и предпочтения поддерживаемого лица и предотвращали любые злоупотребления; одной из этих гарантий является его регулярный пересмотр компетентным судебным органом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аристов Е.В. Научные интерпретации содержания понятий «социальное государство» и «социальность государства» и их признаков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 418-426.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Aristov E.V. Nauchnye interpretacii sodержaniya ponjatij «social'noe gosudarstvo» i «social'nost' gosudarstva» i ih priznakov // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2017. Vyp. 38. S. 418-426.

Ю.А. КРОХИНА

Ответственность за невозврат валютной выручки из-за границы: позиция судов и конституционные ценности

АННОТАЦИЯ. В Российской Федерации правовое регулирование внешнеэкономической деятельности осуществляется в целях обеспечения благоприятных условий для предпринимателей с одновременной защитой экономических и политических интересов государства. Законодательство разрешает коммерческое присутствие в любой форме организации предпринимательской и иной экономической деятельности российского лица на территории иностранного государства. В российском праве оказался нерешенным вопрос, обязан ли российский резидент, осуществляя внешнеэкономическую деятельность, следовать законодательству страны-присутствия. Правоприменительная практика идет по пути привлечения к административной ответственности за невозврат валютной выручки даже в тех случаях, когда законодательство страны-присутствия резидента не позволяет репатриировать денежные средства. В статье проанализированы основания привлечения российских резидентов за невозврат валютной выручки, соразмерность налагаемого штрафа общественной опасности содеянного на предмет соответствия конституционным принципам свободы экономической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: валютная выручка; репатриация валюты; административный штраф; валютное регулирование.

КРОХИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова. Руководитель практики бюджетного права Московской коллегии адвокатов «Арбат» (e-mail: jkrokhina@mail.ru).

Проблема назначения высоких штрафов за нарушение правил валютных операций, предусмотренных ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, в частности в ситуациях соблюдения резидентами правил российского валютного законодательства (уведомления налогового органа и своевременной подаче соответствующей отчетности), носит системный характер. Об этом свидетельствует анализ информации, размещенной на официальном сайте Картотеки арбитражных дел (<http://kad.arbitr.ru/>). Количество таких споров большое, подавляющее большинство инициировано субъектами предпринимательской деятельности, получающими денежные средства в неконвертируемой валюте и считающих действия налоговых органов в части применения ответственности и наложения максимальных сумм штрафов неправомерными. Как правило, ситуация осложняется тем, что штраф назначался не только за зачисление денежных средств на счет в неуполномоченном банке, но и за списание полученных на него денеж-

ных средств на оплату товаров, работ или услуг иностранных (по месту страны фактической работы российского резидента) поставщиков. Поскольку без приобретения таких экономических объектов невозможно осуществлять предпринимательскую деятельность, а переводить денежные средства в уполномоченные банки невозможно ввиду отсутствия у них корреспондентских счетов в иностранной неконвертируемой валюте. Тем самым происходит неоправданное увеличение штрафа за фактически одно и то же деяние (сумма денежных средств одна и та же). Учитывая, что минимальный размер штрафа по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ составляет 75% от полученной / израсходованной суммы, то получается допустимой ситуация конфискации денежных средств в полуторакратном размере от одной и той же оплаты по контракту с иностранным контрагентом.

Также следует учитывать, что из суммы, полученной в счет оплаты выполненных им работ (оказанных услуг) резидент должен упла-

тить соответствующие налоги. В результате применение штрафа по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ даже в низших границах (75 % от суммы, зачисленной на счет в иностранном банке) лишает резидента всей суммы, причитающейся ему за выполненную работу (оказанную услугу) от контрагента.

В спорах предпринимателей с налоговыми органами по вопросу репатриации валютной выручки суды в подавляющем большинстве встают на сторону фискального органа, необоснованно не принимая во внимание доводы об отсутствии в совершенном деянии общественного вреда или даже угрозы его причинения (материальных последствий).

Понятие административного правонарушения закреплено в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, согласно которой административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие), за которое установлена административная ответственность. Отдельного понятия валютного правонарушения в российском законодательстве нет, но признаки такого деяния зафиксированы нормативными актами. Валютное правонарушение существует как научная категория, имеющая важное значение для правоприменительной практики. По нашему мнению, валютное правонарушение – виновно совершенное противоправное (в нарушение актов валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования) деяние резидента или нерезидента, за которое административным законодательством установлена ответственность¹.

Наступление вредных последствий или угроза вреда не названы КоАП РФ в качестве обязательного признака наказуемого деяния.

Применяя названную норму в разрешении дел о привлечении к ответственности за валютные правонарушения, суды «домысливают» ее до выводов о том, что тяжесть деяния опреде-

ляется не причиненным вредом или угрозой его причинения, а величиной установленного за него законом штрафа, учитывая также установление уголовной ответственности за валютные нарушения. Суды занимают позицию, что деяния посягают на установленный и охраняемый государством порядок в сфере валютного регулирования и нарушают его устойчивость, а также что последствия деяния наступают не для каких-либо конкретных охраняемых законом благ (личности или имущества), а в целом для общественных отношений в сфере валютного регулирования, и направлены на их дезорганизацию.

Представляется, что подобная позиция судов не вытекает из целей административной ответственности.

В соответствии с положениями ст. 1.2 и 3.1 КоАП РФ к задачам административного наказания относится в том числе защита общественных благ, закрепленных в Конституции РФ, – жизни, здоровья, иных неотчуждаемых благ человека, защита окружающей среды, культурных ценностей, имущества, основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства. Названные конституционные ценности охраняются КоАП РФ путем применения административного наказания в соответствии с установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами².

Как вытекает из положений КоАП РФ, административная ответственность, в отличие от гражданско-правовой, может устанавливаться только за деяния, влекущие вред (ущерб), который значителен для общественных интересов, или угрозу наступления такого вреда, в целях предупреждения такого вреда. Установленный

1. Крохина Ю.А. Ответственность за нарушения валютного законодательства / Валютное право: учебник для магистров / под ред Ю.А. Крохиной. – 6-е изд., перераб и доп. – М., изд-во Юрайт, 2018. С. 383.

2. Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 118-133.

порядок совершения определенных действий или ведения определенной деятельности граждан и юридических лиц охраняется законом под угрозой административной ответственности в целях защиты общественных благ (ценностей), а не самого по себе этого порядка³. Обременительность мер ответственности также должна быть соразмерна, прежде всего, именно возникающим при нарушении рискам для общественных благ, а не только суммой проведенной валютной операции.

Конституционный Суд РФ неоднократно обосновывал правовые позиции о том, что при установлении административных наказаний, включая штрафы, законодатель обязан учитывать конституционные предписания, в силу которых каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34 Конституции РФ), а право частной собственности охраняется законом (часть 1 статьи 35), при этом права и свободы могут быть ограничены федеральным законом только в мере, необходимой в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55).

В Постановлении от 15.07.1999 № 11-П КС РФ отметил, что принцип соразмерности, выражающий требование справедливости, предполагает дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию взыскания.

В Постановлении от 25.02.2014 № 4-П КС

обосновал позицию, согласно которой меры ответственности должны соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей и гарантировать адекватность вреду, причиненному нарушением, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав нарушителя и общего интереса.

Сущность валютных ограничений, к числу которых относится и требование о зачислении валютной выручки на счета в уполномоченных банках, является продолжением целей валютного регулирования, установленных Федеральным законом от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Целью правового регулирования валютных отношений является обеспечение реализации единой государственной валютной политики, а также устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества (Преамбула ФЗ № 173-ФЗ).

Следует обратить внимание на искаженное понимание судебной практикой сущности валютных ограничений. В большинстве случаев при рассмотрении споров, вытекающих из применения ответственности на основании ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, суды аргументируют согласие с доводами налоговых органов тем, что соблюдение валютного законодательства позволяет достичь единства внешней и внутренней валютной политики государства, а также приоритета экономических мер в реализации государственной политики⁴. Очевидно, что правоприменители не разграничивают цели и принципы правового регулирования валютных отношений (ст. 3 ФЗ № 173-ФЗ). В

3. Глащенко В.Д. Проблема соотношения административного принуждения и административного наказания // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 63-68.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2020 № Ф05-14233/2020 по делу № А40-15832/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.07.2021 № Ф03-3032/2021 по делу № А59-5510/2020; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2019 № 07АП-11331/19 по делу № А27-14394/2019.

результате становится не ясным, ради каких конституционных ценностей, обозначенных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, произошло ограничение прав и свобод предпринимателей в сфере распоряжения заработанными денежными средствами.

Не способствует соблюдению принципа верховенства Конституции РФ и закрепленных ею прав и свобод выборочный подход судов к использованию норм-принципов валютного регулирования и контроля. Как правило, дополнением к цели валютного законодательства в виде обеспечения устойчивости рубля, служат такие принципы валютного регулирования, как приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования, а также единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации. При оставлении судами в силе решений налоговых органов о привлечении лиц к ответственности по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ остаются без анализа и применения в деле такие исходные начала валютного законодательства, как исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции, а также обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при совершении валютных операций.

Запрет на зачисление валютной выручки на счета в иностранных кредитных организациях не оказывает влияния на устойчивость рубля и внутреннего валютного рынка. В связи с этим размер штрафа, предусмотренный ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, носит конфискационный характер. Очевидно, что подобный правовой диссонанс образовался вследствие несогласованных действий законодателя по реформированию

валютных отношений с одновременным игнорированием установления административной ответственности за нерепатриацию валютной выручки либо установлением несущественных размеров штрафов.

Конфискационный характер штрафа, предусмотренного ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, можно считать правовым рудиментом, сохраняющим действовавшую еще с 1992 г. меру ответственности за нарушения валютного законодательства в части нарушения правил вывоза капитала за рубеж — взыскание в доход государства всего полученного по сделкам, недействительным в силу нарушения требований валютного законодательства, и всего необоснованно приобретенного не по сделке, а в результате незаконных действий⁵. В научной литературе обоснована позиция о том, что современная система административных наказаний в принципе не выполняет ту превентивную функцию, которую возлагает на нее КоАП РФ⁶.

Впоследствии такое жесткое ограничение на вывоз капитала, включая перечисление денежных средств резидентом со счета в российском банке на свой зарубежный счет, трансформировалось в требование о резервировании всей суммы операции или ее части на срок до 60 дней. Требования о резервировании сохранялись в валютном законодательстве до 1 января 2007 года⁷. С 1 января 2007 года резидентам дозволено перечислять на зарубежные счета средства с российских счетов без ограничений и без установления времени нахождения денежных средств на счете в уполномоченном банке⁸.

Ретроспективный анализ наличия административной ответственности и размеров штрафов также не позволяет провести корреляцию

5. Статья 14 ранее действовавшего Закона РФ от 09.10.1992 № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле».

6. Васильков К.А. Превенция в административно-деликтном праве: теоретическое и практическое содержание // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 76-78.

7. Часть 7 ст. 7, ч. 2, ч. 5 ст. 8, ч. 4 ст. 12, ч. 3 ст. 26 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее — «Закон о валютном регулировании») в редакции, действовавшей до 1 января 2007 года.

8. Часть 4 ст. 12 Закона о валютном регулировании в действующей редакции.

между санкциями и курсом рубля. Так, первая редакция ст. 15.25 КоАП устанавливала штраф за нерепатриацию валютной выручки в размере от 1/10 до всей суммы денежной операции.

Примечательно, что в период существования жестких ограничений на вывоз капитала, в период с 20.08.2004 по 12.11.2012, административная ответственность за зачисление средств на зарубежный счет не была установлена. Судебная практика в этот период не признавала правонарушением нарушение правил совершения валютных операций, прямо не запрещенных законом⁹.

В обозначенные периоды как наличие ответственности (но в более широком диапазоне для усмотрения правоприменителя), так и законодательное не установление и, соответственно, не реализация судами административной ответственности за зачисление средств на зарубежный счет, не приводили к неконтролируемым со стороны Банка России колебаниям курса рубля.

Приведенный анализ исторической ретроспективы четко показывает, что законодатель пришел к выводу, что зачисление средств на зарубежные счета не влияет на устойчивость рубля. Все вышеназванные изменения в валютное законодательство вносились после получения заключения Банка России.

С 1 января 2021 года вступили в силу изменения в Федеральный закон № 173-ФЗ, предусматривающие расширение перечня случаев, когда резиденты вправе не зачислять на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранную валюту или валюту Российской Федерации. В частности, часть 2 статьи 19 Федерального закона № 173-ФЗ была дополнена пунктом 13, согласно которому резиденты вправе не зачислять иностранную валюту или валюту Российской Федерации на свои банковские счета, открытые в уполномоченных банках при проведении зачета встречных тре-

бований по обязательствам, вытекающим из заключенных между резидентами и нерезидентами внешнеторговых договоров (контрактов), условиями которых предусмотрено оказание нерезидентам услуг, включенных в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.09.2020 № 1516 в указанный перечень включены услуги в сфере производства компьютерного оборудования, разработки программного обеспечения и высшего образования. Как видим, ослабление валютных режимов поэтапно осуществляется и не ставится в зависимость от курса рубля или в целом его устойчивости.

Важно обратить внимание, что во исполнение Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21 апреля 2021 г. законодатель с 1 июля 2021 года вовсе отменил для несырьевого экспорта запрет зачисления средств на зарубежные счета. Такая либерализация валютного законодательства направлена на снятие избыточных ограничений в сфере валютного контроля, но она была бы невозможна без признания законодателем факта, что операции по зачислению валютной выручки резидентом на свои счета в иностранном банке не влияют на платежный баланс Российской Федерации и не создают угрозу устойчивости рубля¹⁰.

Таким образом, наличие в действующей редакции КоАП РФ конфискационного штрафа за зачисление средств на зарубежный счет не может быть оправдано стабилизацией национальной валюты.

В Российской Федерации в качестве ключевых изменений валютного законодательства, принятых в 2020 году, следует отметить смягчение и дифференциацию ответственности за нарушение требований валютного законодательства. Детализацию составов административных правонарушений и послабление ответственности, как по видам, так и по сум-

9. Определение ВАС РФ от 24.12.2007 № 10840/07 по делу № А33-1127/2007; Определение ВАС РФ от 14.12.2007 № 16352/07 по делу № А51-3394/2007-37-84; Постановление ФАС Центрального округа от 07.04.2006 по делу № А64-6233/05-13.

10. Федеральный закон от 28.06.2021 № 223-ФЗ.

мам штрафов, законодатель осуществил применительно ко всем частям ст. 15.25 КоАП РФ, кроме части 1.

Кроме названных аргументов, наличие в КоАП РФ и применение на практике штрафа в огромных, фактически конфискационных, размерах, дестимулирует предпринимателей осуществлять экспортные операции и вести законную хозяйственную деятельность за пределами Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» правовое регулирование в названной сфере осуществляется «в целях обеспечения благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, а также защиты экономических и политических интересов Российской Федерации». ст. 2 названного Федерального закона разрешает коммерческое присутствие в виде любой допускаемой законодательством Российской Федерации или законодательством иностранного государства форме организации предпринимательской и иной экономической деятельности российского лица на территории иностранного государства в целях оказания услуг (работ), в том числе путем создания филиала юридического лица.

Осуществляя внешнеэкономическую деятельность, российский резидент обязан следовать законодательству страны-присутствия. Обычаи делового оборота ведения предпринимательской деятельности также не позволяют диктовать контрагенту свои условия. Не секрет, что уполномоченные банки Российской Федерации имеют корреспондентские счета далеко не во всех денежных единицах иностранных государств. В таких условиях, российские предприниматели не имеют возможности требовать от контрагентов осуществлять расчеты через счета в российских банках, равно как и нарушать законодательство страны-присутствия. Иное противоречило бы конституционным принципам свободы экономической деятельности.

Следует обратить внимание, что дозволение

законодателем внешнеэкономической деятельности влечет не только занятость предпринимателей как экономически активных субъектов, но и уплату налогов от этой деятельности в бюджетную систему Российской Федерации.

Установление и взимание административных штрафов в соответствии с ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ в действующих размерах, по сути, означает экспроприацию валютной выручки только в связи с тем, что она зачислена в соответствии с законодательством страны-присутствия на счет в зарубежном банке. При этом все требования налогового контроля за этой выручкой резидент выполняет в полном объеме и в установленный срок. Такой высокий размер штрафа, практически не снижаемый правоприменителями, может либо отталкивать российских резидентов от внешнеэкономической деятельности, либо заставлять их искать схемы обхода национального законодательства, либо вообще менять юрисдикцию страны-регистрации (Российской Федерации). Нет смысла доказывать, что все три варианта «приспособления» резидентов к ведению бизнеса в ситуации потенциальной угрозы лишения законно заработанных денежных средств, не способствуют формированию доходной части российских бюджетов и обеспечению экономической безопасности государства.

Тем самым, принимая во внимание, что Конституцией РФ гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, свобода экономической деятельности, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также признание и защита всех форм собственности (статьи 8, 34, 35), действия российских резидентов в юрисдикции иностранного государства, национальное законодательство которого резидент императивно обязан соблюдать, необходимо рассматривать как ситуацию, в которой резидент предпринимал все необходимые действия по недопущению совершения административного право-

нарушения. Следовательно, у резидента нет реальной возможности для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

Вместе с тем, такое утверждение предполагает, что требования налогового законодательства в части раскрытия информации об источниках получения валютной выручки и ее зачислении на счет иностранного банка, резидент выполняет. Обязанность резидента уведомлять налоговые органы по месту своего учета об открытии (закрытии) счетов, об изменении реквизитов счетов, а также представлять налоговым органам отчеты о движении денежных средств и иных финансовых активов по счетам в банках вне юрисдикции Российской Федерации (ч. 2, 7 ст. 12 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» № 173-ФЗ). Законом и нормативными актами ФНС установлены сроки и формы отчетов. Установление подобного императива направлено на предотвращение использования зарубежного счета и проходящих по нему денежных средств в противоправных целях, в частности уклонению от уплаты налогов.

Исполнение резидентом обязанности по информированию налоговых органов РФ о наличии и движении счета в зарубежном банке имеет «подстраховочный» механизм в российском законодательстве. В соответствии с Многосторонним соглашением компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29.10.2014, подписанным ФНС России 12.05.2016 г., налоговые органы могут получать информацию о зарубежных счетах налогоплательщиков от уполномоченных органов стран, которые осуществляют автоматический обмен финансовой информацией с Российской Федерацией. В состав такой информации входит номер счета и остаток средств на нем. В настоящее время автоматический обмен финансовой информацией про-

водится с 79 государствами и 12 территориями (согласно перечню, данному в приложении к приказу ФНС России от 03.11.2020 № ЕД-7-17/788@). Даже если резидент не уведомит российскую налоговую инспекцию, то на основании международных соглашений об обмене финансовозначимой информацией, иностранный банк (финансовая организация) самостоятельно сообщит в ФНС России об открытии (закрытии) счета российской организацией только на основании данных ее резидентства в договоре банковского счета. Тем самым, риск использования резидентом зарубежного счета для совершения противоправных деяний, в том числе неуплаты (неполной) уплаты налогов минимален. Все зачисляемые денежные средства подлежат отражению в бухгалтерском и налоговом учете резидента, анализ данных которых также позволяет налоговым органам проконтролировать правильность исполнения налоговой обязанности.

Следовательно, в условиях современной модели налогового администрирования, наличие зарубежного счета у резидента несет в себе мизерные риски сокрытия доходов от налогообложения. Данный факт также показывает необоснованность установления в КоАП РФ столь высокого штрафа за нерепатриацию валютной выручки, его несоответствие конституционным принципам соразмерности.

Конституционным Судом РФ сформулированы правовые позиции о необходимости учета причин и условий совершения административного правонарушения, личности виновного и степени вины¹¹.

Из положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 2), 45 (часть 2), 71 (пункты «а», «в»), 72 (пункты «б», «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) следует, что для защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и в иных конституционно одобряемых целях

11. Постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 4 февраля 2020 года № 7-П и др.

законодатель не только может, но и должен использовать все доступные ему — в рамках его дискреции — средства, включая установление административной ответственности, руководствуясь при этом общими принципами юридической ответственности, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка. Осуществляя правовое регулирование условий привлечения к административной ответственности, законодатель обязан исходить из того, что юридическая ответственность может наступать лишь за деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Закрепляя и изменяя составы административных правонарушений и наказания за их совершение, законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями допустимости ограничений прав и свобод, их соразмерности конституционно одобряемым целям. Помимо того, меры административной ответственности и правила

их применения должны не только отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, личности виновного и степени вины, гарантируя адекватность порождаемых последствий для правонарушителя тому вреду, который им причинен, не допуская избыточного государственного принуждения и сохраняя баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Таким образом, анализ административно-деликтного законодательства в части его применения за нарушения правил репатриации валютной выручки с точки зрения его соответствия принципам публично-правовой ответственности выявляет ряд системных недостатков и проблем на предмет соответствия Конституции РФ. Представляется целесообразным привести в соответствие с Конституцией РФ как основания для привлечения к ответственности за невозврат валютной выручки, так и размеры штрафных санкций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильков К.А. Превенция в административно-деликтном праве: теоретическое и практическое содержание // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 76-78.
2. Глащенко В.Д. Проблема соотношения административного принуждения и административного наказания // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 63-68.
3. Крохина Ю.А. Ответственность за нарушения валютного законодательства / Валютное право: учебник для магистров / под ред Ю.А. Крохиной. 6-е изд., перераб и доп. М., издательство Юрайт, 2018. С. 383.
4. Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 118-133.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vasil'kov K.A. Prevencija v administrativno-deliktnom prave: teoreticheskoe i prakticheskoe sodержanie // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 10. S. 76-78.
2. Glashhenko V.D. Problema sootnoshenija administrativnogo prinuzhdenija i administrativnogo nakazanija // Administrativnoe pravo i process. 2019. № 12. S.63-68.
3. Krohina Ju.A. Otvetstvennost' za narushenija valjutnogo zakonodatel'stva // Valjutnoe pravo: uchebnik dlja magistr'ov / pod red Ju.A. Krohinoj. 6-e izd., pererab i dop. M., izdatel'stvo Jurajt, 2018. S. 383.
4. Samsonov N.V. Tipologija administrativnogo sudoproizvodstva i puti unifikacii civilisticheskogo processa // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. № 5. S. 118-133.

Л.П. КОУЛИБАЛИ

Теоретико-правовые проблемы юрисдикции по электронным спорам

АННОТАЦИЯ. Развитие технологий, быстрое широкомаштабное внедрение сети Интернет в сферу осуществления предпринимательской деятельности безусловно приводит к возникновению и росту электронных споров. С учетом того, что сделки, совершаемые в сети Интернет, в основном имеют экстерриториальный характер, а сама сеть Интернет не ограничивается традиционными физическими границами государства, одной из проблем в электронной торговле является конфликт юрисдикций разных государства относительно разрешения электронного спора. В данной статье рассматриваются вопросы определения юрисдикции, компетентного суда по рассмотрению электронных споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юрисдикция, компетенция, подсудность, подведомственность, персональная юрисдикция, электронный спор, доктрина *forum non conveniens*.

КОУЛИБАЛИ ЛАСИНА ПЕХОН – аспирант 3-го курса очной формы обучения Академии труда и социальных отношений (e-mail: coulivalyacinapexon@gmail.com).

В российской юридической науке и законодательстве используются близкие по смыслу понятия, связанных с полномочиями органов по рассмотрению споров: компетенция, юрисдикция, подсудность, подведомственность. Ю.А. Тихомиров отмечает, что данные понятия являются конкурирующими и сложно провести соотношение между ними¹.

По мнению Ю.К. Осипова, под подведомственностью понимается юрисдикция как круг вопросов, по которому органы осуществляют свои полномочия².

Следует отметить, что понятия подведомственности и подсудности гражданских дел были заменены понятием «компетенция судов»³ в соответствии с проводимой реформой гражданского процессуального кодекса и арбитражного процессуально-

го кодекса, в результате которой были приняты поправки к указанным кодексам и вступили в силу 01 октября 2019 г. и были созданы новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции⁴. Это означает, что категория подведомственность была убрана из положений гражданского и процессуального арбитражного кодексов⁵.

Несмотря на указанные изменения в законодательстве России, отметим, что под подведомственностью понимают «совокупность юридических норм, установленных в законах и определяющих возможность конкретного органа разрешать тот или иной спор (правовой вопрос) в зависимости от субъекта, предмета и характера спора»⁶. Подведомственность в широком смысле включает в себя любые органы, уполномоченные рас-

1. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права, 2000. № 10. С. 22; Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 35.
2. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 18; Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 35.
3. Козлова В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. №. 7. С. 89.
4. Варакин М. Новые реалии: судебная реформа в России // URL: https://pravo.ru/story/217169/?desc_search= (дата обращения: 13.09.2021).
5. Верховный суд убирает «подведомственность» из Гражданского кодекса // URL: <https://pravo.ru/news/207712/> (дата обращения: 13.09.2021).
6. Козлова В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. №. 7. С. 89.

смотреть возникший спор, а в узком смысле она позволяет определить судебный орган, компетентный рассмотреть такой спор⁷, т.е. она позволяет разграничить полномочия между конституционными судами, судами общей юрисдикции, арбитражными судами.

Подсудность означает «распределение между судами дел, подлежащих рассмотрению по первой инстанции, т.е. установление конкретного суда, который должен разрешить данное дело»⁸. Компетенцию в свою очередь понимают как «совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа (органа местного самоуправления) или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления), а компетенцию как компетенции суда как «установленный нормативно-правовыми актами объем полномочий суда в целях защиты конституционных прав и свобод граждан, а также непосредственная реализация конституционного предназначения суда, отправления им правосудия»⁹. В настоящей работе применяется также термин «юрисдикция», охватывающий все три указанные категории.

В связи с проблемами юрисдикции и подсудности споров, возникающих из электронных сделок, важно решить вопрос о месте заключения и исполнения электронного договора. Поскольку электронная торговля носит транснациональный характер, вопросы применимого права к электронным спорам решаются с помощью норм международного частного права,

которые отражены в положениях национального законодательства разных государств, что усложняет проблему, а также в международных документах. Следует подчеркнуть, что международное частное право играет важное значение для электронных сделок, совершаемых в сети Интернет исходя из сложностей отношений в виртуальной среде, где не применяются традиционные критерии определения государственных границ, в рамках которых осуществляется юрисдикция конкретного государства.

В связи с тем, что нормы национального права разных государств могут устанавливать национальную юрисдикцию в отношении одного и того же спора, разновидность и противоречивость данных положений разных государств относительно международного частного права может привести к правовой неопределенности и фрагментации в отношении электронных споров. В данном случае важно применять положения международных договоров, в частности конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 года¹⁰.

В литературе отмечается, что так как электронный договор заключается между конкретными физическими или юридическими лицами, имеющими место жительства или юридический адрес, а также что он (электронный договор) может быть исполнен реальными (физическими) действиями, например, доставка товаров, можно определить место нахождения сторон¹¹.

В этой связи некоторые авторы подчеркивают, что Интернет не меняет коренным образом сущность сделки¹², поскольку международные

7. Козлова В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. № 7. С. 89.

8. Козлова В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. № 7. С. 90.

9. Угренинова А.М. Значение компетенции суда при определении его подсудности // Российский судья. 2017. № 4. С. 38.; Козлова В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. № 7. С. 89.

10. Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 года // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901760972>.

11. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433.

12. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433; Fortas A.C. Vers une autonomie du regime juridique du contrat du commerce électronique ? «, in « Internet et le droit international », Colloque de Rouen de la SFDI, Ed. A. Pedone 2014, p. 433; K. Bannelier-Christakis, « Enjeux de la cyberguerre pour la protection des ►

инструменты договорного права применяются вне зависимости от способа заключения и исполнения договоров, что позволяет применять ряд общих норм к электронным договорам¹³.

Однако М. Эддеруасси отмечает, что особенности сети Интернет, в частности его дематериализованный характер, а также его свободное и неограниченное распространение за пределами обычных границ, усложняют применение норм международного частного права при определении места осуществления сделки, а также при решении вопроса определения применимого права или компетентной юрисдикции¹⁴. Кроме того, он подчеркивает, что некоторые споры, возникающие из договорных отношений в киберпространстве, в основном сталкиваются с медленным судебным разбирательством и дорогой стоимостью судебных разбирательств, которые часто выше, чем стоимости самого спора¹⁵. В этой связи он отмечает необходимость разработки специальных механизмов разрешения электронных споров, например, альтернативные механизмы и онлайн-разрешение споров, о которых уже говорилось выше и которые уже применяются на практике на сегодняшний день. Отмечается, что основная проблема заключается в определении применимого права и компетентной юрисдикции¹⁶.

Следует отметить, что, как правило, стороны указывают в электронном договоре применимое право к отношениям по договору и суд, который может рассматривать споры по данному договору (принцип автономии сторон)¹⁷. Следовательно,

стороны имеют право выбора применимого права и компетентной юрисдикции.

При отсутствии выбора сторонами договора применимого права и компетентного суда, как правило, государства исходят из того, что основным критерием решения такого вопроса является национальность или место нахождения ответчика. В этом отношении Е.Б. Леонович указывает, что «необходимо, чтобы закон ответчика тем или иным образом совпадал с законом государства суда. Так, суды будут рассматривать иски к гражданам своих государств и лицам, постоянно проживающим или постоянно находящимся на территории государства суда»¹⁸.

Некоторые страны, например США, имеют большой опыт по разрешению электронных споров и их юрисдикционные принципы по таким делам оказывают большое влияние на развитие правового регулирования электронной торговли и связанных с ней явлений, в частности вопросов подсудности электронных споров. Следовательно, рассмотрение некоторых подходов и механизмов, применяемых в этих странах, является целесообразным.

Отметим, что, например, в США (оттуда начало развиваться коммерческое использование сети Интернет), исторически сложилось, что для установления судом персональной юрисдикции требовалось физическое присутствие ответчика по иску на территории государства суда¹⁹.

Аболонин Г.О. определяет персональную юрисдикцию как «правомочие суда по осуществлению юрисдикции в отношении опре-

◀ personnes et des biens civils: du principe de distinction au Manuel de Tallinn », in « Internet et le droit international », Colloque de Rouen de la SFDI, Ed. A. Pedone 2014, p. 277.

13. Passa J. Le contrat électronique international: conflits de lois et de juridictions, *Comm. Com. Elec.* № 5, Mai 2005, étude 17.

14. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433.

15. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433.

16. Там же.

17. Аксенов А.Г. Применение принципа автономии воли сторон (lex voluntatis) к договору международной купли-продажи товаров. *Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2018, № 1.

18. Леонович Е.Б. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, 2000. С. 41 / URL: https://elib.bsu.by/bitstream/am/123456789/30059/1/2000_4_JLIR_leanovich_r.pdf.

19. Anne McCafferty *Internet Contracting and E-Commerce Disputes: International and U. S. Personal Jurisdiction*, 2 *Global Bus. L. Rev.* 95 (2011).

деленного лица вне зависимости от его местонахождения»²⁰. Автор отличает персональную юрисдикцию от юрисдикции в отношении имущества («in rem jurisdiction»), которая, по его мнению, представляет собой «полномочие суда по рассмотрению иска, предъявленного в отношении определенного имущества или лица, в отношении которого суд не располагает полномочием персональной юрисдикции, но которое является владельцем оспариваемого имущества»²¹.

Е.Б. Леонович справедливо отмечает, что «основным принципом решения юрисдикционных проблем в США является «персональная юрисдикция» (personal jurisdiction)» и что «американский суд будет обладать компетенцией по рассмотрению спора в отношении того или иного лица, если оно физически присутствует на его территории»²².

Л.В. Горшкова в свою очередь отмечает, что персональной юрисдикцией является «географическое ограничение, налагаемое на право суда вызывать ответчиков в суд для защиты своих прав, и для этого судам необходимо правило «длинной руки»²³, которое означает, что суды могут рассматривать спор с участием граждан вне пределов государства на основе экстерриториальных законов²⁴, что является важным для решения электронных споров.

При этом данное правило определения персональной юрисдикции в США претерпело кардинальные изменения в связи с развитием трансграничных коммерческих отношений. Р. Майкл выделяет два основных нововведения относительно определения юрисдикции: «тест «минимальных контактов», разработанный и широко применявшийся в США, и доктрина *forum non conveniens*, сейчас широко распространенная в США, и имеющая применение также в праве других стран»²⁵, согласно которой суд, который компетентен рассматривать конкретный спор, может отказаться от его рассмотрения по требованию ответчика, в том случае если имеется более подходящий и удобный иностранный суд для рассмотрения такого спора. Следует отметить, что в США, как правильно отмечает Поторочина Н.Л., «американский суд может применить доктрину *forum non conveniens* под условием, что ответчик откажется от возражений против юрисдикции иностранного суда или заранее в письменной форме с ней согласится»²⁶.

В рамках Европейского союза вопрос определения юрисдикции по отношениям, возникающим в электронной среде между покупателями и продавцами, являющимися гражданами государств — членов ЕС (если это физические лица) или компаниями, зарегистрированными на территории государства ЕС решается на основе Брюссельской

20. Аболонин Г. О. Теоретическое понимание гражданского процесса, его участников и судебной юрисдикции в США и в России // Вестник гражданского процесса, 2014. № 2. С. 238.

21. Аболонин Г. О. Теоретическое понимание гражданского процесса, его участников и судебной юрисдикции в США и в России // Вестник гражданского процесса, 2014. № 2. С. 238.

22. Леонович Е.Б. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 2000. С. 41 / URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30059/1/2000_4_JILIR_leanovich_r.pdf.

23. Горшкова Л.В. Особенности правового регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет. М., 2005. С. 106-107; Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 50.

24. Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 51.

25. Ralf Michaels. Territorial Jurisdiction after Territoriality, in: Slot, Jan Pieter/Bulterman, Miellé (Hrsg.), Globalisation and Jurisdiction, Kluwer Law International: The Hague 2004 – P. 111-112; Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 50.

26. Поторочина Н.Л. Доктрина *forum non conveniens*: основные характеристики и правоприменительные проблемы // Молодой ученый, 2015. № 14 (94). С. 372-375 / URL: <https://moluch.ru/archive/94/21020/> (дата обращения: 22.10.2021).

конвенции от 27 сентября 1968 года²⁷ и Регламента ЕС от 22 декабря 2000 г.²⁸

Статья 16 Регламента ЕС от 22 декабря 2000 г. дает потребителям возможность подать иск против профессионального предпринимателя либо в суды своего государства – члена ЕС, либо в суды

государства, в котором находится ответчик (на территории ЕС). С другой стороны, предприниматель, желающий подавать иск против потребителя, может сделать это только в суде по месту жительства этого потребителя. Данные положения дают большую защиту потребителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права, 2000. № 10. С. 22; Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.

2. Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

3. Козлова В.Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. № 7.

4. Вараксин М. Новые реалии: судебная реформа в России // URL: https://pravo.ru/story/217169/?desc_search= (дата обращения: 13.09.2021).

5. Угреннинова А.М. Значение компетенции суда при определении его подсудности // Российский судья, 2017. № 4.

6. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433.

7. Passa J. Le contrat électronique international: conflits de lois et de juridictions, Comm. Com. Elec. № 5, Mai 2005, étude 17.

8. Аксенов А.Г. Применение принципа автономии воли сторон (lex voluntatis) к договору международной купли-продажи товаров // Вестник нижегородского университета им. НИ Лобачевского, 2018. № 1.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Tihomirov YU.A. Teoriya kompetencii // Zhurnal Rossijskogo prava, 2000. № 10. S. 22; Neznamov A. V. Osobennosti kompetencii po rassmotreniyu internet-sporov: nacional'nyj i mezhdunarodnyj aspekty: diss. ...kand. jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2010.

2. Neznamov A. V. Osobennosti kompetencii po rassmotreniyu internet-sporov: nacional'nyj i mezhdunarodnyj aspekty: diss. ...kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010.

3. Kozlova V.N. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «kompetenciya sudov», «podvedomstvennost'» i «podsudnost' grazhdanskih del» // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2019. № 7.

4. Varaksin M. Novye realii: sudebnaya reforma v Rossii // URL: https://pravo.ru/story/217169/?desc_search= (data obrashcheniya: 13.09.2021).

5. Ugreninova A.M. Znachenie kompetencii suda pri opredelenii ego podsudnosti // Rossijskij sud'ya, 2017. № 4.

6. Edderouassi M. Le contrat électronique International: these de doctorat. – Université Grenoble Alpes, 2017. P. 433.

7. Passa J. Le contrat électronique international: conflits de lois et de juridictions, Comm. Com. Elec. № 5, Mai 2005, étude 17.

8. Akse nov A.G. Primenenie principa avtonomii voli storon (lex voluntatis) k dogovoru mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov // Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo, 2018. № 1.

27. Convention de Bruxelles de 1968 concernant la compétence judiciaire et l'exécution des décisions en matière civile et commerciale. OJ L 299, 31.12.1972, p. 32-42 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/ALL/?uri=CELEX%3A41968A0927%2801%29>.

28. RÈGLEMENT (CE) No 44/2001 DU CONSEIL du 22 décembre 2000 concernant la compétence judiciaire, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière civile et commerciale (JO L 12 du 16.1.2001, p. 1) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CONSLEG:2001R0044:20070101:FR:PDF>.

Е.Н. СЕНИНА

Правовая природа медиативно-восстановительного подхода в разрешении уголовно-правовых конфликтов

АННОТАЦИЯ. Надлежащая оценка современной уголовно-правовой политики России с точки зрения воплощения в ней технологий «карательного» и «восстановительного правосудия» и обоснования целесообразности ее изменения предполагает рассмотрение вопросов правовой природы медиации и в целом восстановительного правосудия.

Настоящая публикация посвящена анализу понятия и признаков, целей и задач восстановительного правосудия и медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовная политика; карательное правосудие; восстановительное правосудие; альтернативы уголовного преследования; медиация.

СЕНИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – соискатель кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин, директор Института медиации Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: info.e.senina@gmail.com).

Понятие восстановительное правосудие является родовым относительно категории медиация, поэтому логично начать с этого более общего института.

В зарубежной и российской литературе представлено множество дефиниций понятия «восстановительное правосудие». Все они, так или иначе, отражают его сущностные (концептуальные) признаки, поэтому нет смысла в подробном их цитировании. Приведем лишь одно наиболее точное, на наш взгляд, определение, принадлежащее авторству Ховарда Зера. По мнению автора, это «процесс, в котором участвуют лица, вовлеченные в уголовно-правовой конфликт, в той степени, в которой это необходимо с целью установления характера причиненного вреда, потребностей сторон, а также выполнения обязанностей восстановления нормального порядка взаимоотношений».¹

Кратко остановимся на целях восстановительного правосудия. По мнению Тони Ф. Маршалла, основными целями восстановительного правосудия являются: 1) наиболее

полное удовлетворение различных потребностей жертв преступлений (включая лиц, интересы которых затронуты аналогичным образом); 2) частная превенция путем реинтеграции преступника в общество; 3) предоставление преступнику возможности взять на себя активную ответственность за свои деяния; 4) активизация местного сообщества, которые должны содействовать социализации лица, совершившего преступление, реабилитации потерпевших, а также предупреждению преступности; 5) избежание и минимизация случаев официального уголовного судопроизводства, а также связанных с ним расходов и волокиты.²

Обобщая представленные в науке позиции, прежде всего, зарубежных ученых как новаторов-идеологов концепции восстановительного правосудия, можно выделить следующие ее принципиальные отличия от традиционного карательного подхода с точки зрения материального уголовного права:

– расценивает преступление, прежде всего, как причинение вреда конкретному индиви-

1. См.: Justice in the Twenty First Century: A Social Movement Full of Opportunities and Pitfalls, by Mark Umbreit, Betty Vos, Bob Coates, and Liz Lightfoot. Marquette University Law Review, 2005. P. 256. // <http://goo.gl/Ynigk>. (Перевод автора).

2. См.: Marshall T. Restorative Justice. An Overview, London, Home Office Research Development and Statistics Directorate, 1999. P.6. (Перевод автора).

ду, которое порождает обязательство виновного загладить всевозможный вред, нанесенный потерпевшему, т.е. смещает акцент с интересов государства на интересы личности, а также общественные интересы. Показательными здесь являются слова Д. Ван Несса: «Преступление — это в первую очередь конфликт между индивидами, в результате которого вред причиняется жертвам, сообществам и самим правонарушителям. Только, во-вторых, это — нарушение закона».³

— отходит от традиционного понимания уголовно-правовых отношений как отношений «власти-подчинения» между государством и преступником, в которых последний обязан претерпеть наказание; включая в них в качестве активного участника — потерпевшего с принадлежащим ему правом на возмещение причиненного ему вреда.

— в отличие от карательного подхода, направленного на возмездие и устрашение преступника, реституционное правосудие нацелено на восстановление нарушенных преступлением прав (благ) потерпевшего и социальных отношений преступника.

Э. Эшворт противопоставляет «парадигму наказания» (punishment paradigm) и «парадигму восстановления» (restorative paradigm), пишет, что суть первой модели заключается в том, что целью уголовного судопроизводства является применение репрессии, т.е. наказание виновного лица. Поскольку наказание является прерогативой государства, то, соответственно, при такой расстановке приоритетов потерпевший и его интересы, очевидно, оттесняются на второй план. Парадигма же восстановления рассматривает уголовный процесс в контексте восстановления прав лица, которому деянием причинен вред, что, в свою очередь, выдвигает фигуру потерпевшего на первый план.⁴

Исторически первой программой восстановительного правосудия является медиация. В настоящее время медиация потерпевшего и преступника является наиболее распространенной частью большой концепции, называемой «восстановительным правосудием».

Представленные в российской юридической литературе определения медиации можно условно разделить и систематизировать в зависимости от элемента примирения, на котором тот или иной автор делает акцент.

Во-первых, одна группа авторов ставит на первое место фигуру медиатора (посредника).

Так, Р.Р. Максудов определяет восстановительную медиацию как процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости — о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций.⁵

Другие авторы подчеркивают в медиации то главное, что она является диалогом, согласованием позиций потерпевшего и преступника, позволяющим выработать взаимоприемлемое решение их криминального конфликта; тем самым подчеркивается, что главной движущей силой этого процесса выступает все-таки деятельность сторон.

В этой связи А.В. Смирнов пишет, что медиация — это переговорный процесс, имеющий целью восстановление отношений между людьми, а не их разрушение, поэтому ее предметом является не формальное признание обвиняемым своей виновности, а примирение, или мировое соглашение сторон. Процесс медиации отличается от судебного состязания, впрочем, как и от состязания, спора вообще. Медиация — не спор, а дискурс. Хотя он дви-

3. См.: Ван Несс Д.У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 41.

4. См.: Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994. P. 34-35 (перевод автора).

5. См.: Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методич. рекомендации. Серия «Методы работы с несовершеннолетними правонарушителями». М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 17.

жется вперед, так же как и состязание, усилиями сторон, но направляются эти усилия не против друг друга, а к достижению взаимного согласия путем своеобразного взаимного «сканирования» и согласования мнений.⁶

Во-вторых, одни авторы определяют медиацию как процесс, считая его наиболее важным признаком медиации, а результат вторичен и произведен, поскольку «ключ к успеху» проведения медиации кроется именно в правильной организации процедуры.

Полагая, что в медиации главное место занимает процесс, В.Н. Махов и А.С. Василенко отмечают, что медиация — это процесс. Она скорее динамичная, чем статичная по характеру. Именно динамичность процедуры составляет истинную ценность. Процесс придает медиации особенную важность, он устроен таким образом, что стороны, участвующие в медиации, своими действиями достигают примирения. И именно в процессе примирения стороны делают для себя важные выводы.⁷

Другие авторы акцентируют внимание на результате медиации, т.е. не на самой процедуре примирения, а на завершающем ее итоговом решении, которым предпочтительно должно выступать медиативное соглашение.

Так, Е.В. Попаденко определяет медиацию как «добровольное достижение соглашения о разрешении уголовно-правового конфликта между потерпевшим и правонарушителем в ходе процедуры примирения, проводимой медиатором».⁸

На наш взгляд, каждое из приведенных определений является, безусловно, важным, так как высвечивает те или иные существенные признаки и аспекты такого явления, как медиация, но, вместе с тем, в определенной мере

односторонним. Поскольку медиация — это определенная последовательность действий, т.е. процесс с активным участием сторон и помощью посредника (медиатора), нацеленный на примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим на взаимовыгодных или взаимоприемлемых условиях, оформленного медиативным (мировым) соглашением.

Анализ предложенных в науке определений позволяет выделить следующие основные признаки современной медиации в разрешении криминальных конфликтов:

— это процесс, т.е. совокупность последовательных действий участников для достижения результата;

— его участниками выступают потерпевший и преступник, которые стремятся примириться на обоюдных условиях, удовлетворяющих их интересы и потребности (первый получить возмещение материального ущерба, физического и морального вреда, второй минимизировать уголовно-правовые последствия содеянного), а посредник-медиатор призван содействовать налаживанию диалога между сторонами конфликта, выявлению их взаимных интересов и выработке ими решения конфликта;

— формой этого процесс являются переговоры лица, совершившего преступления, с потерпевшим (непосредственно «лицом к лицу» или опосредованно, через медиатора). Как отмечают специалисты, основой восстановительной медиации является организация диалога между сторонами, который дает им возможность лучше узнать и понять друг друга. Диалог способствует изменению отношений — переходу от конфронтации, предубеждения, подозрительности, агрессивности к позитивным взаимоотношениям.⁹

6. См.: Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. // URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smir/smir_6_5.htm.

7. См.: Махов В.Н., Василенко А.С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 11-12.

8. См.: Попаденко Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 86.

9. См.: Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методич. рекомендации. Серия «Методы работы с несовершеннолетними правонарушителями». М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 19.

– желательным итоговым решением является медиативное (мировое) соглашение, которое принимается сторонами; в случае недостижения примирения сторон, дело продолжается в рамках традиционного уголовного правосудия.

Представленные в научной литературе мнения по поводу целей медиации в уголовных делах, несмотря на различную форму словесного выражения, в сущности, сходятся в том, что цель заключается в достижении сторонами криминального конфликта примирительного соглашения, удовлетворяющего в полной мере интересы потерпевшего и преступника или, по крайней мере, приемлемого для каждого из участников.

Обобщение официальных и доктринальных источников, посвященных медиации по уголовным делам, позволяет определить следующие ее цели: восстановительную (состоит в возмещении материального ущерба, физического и морального вреда потерпевшему и восстановлении нарушенного общественного отношения-блага), исправительную (позволяет преступнику осознать свою вину и совершить определенные действия по заглаживанию причиненного преступлением вреда, доказав тем самым свою способность к социализации) и примирительную (предполагает возможность сторон прийти к заключению медиативного соглашения).

Достижение указанных целей предполагает решение следующих основных задач медиации в уголовном процессе:

- 1) подготовительной (заключается в установлении контакта и общения посредника и сторон конфликта, а также, по возможности, потерпевшего и преступника путем снятия психологического барьера; выяснении фактических обстоятельств дела и позиций сторон по поводу условий достижения примирения);
- 2) коммуникативной (состоит в проведении переговоров потерпевшего и преступника при помощи посредника, который содействует переговорному процессу, нацеленному на примирение сторон);
- 3) конфликтообразующей (состоит в опре-

делении условий примирения, выработки взаимоприемлемого решения по урегулированию уголовно-правового конфликта, заключении медиативного соглашения и его исполнению).

Далее, поскольку медиация и другие программы восстановительного правосудия признаются альтернативными наказанию средствами разрешения уголовно-правового конфликта. Постольку для обоснования целесообразности замещения традиционного карательного подхода восстановительным правосудием необходимо доказать принципиальную возможность альтернативного достижения целей наказания с помощью программ медиации более результативно и с экономией средств уголовной репрессии.

На наш взгляд, применительно к медиации и другим программам восстановительного правосудия можно говорить об альтернативном достижении целей наказания, по крайней мере, в меньшей степени, если речь идет о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Цель восстановления социальной справедливости достигается выполнением лицом, совершившим преступление, определенных позитивных посткриминальных действий (восстановление нарушенного общественного отношения, возмещение материального ущерба, физического и морального, примирение с потерпевшим) в рамках реализации программы медиации. Аналогичные обстоятельства, а также предоставляемая программой медиации возможность преступнику осознать свою вину и принять на себя ответственность за содеянное свидетельствуют о достижении цели исправления лица и цели частного предупреждения преступлений. Поскольку есть вероятность, что такое лицо встало на путь исправления и не совершит новых преступлений. По крайней мере, такая вероятность не меньше, чем в случае лишения лица, совершившего преступление, свободы. Не исключено, а вполне вероятно, достижение с помощью медиации и других программ восстановительного правосудия и цели обще-

го предупреждения, поскольку, во-первых, ст.76 УК оставляет решение об освобождении от уголовной ответственности на усмотрение правоприменителя, а во-вторых, соответствующие программы допускают участие общественности и тем самым способствуют лучшему пониманию социальных причин преступности и более эффективной ресоциализации виновных.

Таким образом, проведенный анализ убеждает в возможности достижения целей наказания

(ст.43 УК РФ) без его применения с помощью медиации как программы восстановительного правосудия. В целом это позволяет прийти к выводу о том, что цели и задачи медиации вполне адекватны целям и задачам уголовного права и урегулирования охранительного уголовно-правового отношения, доказывая их существенную совместимость и применимость соответствующих программ для более эффективного разрешения конфликта, порожденного преступлением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ван Несс Д.У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.
2. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методич. рекомендации. Серия «Методы работы с несовершеннолетними правонарушителями». М.: Ин-т права и публичной политики, 2009.
3. Махов В.Н., Василенко А.С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Попаденко Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001.
6. Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994.
7. Justice in the Twenty First Century: A Social Movement Full of Opportunities and Pitfalls, by Mark Umbreit, Betty Vos, Bob Coates, and Liz Lightfoot. Marquette University Law Review, 2005.
8. Marshall T. Restorative Justice. An Overview, London, Home Office Research Development and Statistics Directorate, 1999.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Van Ness D.U. Vosstanovitel'noe pravosudie i mezhdunarodnye prava cheloveka // Vosstanovitel'noe pravosudie / pod obshh. red. I.L. Petruhina. M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaja reforma», 2003.
2. Maksudov R.R. Vosstanovitel'naja mediacija: ideja i tehnologija: metodich. rekomendacii. Serija «Metody raboty s nesovershennoletnimi pravonarushiteljami». M.: In-t prava i publichnoj politiki, 2009.
3. Mahov V.N., Vasilenko A.S. Mediacija i drugie programmy vosstanovitel'nogo pravosudija v ugovolnom processe stran anglosaksonskogo prava: monografija. M.: Jurlitinform, 2015.
4. Popadenko E.V. Primenenie primiritel'nyh procedur (mediacij) v ugovolnom sudoproizvodstve. M.: Jurlitinform, 2010.
5. Smirnov A.V. Tipologija ugovolnogo sudoproizvodstva: diss. ... dokt. jurid. nauk. M., 2001.

Т.И. ЮСИФОВ

Влияние экстраординарных факторов на условия признания сделки недействительной

АННОТАЦИЯ. Автором рассматриваются современные проблемы признания сделок недействительными. В настоящее время появилось достаточно много оснований для признания сделок оспоримыми и ничтожными. Нормы ГК РФ не вполне четко дают характеристику оспоримой и ничтожной сделки и этим вполне успешно пользуются недобросовестные контрагенты сделки. Судебные органы создали значительную по количеству судебную практику по этому вопросу, которую нельзя ни систематизировать, ни использовать для совершенствования законодательства. Предлагается оптимизировать законодательство по регулированию сделок в периоды экстраординарных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстраординарная ситуация, сделка, мнимая и притворная сделка, недействительность сделок, режимы РСЧС, реституция.

ЮСИФОВ ТЕЙМУР ИЛЬГАРОВИЧ – магистрант 2-го курса очно-заочной формы обучения кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: utima1818@yandex.ru).

На рубеже развития мировой цивилизации в начале XXI века в Российской Федерации уже обыденными стали выражения «глобальное потепление», «эпидемия», «политическое лидерство», «экономический кризис» и подобные другие, выражающие экстраординарный характер. В последние годы эти выражения употребляют не по отдельности, а сразу в комплексе, и это дает основания полагать, что и правовое поле должно более гибко реагировать на комплекс негативных воздействий окружающей среды и других чрезвычайных ситуаций.

В гражданском праве есть некоторые твердые формулировки и упоминания о таких ситуациях, а также порядок их преодоления, например, «обстоятельства непреодолимой силы», «разумный срок», «безнадежная задолженность» и другие. Но прогресс стремительно скачет вперед, и количество техногенных, природных, социальных чрезвычайных ситуаций постоянно растет, и они периодически накладываются друг на друга, что существенно мешает нормальному развитию человека и его жизнедеятельности.

Центральное место в системе гражданского права отводится таким разделам, как сделки, обязательства, договоры и соответственно условиям их

заключения, изменения и расторжения. Сделка является основной, наиболее важной формой правового регулирования экономики. Как показывает историческое развитие мирового сообщества, сделка является одним из основных способов регулирования любого вида экономики, будь то экономика рыночного, планового или комбинированного типа. Нормативные и фактические преимущества сделки заключаются в достаточной гибкости и простоте, она может совершаться в любой форме. Первоначальные условия сделки могут быть в дальнейшем изменены и дополнены сторонами. Все это делает сделки основным инструментом различных отраслей права. Участники сделки, будучи собственниками или обладающие определенными навыками, по своему усмотрению, могут решать вопрос о направлении и использовании их имущества, выполнения работы или оказания услуги. Это основной диспозитивный принцип гражданско-правовых отношений, который и позволяет достаточно просто и быстро использовать этот инструмент регулирования экономических отношений. Но это достоинство является одновременно и недостатком, так как недобросовестные субъекты гражданского права используют это для совершения мошеннических действий или для

злоупотребления правом. Поэтому существует довольно емкая классификация недействительных сделок и оснований для признания их недействительными по решению суда.

В ГК РФ постоянно вносятся изменения и дополнения, которые усложняют порядок и основания признания сделок недействительными. «...Сегодня недействительность не связывается исключительно с дефектом в структуре сделки: легальное указание на необходимость нарушения чьих-либо прав и охраняемых законом интересов фактом совершения и (или) исполнения ничтожной или оспоримой сделки свидетельствует о новом подходе к недействительности сделок как к вредоносной правовой ситуации ...»¹. Поэтому многочисленные звенья судебной системы создают еще более многочисленную судебную практику признания сделок недействительными, что порой трудно разобраться, что это действительная сделка или просто деяние, не влекущее юридических последствий, или недействительная сделка.

По данному поводу предусмотрительно высказывались еще советские правоведы, такие как М.М. Агарков, И.Б. Новицкий и другие. Одни считали, что понятие сделки вообще не применимо к действиям, которые не порождают юридических последствий, т.е. гражданские права и обязанности у субъектов не возникают, изменяются или прекращаются, а на лицо, лишь ярко выраженная недействительная воля одной стороны. Другие все равно признавали эти действия без юридических последствий сделкой, так как при этом имел место юридический факт². Здесь речь идет, конечно же, о мнимых и притворных сделках.

При Советском Союзе не было подразделения сделок на ничтожные и оспоримые, но проблема недействительности сделок или действий была уже тогда, и современная классификация сделок только ее усугубила. В момент принятия первой части

ГК РФ введение определения оспоримых сделок закрепило право в судебном порядке разрешать вопросы недействительности некоторых сделок, но в настоящий момент не точности законодательства и проблемы судопроизводства позволяют даже ничтожные сделки оставлять действительными, а действительные сделки признавать недействительными. Это прежде всего касается сроков исковой давности, которые уточнены в статье 181 ГК РФ и в части оспоримых сделок составляет всего один год, а по ничтожным три года. Также значительно расширился перечень оснований для признания сделок недействительными. В гражданском праве появились такие понятия, как «пристрастие к азартным играм», а Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала, что любовь это – психическое отклонение, т.е. болезнь и международный шифр этой болезни – F 63.9³. Все это позволяет значительно расширить количество недействительных сделок, совершенных в зарегистрированном браке, так как или сам брак является недействительным, потому что заключен по любви, или в связи с ограничением дееспособности физических лиц, пристрастившихся к азартным играм по статьям 171, 176, 177 ГК РФ.

Много вопросов вызывает также и статья 173.1, которая предполагает недействительность сделки, совершенной без согласия третьего лица. Здесь сразу непонятно, какая это будет сделка изначально – ничтожная или оспоримая.

«..Итак, данная сделка оспорима при соблюдении следующих условий:

1 Специальной нормой закона не предусмотрена ничтожность сделки.

2 Из закона не следует, что совершенная сделка порождает какие-либо правовые последствия для лица, правомочного давать согласие.

3 Отсутствуют указания закона или соглашения сторон, которые бы устанавливали иные, чем

1. Нестерова Н.В., Куликова Т.В. Экономико-правовой анализ недействительных сделок //: Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. Ростов-на-Дону, 2021. № 5(132). С. 76.

2. См.: Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право, 1946. № 3-4. С. 2-5.; Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность: учеб. пособие / И.Б. Новицкий. М.: Госюриздат, 1954. 248 с.

3. URL: <https://proza.ru/2019/06/15/1638#:~:text=%>.

недействительность, последствия совершения такой сделки.

Ничтожность сделки, совершенной без необходимого согласия, предусмотренная в первых двух случаях, должна следовать из закона. Примечательно, что в данном случае используется более мягкая формулировка «из закона следует», вместо более жестких «закон устанавливает» или «закон предусматривает». В таком случае суду при разрешении споров надлежит не буквально толковать положения применимых законов, а изыскивать смысл «дух» закона...⁴.

Можно еще долго перечислять все неточности нормативных формулировок недействительности сделок, которые выявляются при рассмотрении дел судами, но здесь также нужно остановиться на последствиях признания сделки недействительной. Основными последствиями недействительности сделок является реституция, т.е. каждая из сторон обязана возратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. В частности, имеются в виду последствия, предусмотренные для мнимых и притворных сделок, которые могут быть различной правовой природы. «...Поскольку стороны мнимой сделки не желают наступления последствий такой сделки, то, как правило, они ее и не исполняют, а, следовательно, говорить в таком случае о двусторонней реституции не представляется возможным. Неприменимость реституции как последствия недействительности мнимой сделки подтверждается и позицией ВАС РФ, а также сложившейся судебной практикой (Постановление Президиума ВАС РФ от 18.10.2012 № 7204/12 по делу № А70-5326/2011). Данная особенность обосновывается тем, что реституция подразумевает исполнение, хотя бы частичное,

заключенной сделки, а мнимая сделка по существу своему является сделкой, стороны которой не намерены фактически ее исполнять...»⁵.

Беглый анализ существующих и возникающих оснований для признания сделки недействительной довольно внушительный в обычном гражданском обороте, а если все это представить в ракурсе возникшей экстраординарной ситуации, сложившейся в 2020 году в мировом масштабе, то можно с уверенностью сказать, что их перечень значительно расширяется, хотя и временно. Это касается несоблюдение формы заключения сделки, так как нет возможности прямого контакта с контрагентом, и меры ограничительного характера, которые не позволяют получить согласие третьего лица. Есть определенные сложности в отношении реституции по недействительным сделкам, так как наложен мораторий на совершение определенных процедур, например, банкротство субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому необходимо отметить, что в условиях чрезвычайных ситуаций основной принцип диспозитивности в гражданских правоотношениях должен быть существенно ограничен или исключен полностью. В эти моменты возможно введение административной составляющей в гражданские правоотношения и придание им императивного характера, которая была бы заложена в отдельном нормативном правовом акте или статье действующего нормативного правового акта. Действие таких актов и норм должно носить временный характер на период действия чрезвычайной ситуации и их последствий. Например, ввести в часть первую ГК РФ статью 166.1. Оспоримые и ничтожные сделки в режимах функционирования РСЧС. Таких режима Единой государственной системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях (РСЧС) три, и в настоящее время в октябре 2021 года в Республике Башкортостан введен второй режим «Повышенной готовности». А это предполагает запрет посещения населением развлекательных центров, запрет деятельности

4. Дремин А.А., Горлова С.В. Условия признания сделки недействительной // Юридический факт. Челябинск, 2021. № 125. С. 80.

5. Повх М.С. Особенности признания недействительными ничтожных сделок // Инновации. Наука. Образование. Волгоград, 2020. № 21. С. 859.

ресторанов, кафе, магазинов непродовольственных товаров, комендантский час и другие ограничительные меры. В этих условиях трудно соблюдать все условия действительности сделок, и поэтому компетентные государственные органы вполне могут соответствующим актом сделать некоторые послабления в порядке заключения, изменения и расторжения сделок, чтобы впоследствии они не были признаны ничтожными или оспоримыми.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая) // РГ от 8 декабря 1994 г. № 238-239.
2. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3-4.
3. Дремин А. А., Горлова С.В. Условия признания сделки недействительной // Юридический факт. Челябинск, 2021. № 125.
4. Нестерова Н.В., Куликова Т.В. Экономико-правовой анализ недействительных сделок // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. Ростов-на-Дону, 2021. № 5 (132).
5. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность: учеб. пособие / И.Б. Новицкий. М.: Госюриздат, 1954. 248 с.
6. Повх М.С. Особенности признания недействительными ничтожных сделок // Инновации. Наука. Образование. Волгоград, 2020. № 21.

В заключение можно добавить то, что будущее увидеть нельзя, а предсказать с определенной вероятностью можно. И поэтому с гражданско-правовых позиций возможны некоторые отступления от общеизвестных принципов гражданского права с целью минимизации экономических потерь, если это не ущемляет интересы субъектов гражданского товарооборота и не противоречит законным интересам государства.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (GK RF) (chasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya) // RG ot 8 dekabrya 1994 g. № 238-239.
2. Agarkov M.M. Ponyatie sdelki po sovetскому grazhdanskomu pravu // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1946. № 3-4.
3. Dremi n A. A., Gorlova S.V. Usloviya priznaniya sdelki nedejstvitel'noj // YUridicheskij fakt. CHelyabinsk, 2021. № 125.
4. Nesterova N.V., Kulikova T.V. Ekonomiko-pravovoj analiz nedejstvitel'nyh sdelok // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. Rostov-na-Donu, 2021. № 5 (132).
5. Novickij, I.B. Sdelki. Iskovaya davnost': ucheb. posobie / I.B. Novickij. M.: Gosyurizdat, 1954. 248 s.
6. Povh M.S. Osobennosti priznaniya nedejstvitel'nyimi nichtozhnyh sdelok // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. Volgograd, 2020. № 21.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

«Недвижимое имущество в гражданском праве и сделки с ним» (М.: Изд-во «Прометей», 2021. 526 с.)

КИРПИЧЕВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия.

Актуальность темы монографии авторского коллектива под ред. Р.В. Шагиевой предопределяется совокупностью нескольких причин. Прежде всего, именно недвижимое имущество в большинстве случаев представляет собой самое ценное (в имущественном плане), что имеется у граждан России. Ради сделок с недвижимостью или защиты прав на нее граждане активно обращаются к праву, а

не пассивно соблюдают его, как в большинстве «бытовых» и «потребительских» отношений.

Рынок недвижимости важен и для хозяйствующих субъектов, ведь именно недвижимое имущество часто становится тем активом, который используется для погашения долгов обанкротившихся субъектов профессиональной экономической деятельности. Кроме того, учитывая, что по эмпирическим данным большинство юридических лиц в России не являются собственниками своей недвижимости, а владеют ею на ограниченном вещном праве либо на правах арендатора, правам на недвижимость в нашей стране свойствен особый, динамичный характер. Вместо воображаемого бессрочного владения собственником недвижимость в современной России постоянно пребывает у иных субъектов, что предъявляет неожиданные требования к ее режиму и позволяет несобственнику, например, защищаться вещными исками.

Наконец, парадоксальным образом режим важнейшего объекта частного права в России построен вокруг публично-правового средства (государственной регистрации). Заметим, что это правовое средство находится в процессе постоянной настройки, из-за чего одна реформа сменяет другую.

Последнее наталкивает на следующие размышления. Неизбежность применения публично-правовых средств в гражданско-правовом регулировании не означает возможности допущения эклектики, «всеядности», как это часто пытаются представить, используя

(по терминологии Р. фон Иеринга¹) юридическую конструкцию «принцип внесения»². Цивилисты упорно признают ведущую роль публично-правового средства или, иначе говоря, публично-правовой процедуры в регулировании главного объекта частных прав. Хотя ст. 8.1 ГК РФ прямо не указывает на недвижимость, но именно к режиму данного подвида объектов гражданских прав она чаще всего применяется. В то же время в судебной практике нередко можно увидеть совсем другое, более частноправовое понимание роли государственной регистрации, когда она рассматривается в качестве юридического акта «признания и подтверждения государством возникновения прав на недвижимое имущество, в то же время является составным и конечным элементом в сложном юридическом составе приобретения и подтверждения титула собственника, в силу чего отсутствие регистрации, само по себе, не свидетельствует об отсутствии у лица права в случае его приобретения на законном основании»³.

Такие рассуждения могут быть отвергнуты как противоречащие ст. 8.1. ГК РФ, но ведь и в ст. 218 ГК РФ среди оснований приобретения права собственности нет государственной регистрации. Конечно, приобретение и возникновение не тождественны, но это означает, что так называемый «принцип внесения» действует не безгранично. В ответ на это может быть дан закономерный ответ «из принципа имеются исключения». Но ведь этот ответ допустим далеко не для всех типов правопонимания. Вообще, вопрос о том, могут ли содержать нормы исключения из принципа – это основной индикатор, определяющий отношение ученого или судьи к принципам права⁴. Данным размышлением мы хотим пока-

зать, что научное исследование недвижимости нельзя убивать победой одной конструкции, добиться этого можно двумя видами работ: во-первых, работы, оспаривающие наиболее популярные точки зрения, и, во-вторых, работы не только объясняющие, но и описывающие состояние доктрины и правового регулирования оборота недвижимости.

Структура работы логична, построена по принципу «от общего к частному», позволяет системно рассмотреть изучаемые правовые явления, ненавязчиво ввести читателя в общее и частное в регулировании исследуемых вопросов.

Само название указывает на научно-практический характер работы, авторы не стали прибегать к модному термину «право недвижимости», хотя не стали и отвергать его.

Проведенное исследование позволило авторам описать генезис особого режима недвижимости среди объектов гражданских прав, выявить существенные юридические особенности недвижимого имущества, включая правовые последствия отдельных видов сделок.

При этом положительной чертой каждой главы, на взгляд рецензента, является оптимальное соотношение простого и сложного, теории и практики. Именно поэтому данную монографию можно смело рекомендовать в качестве инструмента знакомства с отечественным правовым регулированием оборота недвижимости, поэтому ее следует включать в качестве дополнительной литературы в учебно-методические комплексы дисциплин и междисциплинарных модулей.

Особо стоит отметить внимание авторов к таким отношениям, которые в наибольшей степени касаются граждан, а не хозяйствующих субъектов. Можно заметить социальную

1. Jhering, R. v. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 2, Bd. 2. Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1858. S. 384-413.

2. Латыев А.Н. В защиту принципа внесения. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.05.2016 № 304-ЭС15-18474 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 7. С. 26 – 29.

3. Решение Аткарского городского суда Саратовской области от 30.06.2020 по делу № 2-122/2020 // URL: www.consultant.ru.

4. Novak M., 2016. The Type Theory of Law: an Essay in Psychoanalytic Jurisprudence. Springer, 2016. P. 80-83.

направленность образа правового регулирования оборота недвижимости, предлагаемого авторами. Так, чрезвычайно точно и подробно доцентом С.В. Николукиным рассмотрены отношения по найму жилых помещений.

Несмотря на указанные достоинства, имеются и замечание по содержанию работы. Представляется, что в следующей редакции было бы важно рассмотреть более подробно альтернативные точки зрения на природу регистрации недвижимости, соотнеся нынешнее регулирование с регулированием середины 1990-х годов. Кроме того, в будущем издании было бы любопытно увидеть связь недвижимости с государством. В том числе рассмотреть понимание налогообложения недвижимости как концессионной платы суверену за пользование объектом⁵.

Однако это замечание является не более чем пожеланием рецензента. Чем больше юридических конструкций, описывающих правовой

режим недвижимости, будет развито в науке, тем ей полезнее, но одним из шагов в этом направлении является данная монография. Так, рецензента прочтение монографии натолкнуло на изложенные выше и включенные в заглавие рецензии размышления иных читателей, в том числе молодых ученых, знакомство с этой работой может вдохновить на другие конструкции, конечной целью которых может стать придание большей уверенности гражданам России и хозяйствующим субъектам в защите правом их прав на самое ценное имущество – недвижимость.

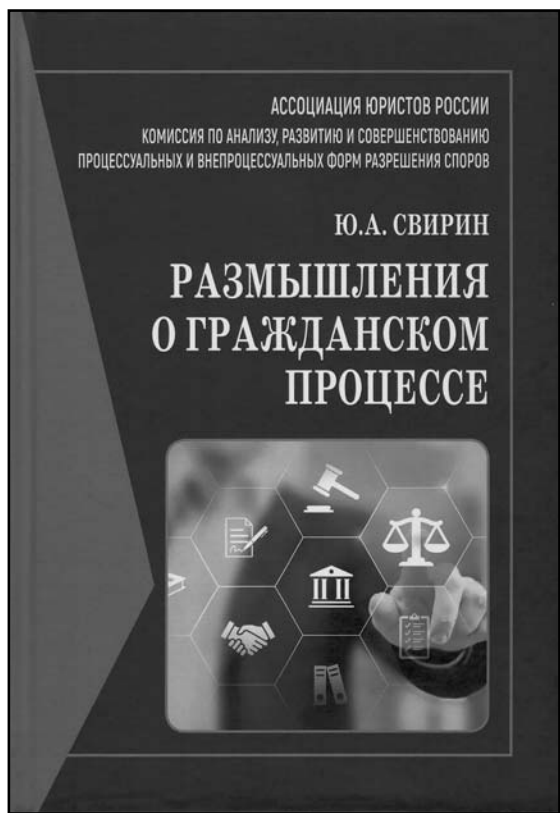
Таким образом, рецензируемая монография имеет научно-практическую ценность, может быть рекомендована для внедрения в учебный процесс, а ее читательским адресом является студенты, магистранты, аспиранты, научные работники и практики, в том числе специалисты в сфере недвижимости, не имеющие базового юридического образования.

5. Cordero Quinzacara E., Aldunate Lizana E. Evolución histórica del concepto de propiedad // Revista de estudios histórico-jurídicos. 2008. №. 30. P. 345-385.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

**«Размышление о гражданском процессе»,
подготовленную профессором Ю.А. Свириным
(М.: Изд-во «Прометей», 2021. 542 с.)**

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры частного права Государственного университета управления.

Предлагаемое вниманию читателя монографическое исследование по гражданскому процессу выполнено известным ученым в области цивилистического процесса, доктором юридических наук, профессором Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и профессором Всероссийского

государственного университета юстиции, академиком РАЕН, Почетным адвокатом России Свириным Юрием Александровичем.

С одной стороны, подготовленное исследование заслуживает внимания быть названным классическим трудом. С другой стороны, в нем с авторских позиций рассматривается сущность гражданской процессуальной формы, исследуются проблемы процессуального права. Книга является комплексным научным исследованием цивилистического процесса.

Текст монографического исследования выходит за рамки изложения законов, а раскрывает доктрину процессуального права, содержит аналитические выводы автора.

История гражданского процесса в России берет свое начало с середины первого тысячелетия с таких источников права, как русско-византийские договоры 911 и 984 годов. В настоящее время гражданское процессуальное право является не только важнейшим элементом системы российского права, но и фундаментальной юридической наукой, имеющей своим предметом систему научных взглядов по восстановлению в судебном порядке нарушенного материального права, защите законного интереса или установлению юридического факта.

Круг отношений, являющихся предметом гражданского процессуального права, настолько широк и многообразен, что детерминирует науковедческий интерес к нему ученых-процес-

суалистов вот уже на протяжении почти 150 лет.

Значение гражданского процесса состоит в том, что он приводит в движение нормы материального права, опосредует процесс восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Структура монографии четко продумана, логична и последовательна. Материал подан автором на очень высоком уровне, погружая читателя постепенно в тему с детализацией, осмыслением с широким охватом.

Подготовленный профессором Ю.А. Свириным монографический труд «Размышление о гражданском процессе» представляет собой хороший образец логичного и последовательного изложения научного материала в рамках научной дисциплины, благодаря чему читатели могут шаг за шагом знакомиться не только с институтами гражданского процессуального права, но и с проблемными вопросами указанной отрасли права.

Впечатляет также объем исследованных при подготовке книги фундаментальных трудов по доктрине процесса, где присутствует также

литература на иностранном языке и дореволюционная литература, что свидетельствует о научной преемственности. Такая научная добросовестность достойна уважения.

Ю.А. Свирин является автором таких учебников, как: «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Исполнительное производство», «Административное судопроизводство», «Актуальные проблемы гражданского процессуального права», которые в течение 20 лет не раз переиздавались с учетом новел позитивного права России.

В представленной читателю научной работе достаточно подробно и системно излагается доктрина гражданского процессуального права.

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется наукой о процессуальном праве: ученых-юристов, преподавателей, аспирантов и студентов. Вместе с тем она будет полезна практикующим юристам, которые проявляют интерес к систематизации своих знаний с учетом новел процессуального законодательства и права, исследуют современную систему гражданского процессуального права России.

В СВЕТЕ СОБЫТИЙ

Заседание Общего собрания членов Ассоциации юридического образования

1 октября 2021 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялось заседание Общего собрания членов Ассоциации юридического образования (АЮРО), участниками которого стали представители ведущих вузов страны, осуществляющих подготовку специалистов в области юриспруденции. В работе заседания принял участие член Президиума АЮРО, ректор РААН, профессор Г.Б. Мирзоев.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился президент АЮРО, декан юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор А.К. Голиченков, который озвучил итоги конкурса педагогического мастерства преподавателей правовых дисциплин в номинации «Лучший преподаватель гражданско-правовых дисциплин по версии АЮРО» и вручил победителям награды.

Далее председатель правления АЮРО А.С. Чанышев представил методические рекомендации для вузов, входящих в состав АЮРО, по интеграции результатов проекта «Без срока давности», направленного на сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, в образовательный процесс.

В рамках повестки также обсуждались вопросы об утверждении новой редакции устава и регламента АЮРО, о разработке комплекса мер по усилению ответственности студентов за предоставление поддельных документов и другие.

Участники заседания утвердили положение о порядке присвоения учебным, производственно-практическим и справочным изданиям по юридическим дисциплинам грифа АЮРО, который будет свидетельствовать о том, что они рекомендованы к использованию в образовательном процессе.

Пресс-конференция по вопросам состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе

7 октября 2021 года в пресс-центре информационного агентства «Росбалт» прошла пресс-конференция, посвященная вопросам состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

В качестве спикеров на ней выступили Президент Гильдии российских адвокатов, заслуженный юрист РФ профессор Г.Б. Мирзоев, депутат Государственной Думы ФС РФ VII созыва И.К. Сухарев, член совета Федеральной палаты адвокатов РФ Т.И. Проценко, депутат ГД РФ VI созыва, экс-следователь Генпрокуратуры РФ, адвокат К.А. Лазарев, адвокат по Краснодарскому краю Г.В. Цымбал, президент Национального союза агростраховщиков К.Д. Биждов, эксперт Национального антикоррупционного комитета, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы В. Цымбал.

Участники пресс-конференции обсудили положения Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в части возможностей защиты прав и свобод доверителя, а также насколько законодательно защищена сама российская адвокатура, можно ли говорить о том, что сегодня не всегда присутствует равноправие сторон в уголовном процессе.

В своем выступлении Г.Б. Мирзоев отметил, что «будучи депутатом Государственной Думы III созыва, мне довелось представлять Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре в последнем, третьем чтении. К сожалению, тот текст

закона, который был одобрен и поддержан всеми фракциями Госдумы, существенно изменился. Считаю, что закон нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе – расширении законодательных гарантий для адвокатской деятельности».

По словам Г.Б. Мирзоева, сегодня российское правосудие носит обвинительный характер. «Одно время, после развала СССР, говорили, что дело в инерции большевистского правосудия. Но я, как адвокат, который работал и в правоохранительной системе, могу утверждать, что мы добивались результатов», – сказал президент ГРА.

Сегодня есть очевидные факты неуважительного отношения к адвокатам. После съездов Федеральной палаты адвокатов РФ и Гильдии российских адвокатов, который прошел под девизом «Нет противостоянию в адвокатуре», мы договорились направить общие усилия на защиту профессиональных прав адвокатов, подчеркнул Г.Б. Мирзоев.

В заключение Президент ГРА коснулся вопросов истории и современного этапа развития Гильдии, подробно охарактеризовал ее дальнейшие планы, направленные на укрепление и совершенствование Гильдии российских адвокатов.

Рабочая встреча с коллегами из Республики Азербайджан

14 октября 2021 года в Центральном доме адвоката Президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА), президент Гильдии российских адвокатов, профессор Г.Б. Мирзоев провел рабочую встречу с членами делегации Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики во главе с председателем Коллегии, членом Комитета по отбору судей Азербайджана А.Р. Багировым. Во встрече принял участие вице-президент ГРА, руководитель Адвокатского агентства «У Ханжонкова», член Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Почетный адвокат России И.Г. Гаджиев, члены Аппарата МАРА. Г.Б. Мирзоев подробно рассказал гостям о текущих задачах и деятельности Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии российских адвокатов, Международного совета российских соотечественников, Российской академии адвокатуры и нотариата, пригласил гостей осмотреть рабочие офисы и учебные аудитории. В рамках встречи Г.В. Мирзоев торжественно вручил А.Р. Багирову Знак отличия Гильдии российских адвокатов «За вклад в развитие адвокатуры» и поблагодарил за тесное сотрудничество в рамках международных проектов. Участники обсудили вопро-

сы оказания правовой помощи представителям бизнеса, гражданам в Республике Азербайджан и в России, а также возможности дальнейшего партнерства в рамках Международной ассоциации русскоязычных адвокатов и учебы в Российской академии адвокатуры и нотариата. А.Р. Багиров поблагодарил Г.Б. Мирзоева за теплый прием и рассказал о современном состоянии азербайджанской адвокатуры, имеющихся проблемах, путях их решения. Глава Коллегии адвокатов вручил Г.Б. Мирзоеву медаль, выпущенную к 100-летию образования адвокатуры Азербайджанской Республики. Вручая награду, А.Р. Багиров подчеркнул, что «Гасан Борисович Мирзоев – легенда не только российской, но и азербайджанской адвокатуры, человек, который внес огромный вклад в повышение престижа и авторитета профессии адвоката. Его имя золотыми буквами вписано в историю азербайджанской адвокатуры. Еще в советские времена Гасан Борисович жертвовал очень многим, пошел на большой риск, но создал хорошие условия для своих коллег. Возглавляемая им 13-я юридическая консультация города Баку была одной из ведущих консультаций не только в Азербайджане, но и на территории всего Советского Союза. И до сих пор его имя у всех адвокатов Азербайджана на устах. Он по праву является Почетным адвокатом Республики Азербайджан». Гости также посетили офис азербайджанской диаспоры в Москве

Круглый стол в Совете Федерации по вопросам правового регулирования

18 октября 2021 г. Президент Гильдии российских адвокатов, заслуженный юрист РФ, профессор Г.Б. Мирзоев принял участие в работе круглого стола «Проблемы правового регулирования нотариата и нотариальной деятельности в Российской Федерации», организованного Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

В обсуждении приняли участие Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова, президент Федеральной нотариальной палаты РФ К.А. Корсик, представители Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерства юстиции РФ, Федеральной антимонопольной службы, экспертного сообщества.

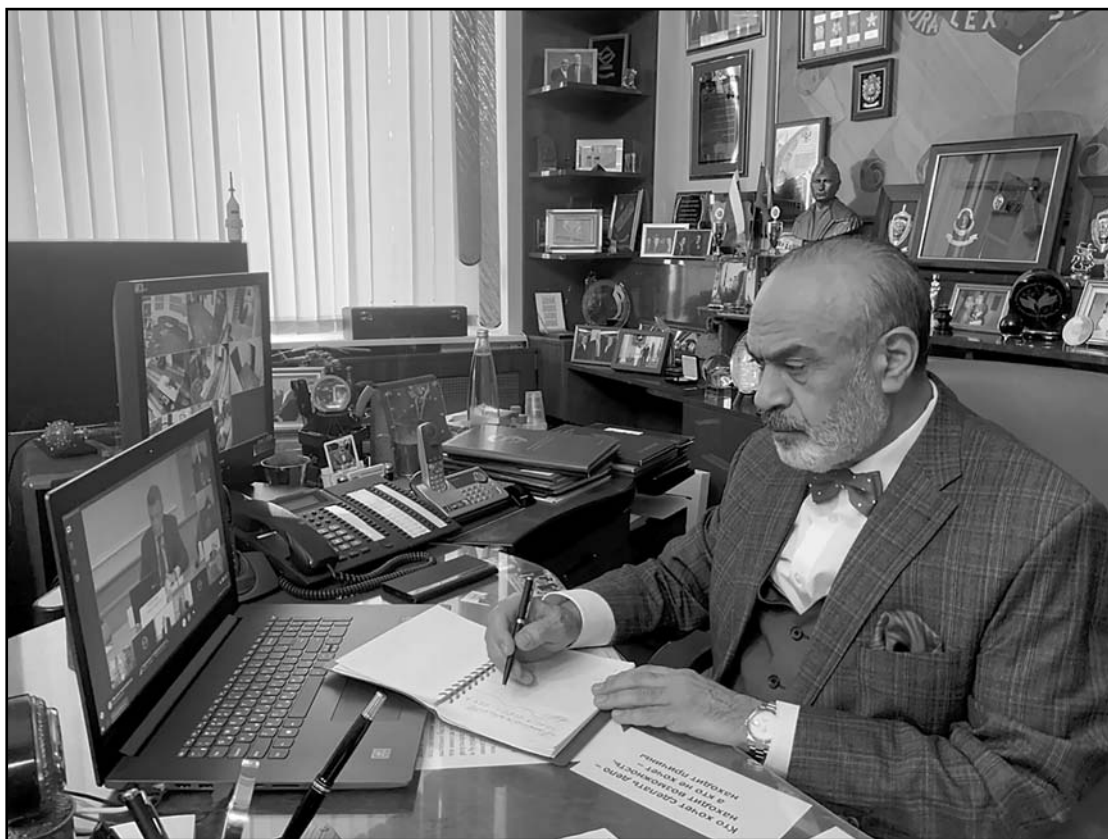
Модератором мероприятия выступил первый заместитель председателя Комитета

СФ по конституционному законодательству и государственному строительству В. Полетаев.

Президент Федеральной нотариальной палаты К.А. Корсик отметил, что нотариат – значимый, востребованный институт правовой системы государства, один из гарантов защиты законных прав и интересов граждан, обеспечения стабильности экономической деятельности.

Сегодня нотариат является четко действующим институтом гражданского общества с эффективными инструментами контроля как со стороны государства, так и со стороны нотариального сообщества. Создана мощная цифровая инфраструктура с множеством бесплатных сервисов, позволяющих защищать права граждан и бизнеса. В электронной системе нотариата на сегодняшний день содержится 300 млн записей, и не было ни одной утечки из этой системы, а закон о цифровом нотариате позволяет удаленно обращаться к нотариусам.

Т.Н. Москалькова остановилась на пяти ключевых задачах по совершенствованию нотариальной деятельности для более эффективной защиты прав людей: тарифы,

архивы нотариата, осуществление нотариальных действий за рубежом, повышение эффективности нотариата в сфере оборота жилья и обеспечение нотариальной деятельности в цифровом контуре. По мнению Уполномоченного, введение единого тарифа на нотариальные услуги позволит снизить их стоимость и обеспечит прозрачность предоставления нотариальных услуг.

Участники круглого стола поддержали законодательные поправки о расширении полномочий сотрудников консульств, чтобы граждане России за рубежом могли быстрее и удобнее пользоваться нотариальными услугами. На сегодняшний день только консул обладает правом нотариально заверять документы граждан, находящихся в другом государстве.

Г.Б. Мирзоев выступил на заседании Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

19 октября 2021 г. в Доме прав человека в очном формате и в режиме видео-конференц-связи прошло заседание секции по вопросам защиты прав молодежи и правового просвещения в области прав и свобод человека и гражданина Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации. Вела заседание Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова.

В заседании принял участие и выступил член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, президент Гильдии российских адвокатов, ректор РААН, профессор Г.Б. Мирзоев. Также в мероприятии приняли участие уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, представители Министерства науки и высшего образования РФ, научного и экспертного сообщества, вузов, сотрудники Аппарата Уполномоченного.

«Впервые мы обсуждаем вопрос защиты прав молодежи с позиции отражения наиболее сложных проблем в этой сфере и рекомендаций для органов государственной власти в этом сегменте общественно-политических и общественно-социальных вопросов», — отметила в своем выступлении Т.Н. Москалькова. В этом году в ежегодном Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации планируется выделить проблематику прав молодежи в отдельный параграф. «В нашем докладе мы выносим на рассмотрение несколько блоков проблем по

вопросам защиты прав молодежи. Трудоустройство молодежи; есть ли сегодня банк данных о вакансиях; о квотировании рабочих мест; есть ли гарантии после окончания вуза получить должность? Мы хотим поднять вопрос о гарантиях от увольнения в случае сокращения или ликвидации организации для молодых людей, которые в конкурентной среде проигрывают более опытным сотрудникам», – подчеркнула федеральный омбудсмен.

Другие вопросы, связанные с защитой прав представителей молодого поколения, касались жилья, реализации права на свободу слова, а также образования, в том числе уменьшения стоимости обучения и увеличения количества бюджетных мест в вузах.

В своем выступлении Г.Б. Мирзоев рассказал о задачах и работе Российской академии адвокатуры и нотариата, учебных программах, возможностях студентов совмещать учебу и практику. Непрерывность образования в РААН от колледжа до аспирантуры позволяет молодым людям освоить профессию. Важно, что при академии функционирует Юридическая клиника, прием в которой ведут в том числе студенты и выпускники академии. Также ректор РААН рассказал о Союзе молодых адвокатов России, созданном по инициативе Федеральной палаты адвокатов РФ, который занимается в том числе вопросами правового просвещения. «Даже если у человека нет юридического образования, важно знание норм права, которые

пригодятся в жизни. Ориентирование в мире законов поможет отстаивать права в любой ситуации», – подчеркнул Г.Б. Мирзоев. На сегодняшний день во многих субъектах РФ при адвокатских палатах уже созданы либо создаются Советы молодых адвокатов. Это – важный и главный нужный процесс для развития института отечественной адвокатуры, сохранения ее традиций и преемственности поколений. Члены Экспертного совета обменялись мнениями по вопросам повышения эффективности работы в сфере правового просвещения и рекомендовали Аппарату Уполномоченного при подготовке соответствующих параграфов Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год учесть предложения и замечания участников расширенного заседания секции Экспертного совета.

Общее собрание Московского отделения Ассоциации юристов России (МО АЮР)

21 октября 2021 г. в формате видеоконференции состоялось Общее собрание Московского отделения Ассоциации юристов России (МО АЮР), которое провел председатель Совета МО АЮР, проректор МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Вайпан. В работе заседания принял участие и выступил председатель местного отделения МО АЮР по району Таганский, Президент Гильдии российских адвокатов, заслуженный юрист РФ, профессор Г.Б. Мирзоев.

На Общем собрании МО АЮР в соответствии с Уставом Ассоциации были избраны члены Исполнительного Комитета МО АЮР, руководящие органы МО АЮР в соответствии с решением Исполнительного комитета МО АЮР от 30 августа 2021 года. Председателем Совета Московского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» единогласно был избран Виктор Алексеевич Вайпан, председателем Исполнительного комитета – Дмитрий Валерьевич Кравченко.

The annotated contents of the magazine

G.B. Mirzoev

ON THE LEGAL BASIS OF COOPERATION OF THE CIS MEMBER STATES IN THE FIELD OF COUNTERING DRUG CRIME AND SOME MEASURES TO IMPROVE THEM

ABSTRACT. To date, there is not a single country in the world that would not be affected by the problem of illegal drug distribution. In the context of transnational criminal activity, the processes of globalization and the strengthening of international criminal ties, it is naive to think that this problem can be solved at the level of individual states. The article discusses the legal basis of cooperation between the CIS member states in the field of countering drug crime.

KEYWORDS: Globalization, CIS, law, state policy, drug addiction.

MIRZOEV GASAN BORISOVICH – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

F.G. Myshko, R.V. Shagieva

FORMATION OF A RISK-ORIENTED MODEL FOR ORGANIZING CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF EDUCATION

ABSTRACT: The article attempts to analyze the controversial process of forming a risk-oriented approach in organizing and conducting state control in relation to the activities of educational organizations. Contrary to the emerging practice on the basis of the instruction of the State Council of the Russian Federation dated December 23, 2015 to the Government of Russia, the practice of reducing the administrative burden on educational organizations, including by reducing measures for control (supervision) in the field of education, carried out by Rosobrnadzor and did not receive a proper final assessment, in the summer In 2021, a new Regulation on federal state control (supervision) in the field of education was approved, the doctrinal analysis of which is presented by the authors of this publication. As stated in the article, the model defined by these novels is fundamentally different from the one that was originally conceived and recommended by Rosobrnadzor. The authors suggest that further law enforcement practice will show in which direction the new system of organizing control and supervisory activities in the field of education will develop.

KEYWORDS: state control (supervision), risk-oriented approach, education, educational organization, planned control (supervisory) activities

MYSHKO FEDOR GEORGIEVICH – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management;

SHAGIEVA ROZALINA VASILIEVNA – Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management.

V.I. Afanasyeva

THE ECONOMIC WARS OF WESTERN EUROPE AGAINST RUSSIA OF THE XX-XXI CENTURIES

ABSTRACT. This article examines the problem that Russia has faced in different historical periods. This is a scientific and technical development that has contributed not only to the country's internal development, but also to a certain status on the world stage. And in each of these historical periods, the country faced the interests of the leading countries of the world, which to some extent prevented Russia from moving from one technological order to another technological order by various methods and methods.

KEYWORDS: sanctions, moratorium, political and economic isolation, inventive law.

AFANASYEVA VALENTINA IVANOVNA – Doctor of Law, Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

A.V. Akhmatov

LEGALITY IN THE CONTEXT OF THE LEGAL TRADITIONS OF THE WEST AND EAST: HISTORICAL AND THEORETICAL ANALYSIS

ABSTRACT: The author considers various points of view on the legal traditions of the West and the East as the main "engines" of the development of the modern world in connection with the principle of legality. The paper notes that the legal tradition is primarily a unique cultural, philosophical phenomenon associated with the transmission from generation to generation of the experience of regulating relations. At the same time, the legal form of tradition is secondary in relation to the historical and cultural component. The author's definition of the legal tradition is given in the work, its signs are reflected.

The author comes to the conclusion that, despite the lack of temporal synchronicity of the development of the legal traditions of the West and the East and the difference in attitude to the value of law as a social regulator, the very idea of legality is immanent in the legal systems of both the West and the East at different historical stages of their development. This suggests that the principle of legality is relevant and universal for the legal traditions of the West and East.

The article substantiates that the idea of legality in the legal traditions of the West and the East is based on different conceptual theoretical and methodological platforms. On the one hand, the idea of legality in the legal traditions of the West is characterized by the philosophy of rationalism and values of individualism in conjunction with the concepts of "Rule of Law" ("rule of law") and "Rechtsstaat" ("rule of law"), which are identical to the liberal concept of the rule of human and civil rights and freedoms. On the other hand, the idea of legality in the legal traditions of the East is characterized by religious and philosophical worldview systems (Confucianism, Legalism, Brahmanism, Buddhism, etc.), characterized, inter alia, by introversion (turning to the inner world of a person), the priority of the collective over the individual, moral over legal (East).

The article offers a thesis on the trends of syncretism of the legal traditions of the West and the East.

KEYWORDS: law, state, legality, legal tradition.

AKHMATOV ALEXEY VALERYEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

G.G. Goldin, I.S. Voznesensky

LEGAL CONSOLIDATION OF THE ORGANIZATION OF WORKING TIME: FROM THE PAST TO THE FUTURE

ABSTRACT: The problem of legal consolidation of the organization of working time has been in the focus of attention of social reformers, workers, legislators for about two centuries. This not only speaks of its importance, but also allows us to evaluate approaches to the regulation of working hours as a fairly reliable criterion of both the efficiency of the economy and the responsibility of the authorities to society, which is reflected in the legal norm. During the noted period, the actions on the legal registration of working hours: firstly, they entered the range of issues of international legal protection thanks to the formation of the International Labor Organization; secondly, they have undergone significant changes in connection with the transformation of working conditions; thirdly, further steps in this direction required the connection of labor legislation with the development of the legal framework for education and a healthy lifestyle.

KEYWORDS: labor law, working time, social sphere, International Labor Organization, labor culture, employment, efficiency, rationing.

GOLDIN GENNADY GLEBOVICH – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notary (RAAN);

VOZNESENSKY IGOR SERGEEVICH – Senior Lecturer of the Department of Sociology and Management of the Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI).

A.V. Losyakov

**PARTNERSHIP AS AN ECONOMIC ENTITY OF THE NEP PERIOD:
LEGAL ASPECT (1921-1929)**

ABSTRACT. The article examines different types of partnerships as the main forms of economic entities of the NEP period, their characteristic features are revealed. The author analyzes the Civil Code of the RSFSR of 1922 and other legislation on partnerships. The procedure for the creation of partnerships, their registration, requirements for them, as well as the procedure for liquidation are investigated. Based on the analysis of the legal framework, some gaps and contradictions in the legislation of that time are identified.

KEYWORDS: partnerships, NEP, organizational and legal forms of economic entities.

LOSIAKOV ANDREY VIKTOROVICH – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics

R.S. Sorokin

LEGAL RESPONSIBILITY IN MODERN RUSSIAN LAW

ABSTRACT. The process of expansion of the state of imbalance of the institution of responsibility in Russian legislation in recent years has not slowed down, but, on the contrary, is becoming more and more complex, which is partly explained by the increasingly frequent appeal of law-making bodies of state power to this instrument, haste in the introduction of new prohibitions and types of punishments, the disproportionality of the illegal act and the measures of responsibility following it. The epidemiological situation in the country and the world adds particular urgency to the problem, due to the next wave of the spread of COVID-19, since the state sometimes seeks to solve the problem with excessively harsh or untimely restrictive measures, including means of legal liability.

Further development of the institute of legal responsibility is associated with increased dynamics in the transformation of the social relations protected by it. The increasing complexity and diversity of social ties in modern society necessarily predetermines a change in the content and structure of the institution of legal responsibility, which requires increased attention on the part of legal science and practice to the issue of cause-and-effect patterns of such processes.

KEYWORDS: legislation, norm, law, institution, responsibility, coercion, state, politics, COVID-19.

SOROKIN ROMAN SERGEEVICH – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov (e-mail: Sorokin.magistr@yandex.ru).

S.A. Bukalero, M.B. Muratkhanovna, V.A. Chukreev

**QUALIFICATION OF INDUCEMENT TO COMMIT SUICIDE
OF MINORS IN RUSSIA AND CHINA**

ABSTRACT. The article analyzes the facts of the lack of practice to prosecute an act under Article 110.1 «Inclination to commit suicide or assistance in committing suicide» and examines the verdict in the case of I. Tolmachev and E. Sinelnikova. The theory of attraction for similar acts in the PRC is also considered.

KEYWORDS: inducement to commit suicide, China, punishment, conflict, foreign practice, criminal responsibility

BUKALEROV SERGEY ALEKSANDROVICH – postgraduate student Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»;

MURATKHANOVA MERUERT BEISENOVNA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Eurasian National University named after I. L. N. Gumilyova (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan);

CHUKREEV VADIM ANDREEVICH – Candidate of Legal Sciences, Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region, (Yekaterinburg, Russia).

V. F. Jafarli

DIGITAL OPTIMIZATION OF THE PUNISHMENT SYSTEM IN RELATION TO INNOVATIVE CRIME

ABSTRACT. The article is devoted to the possibilities of a modern information technology resource provided and provided by a specialized cybercommercial resource, provided, in particular, that a promising criminal law filter (UPF) is embedded in the software, which is able to instantly determine both the criminality of the innovative impact and its subject.

Also, the issue of creative processing of theoretical provisions existing in classical scientific fields devoted to crime prevention is brought up for discussion by the scientific community. We are talking about the principle of "Presumption of innocence", as well as the concept of "Dangerous state of personality". It seems to us that it is not possible to resist innovative crime by traditional methods, which means that the system of punishments should be subjected to the necessary optimization.

KEYWORDS: the concept of the criminal law filter (UPF), presumption of innocence/guilt, dangerous state of personality (cyber personality), criminological cybersecurity, innovative crime, cybercrime.

JAFARLI VUGAR FUAD OGLU – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Kosygin Russian State University; Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

D.V. Miroshnichenko

PUBLIC SAFETY AND CRIME PREVENTION

ABSTRACT. The article analyzes the current state of the problem of ensuring the security of society in the paradigm of crime prevention. Crime acts as one of the threats to modern social development, and therefore there is a need to build a model of all-encompassing prevention that can put a person under control, thanks to the wide possibilities of various disciplinary practices that accompany human activity. The same strategy is reflected in criminal law, in which crime in the traditional sense as harm is gradually giving way to crime as a symbol of possible harm. Therefore, criminalization is expanding due to the formulation of suppressive elements of crimes.

KEYWORDS: society, security, crime, risk, threat, risk society, crime prevention

MIROSHNICHENKO DANIIL VIKTOROVICH – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Sciences.

R.S. Tamaev, S.N. Savina

CRIMINAL OFFENSE AND INSIGNIFICANT ACT (PART 2 OF ARTICLE 14 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

ABSTRACT. The presented article examines the problem of the correlation of the legislative and doctrinal

category of criminal offense with the category of insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation), in connection with the problem of the place of criminal offense in modern law and the existing gap in bringing to responsibility for an act recognized as insignificant. The analysis is subjected to one of the points of view existing in science, that a misdemeanor should replace insignificant acts, responsibility for which is not provided for until now.

The authors, while not objecting to the very idea of a head offense, at the same time believe that a category excluding criminal liability cannot take place in the basis of responsibility for it. Otherwise, the offense must be outside the framework of criminal law. Instead, this article proposes to formulate the composition of an administrative offense for acts recognized as insignificant in criminal law.

KEYWORDS: criminal offense, offense, crime, insignificant act, criminal law, administrative and tort law.

TAMAEV RUSLAN SUMGAI TOVICH – Doctor of Law, Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (RAAN);

SAVINA SVETLANA NIKOLAEVNA – teacher-researcher.

A.N. Belikov, E.A. Belikova

**LEGAL ISSUES AND THEIR SOLUTION IN CONNECTION
WITH THE ILLEGAL UNILATERAL REFUSAL OF THE CUSTOMER
TO FULFILL THE MUNICIPAL CONTRACT, EXPRESSED
IN THE CUSTOMER'S FAILURE TO FULFILL COUNTER OBLIGATIONS**

ABSTRACT. In this article, the authors conduct a legal analysis of the issue and its solution concerning the unlawful action of the customer, namely, the unilateral refusal of the contract by the customer in accordance with civil law, in accordance with Article 95 of Federal Law № 44-FZ of 05.04.2013 "On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs". In case of non-fulfillment of counter obligations by the customer, the contractor must suspend work and notify the customer about it. However, if the work is not suspended, then the contractor still has the opportunity to protect his rights.

KEYWORDS: municipal contract, contractor's violation of deadlines, unilateral refusal by the customer to execute the contract, arbitration process.

BELIKOV ANDREY NIKOLAEVICH – Candidate of Legal Sciences, legal consultant of LLC "Legal Adviser Plus", Odintsovo, Moscow region;

BELIKOVA ELENA ALEKSANDROVNA – legal consultant of LLC "Legal Adviser Plus", Odintsovo, Moscow region.

N.A. Mashkin, D.A. Shapovalov, A.I. P rokopyev

**LEGAL REGULATION OF PRIVATE PUBLIC
CONTRACTS AND MANAGEMENT ACTS IN MODERN CONDITIONS**

ABSTRACT. The article shows the role of a private-law public contract in the system of regulatory legal regulation as one of the forms of convergence of private and public law, characterizes a private-law public contract, and also reveals its individual types. The authors support the idea of creating a new branch of law, the subject of which will be public (non-state) managerial relations, where civil society institutions (for example, public organizations), collective formations will be participants, one of the forms will be a public contract with its own special kind of responsibility, etc.

KEYWORDS: private law public contract, administrative contract, public relations, private law means, public law norms.

MASHKIN NIKOLAY AFANASYEVICH – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics;

SHAPOVALOV DMITRY ANATOLYEVICH – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the

Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of Sciences and GS;

PROKOPYEV ALEXEY IGOREVICH – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

N.P. Sedova, S.V. Shchetinina, Yu.E. Konyukhova

CIVIL LAW CONCEPT AND NATURE OF THE TRANSACTION

ABSTRACT. The article examines the civil law concept and the nature of the transaction. Four types of forms of transactions are considered, each transaction of which is legally determined by the conditions for concluding a transaction in this form: oral form, written form, explicit form and inaction. The definition is given that the transaction is realized by the will of the person, the basis for the emergence, change or termination of civil rights and obligations.

KEYWORDS: deal, will, purpose, legal result.

SEDOVA NINA PETROVNA – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of RANEPА (Vladimir branch);

SHCHETININA SNEZHANA VADIMOVNA – Department of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography Vyaznikovsky Department, Vladimir region;

KONYUKHOVA YULIA EVGENYEVNA – General Director of LLC Audit Firm Vladstandart, Vladimir region.

V.A. Fomin

LEGAL MECHANISMS OF CORPORATE CONTROL AS ENFORCEMENT OF OBLIGATIONS

ABSTRACT. The article examines legal mechanisms that are not directly related to the methods of ensuring the fulfillment of obligations stipulated by Chapter 23 of the Civil Code of the Russian Federation, in particular corporate control, with the help of which it is possible to ensure the proper fulfillment of obligations in legal relations, including with the participation of corporations.

KEYWORDS: performance of duties, corporate control

FOMIN VLADIMIR ANATOLYEVICH – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Notaries and Civil Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, notary in Moscow

B.V. Shagiev

SOME COLLISIONS OF OUT-OF-COURT BANKRUPTCY OF A CITIZEN

ABSTRACT. This article proposes to somewhat mitigate or eliminate conflicts and inaccuracies in the formal expression of a citizen's extrajudicial bankruptcy. This simplified bankruptcy procedure appeared in September 2020 by introducing into Chapter X of the Federal Law of October 26, 2002 № 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)» § 5 Out-of-court bankruptcy of a citizen. Despite the short duration of action, this simplified procedure causes a lot of scientific disputes and proposals, since the main categories of citizens for whom it was introduced practically do not get access to it. Out-of-court bankruptcy suddenly became in demand by unscrupulous debtors, who took advantage of the imperfect wording of the legislation and zeroed their debts with impunity. In order to eliminate these shortcomings, the author puts forward a number of proposals for improving the legislation.

KEYWORDS: collision, bankruptcy, debtor, creditor, out-of-court bankruptcy procedure, simplified procedure, citizen, unscrupulous debtor, enforcement proceedings, availability, individuals, categories of citizens, extraordinary character, microfinance organizations, credit.

SHAGIEV BULAT VASILOVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Russian Academy of Sciences.

A.P. Albov

**FORMATION OF THE INSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS
OF COMPLEX DIGITAL SYSTEMS ON THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT
OF THE CUSTOMS SERVICE OF RUSSIA**

ABSTRACT. The development and use of digital technologies - an objective reality necessary today to improve the efficiency of all spheres of economic, social and humanitarian fields, could not but affect the customs authorities. The formation of the institutional and legal foundations of complex digital systems will allow the state to form a fundamentally new customs service using modern principles of organization of activities, which will have a positive effect on the activities of all interested parties.

KEYWORDS: legal institutions, digital environment, customs service, digitalization, state control.

ALBOV ALEXEY PAVLOVICH – Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian Customs Academy (RTA), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

A.A. Vlasov, K.A. Tatarinova

**THE PHENOMENON OF SPECIAL ADMINISTRATIVE REGIONS
AS A TOOL OF DEOFFSHORISATION:
LEGAL REGULATION, PROSPECTS FOR A FUTURE DEVELOPMENT**

ABSTRACT. The article examines the status of special administrative districts (SAR), Russky Island and Oktyabrsky Island, on the territory of the Russian Federation as new elements of the legal system of the Russian Federation. Geographical peculiarities of SARs are revealed, and a proposal is made for further creation of new special administrative districts on the territory of the Russian Federation, with efficiency of functioning and expediency of creation of this legal regime. The analysis of the Russian legislation in the sphere of legal regulation of this sphere has been carried out, and innovations have been analyzed. The statistical data concerning the residents – international companies – participants of the special administrative districts and their interrelation with the actual events on the territory of the state are given. Interrelationship with international legal aspects, such as cooperation between Russia and OECD and its influence on Special Administrative Regions, is touched upon. An attempt has been made to foresee the development of Russia's position on offshore zones in the further functioning of the SARs.

KEYWORDS: Special Administrative Region (SAR); territorial-administrative units; deoffshorisation; redomiciliation; residents, legal regime; Organization of economic cooperation and development (OECD); foreign investments; national economy of the state.

VLASOV ANATOLY A. – Doctor of Juridical Sciences, Professor at MGIMO University;

TATARINOVA KSENIA A. – M.A. Student MGIMO University.

N.N. Kosarenko

**IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ABSTRACT. Artificial intelligence is actively entering our reality. The author shows the role and importance of artificial intelligence in the information technology system. The article discusses the legal aspects of the regulation of the artificial intelligence system in the framework of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation.

The legal assessment of the nature of artificial intelligence and the regulation of the order of its use has become the most important task of modern domestic jurisprudence. The author notes the weak regulatory regulation of the use of artificial intelligence, taking into account the introduction of this information technology in various spheres of life.

Among the legal problems, it is necessary to solve such issues as the legal nature of artificial intelligence, the

presence of legal personality, the impact on the further development of artificial intelligence technologies, etc. Special attention in the article is paid to the need to develop the legal category "artificial intelligence" in order to build an effective model of legal regulation. The paper concludes that the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation, should undoubtedly play an important role in solving the problems associated with the development of digitalization.

KEYWORDS: Digital economy, law, information technology, artificial intelligence, robotics.

KOSARENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

I.M. Rassolov, S.G. Chbukova

INSTITUTE OF LEGAL SUPPORT OF GENETIC INFORMATION AND DEVELOPMENT OF INFORMATION LEGISLATION

ABSTRACT. The relevance of the research topic is due to the expansion of national and interstate initiatives for genome research, which have significant potential for human health research. In this scientific article, for the first time in the doctrine of modern law, an attempt is made to isolate a separate legal institution in the system of the information law branch – the institute of genetic information. We believe that the proposed approach contributes to the formation of new scientific directions, in particular, the development of the basic postulates of the emerging science of life, as well as the main provisions of the future law of humanitarian technologies.

The methods of studying this problem are empirical methods of comparison, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: comparative jurisprudence and the method of interpretation of legal norms.

The undertaken analysis allows us to draw conclusions about the main directions of improving the modern information legislation of the Russian Federation on the use of genetic information. A comprehensive approach to the legal regulation of genetic research and the use of genetic information includes the introduction of general prohibitions on discrimination based on genetic characteristics into human rights legislation; the creation of special legal norms for insurance companies and employers; the establishment of a strictly controlled use regime for genetic data.

KEYWORDS: legal institute, institute of legal support of genetic information, information legislation, genetic testing, genetic information, personal data, Internet law, genetic information banks, biobanks, discrimination, life science, law of humanitarian technologies.

RASSOLOV ILYA MIKHAILOVICH – Doctor of Law, Professor of Information Law and Digital Technologies Department. Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

CHUBUKOVA SVETLANA GEORGIEVNA – PhD in Law, Associate Professor of Information Law and Digital Technologies Department. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

V.F. Antonov

EUROPEAN VALUES IN EU REGULATIONS

ABSTRACT. The article considers the content of European values embodied in the system of EU legislative acts. Based on the analysis of the legislative material, it is concluded that most of the EU normative legal acts are applied under the influence of a wide range of socio-ethical restrictions that ensure the consolidation of European structures.

KEYWORDS: law, normative acts, human rights, European values, legislative regulation, public morality, law enforcement.

ANTONOV VLADISLAV FEDOROVICH – PhD, Assistant Professor of the Department of State Legal and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

V.V. Varmund

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE LEGAL PERSONALITY
OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE CONTEXT OF ARTICLE 12
OF THE INTERNATIONAL CONVENTION ON THE RIGHTS
OF PERSONS WITH DISABILITIES**

ABSTRACT. The article provides a theoretical analysis of the legal regime of the legal personality of persons with disabilities in the context of article 12 of the International Convention on the Rights of Persons with Disabilities, examines the approach to the essence and content of legal personality through the prism of features that create an interdependent relationship.

Conclusions are formulated about the properties of legal personality necessary for decision-making or transactions by persons with disabilities, the ratio of the absolute legal nature of legal capacity and legal capacity and transaction capacity is shown, taking into account the strong-willed characteristic of the bearer of subjective rights and obligations, expressed in independent decision-making. Within the framework of this approach, the features of the legal personality of persons with disabilities are considered.

KEYWORDS: legal personality, legal capacity, legal capacity, transaction capacity, subjective rights and obligations.

VARMUND VICTORIA VSEVOLODOVNA – a senior lecturer at the Department of Notary and Civil Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

Yu.A. Krokchina

**RESPONSIBILITY FOR THE NON-RETURN
OF FOREIGN EXCHANGE EARNINGS FROM ABROAD:
THE POSITION OF THE COURTS AND CONSTITUTIONAL VALUES**

ABSTRACT. In the Russian Federation, the legal regulation of foreign economic activity is carried out in order to ensure favorable conditions for entrepreneurs while protecting the economic and political interests of the state. The legislation allows commercial presence in any form of organization of entrepreneurial and other economic activities of a Russian person on the territory of a foreign state. In Russian law, the question of whether a Russian resident, carrying out foreign economic activity, is obliged to follow the legislation of the country of presence was unresolved. Law enforcement practice follows the path of bringing to administrative responsibility for non-return of foreign exchange earnings, even in cases where the legislation of the country of presence of the resident does not allow repatriation of funds. The article analyzes the grounds for attracting Russian residents for non-return of foreign exchange earnings, the proportionality of the imposed penalty to the public danger of the deed for compliance with the constitutional principles of freedom of economic activity.

KEYWORDS: foreign exchange earnings; repatriation of currency; administrative penalty; currency regulation.

KROKHINA YULIA A. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Graduate School of State Audit (Faculty), Moscow State University. Head of the Budget Law Practice of the Moscow Bar Association «Arbat».

Coulibaly Lasina Pehon

**THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS
OF JURISDICTION IN ELECTRONIC DISPUTES**

ABSTRACT. The development of technologies, the rapid large-scale use of the Internet in doing business certainly leads to the emergence and growth of electronic disputes. Taking into account the fact that transactions made on the Internet are mainly extraterritorial in nature, and the Internet itself is not limited to the traditional physical borders of the state, one of the issues related to electronic commerce is the conflict of jurisdictions of

different states regarding the resolution of electronic disputes. This article discusses the issues of determining the jurisdiction, the competent court for dealing with electronic disputes.

KEYWORDS: jurisdiction, competence, jurisdiction, jurisdiction, personal jurisdiction, electronic dispute, forum non conveniens doctrine

COULIBALY LASINA PEHON – 3rd year postgraduate student of the full-time education of the Academy of Labor and Social Relations.

E.N. Senina

THE LEGAL NATURE OF THE MEDIATION-RESTORATIVE APPROACH IN RESOLVING CRIMINAL LEGAL CONFLICTS

ABSTRACT. A proper assessment of the modern criminal law policy in Russia from the point of view of implementing the technologies of «punitive» and «restorative justice» in it and justifying the feasibility of changing it, involves considering the issues of the legal nature of mediation and restorative justice in general.

This publication is devoted to the analysis of the concept and signs, goals and objectives of restorative justice and mediation in the resolution of criminal conflicts.

KEYWORDS: criminal policy; punitive justice; restorative justice; alternatives to criminal prosecution; mediation.

SENINA ELENA NIKOLAEVNA – Applicant for the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines, Director of the Mediation Institute of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.

T.I. Yusifov

INFLUENCE OF EXTRAORDINARY FACTORS ON THE CONDITIONS FOR RECOGNIZING A TRANSACTION AS INVALID

ABSTRACT. The author examines modern problems of invalidating transactions. At present, there are quite a few grounds for recognizing transactions as voidable and null and void. The norms of the Civil Code of the Russian Federation do not quite clearly characterize a voidable and void transaction, and this is quite successfully used by unscrupulous counterparties of the transaction. The judicial authorities have created a significant amount of judicial practice on this issue, which cannot be systematized but used to improve legislation. It is proposed to optimize the legislation on the regulation of transactions during periods of extraordinary situations

KEYWORDS: extraordinary situation, transaction, sham and sham transaction, invalidity of transactions, RSChS regimes, restitution.

YUSIFOV TEYMUR ILGAROVICH – 2nd year master's student of full-time – part-time education of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Russian academy of advocacy and notary.

Требования к оформлению статей

1. Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию. В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого, в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах, обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. Объем статьи 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

4. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля – 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке). Затем дается транслитерация русскоязычной библиографии в соответствии с таблицей.

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
е	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

7. Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.

8. Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически, шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. в сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

10. К рукописи прилагаются:

– сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;

– почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;

– рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.

14. Автору предоставляется право получить бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. Представленные авторами статьи регистрируются, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.

18. Журнал выходит 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нота-

риата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: pkosargenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

В аннотации к статье в журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» необходимо указать актуальность темы, результаты исследования, теоретическую и практическую значимость и новизну. Объем 0,7-1 страница.

ОБРАЗЕЦ ПРИЛАГАЕТСЯ

***Аннотация.** Актуальность темы. На основе проведенного исследования автор предпринимает попытку выявить нормативный механизм, регулирующий взаимодействие хозяйствующих субъектов и разработанный государством в целях предотвращения монополизации экономической деятельности, поскольку существуют серьезные проблемы недобросовестной конкуренции, в частности, в сфере гражданской авиации, что обуславливает иной подход к исследуемой проблематике.*

Методы исследования. В ходе проведения исследования применены исторический, сравнительно-правовой, формально-догматический методы, метод комплексного анализа, статистический метод.

Результаты исследования (выводы). Научное исследование позволило выявить декларативность эффективности существующих на сегодняшний день механизмов обеспечения конституционного запрета на монополизацию отдельных видов экономической деятельности и обосновать на научной основе необходимость совершенствования нормативной базы и устранения выявленных автором недостатков, приводящих к нарушению баланса интересов различных субъектов предпринимательской деятельности в области правового регулирования гражданской авиации (коммерческих перевозок) и, как следствие, к уменьшению доступности авиационных услуг для населения.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут быть использованы в учебной литературе по конституционному и транспортному праву, а также в качестве рекомендаций для правотворческой деятельности.

Новизна. Автором предложен оригинальный подход к совершенствованию нормативного механизма осуществления конституционного запрета монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции на примере правового регулирования сферы гражданской авиации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда признанных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президенты – Губенков Сергей Юрьевич, Гурованидис Георгий Тамазович, Иоффе Михаил Леонидович.

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полужарославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro

ВНИМАНИЕ!

Российская академия адвокатуры и нотариата (РААН) объявляет прием абитуриентов на 2020-2021 учебный год в Колледж РААН на обучение по специальности 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения», квалификация «Юрист», форма обучения – очная, срок обучения – 2 года 10 месяцев на базе основного общего образования – 9 классов и 1 год 10 месяцев на базе среднего полного образования – 11 классов.

Колледж РААН создан в 2008 г., имеет бессрочную лицензию, Серия 90Л01 № 0008595 от 06 августа 2015 г.

В Колледже ведется обучение по программам среднего профессионального образования. Обучение осуществляют высококвалифицированные преподаватели с учеными степенями и званиями, а также практикующие судьи, адвокаты и нотариусы.

В Колледже успешно реализуются новые технологии, в том числе дистанционное обучение, осуществляется индивидуальный подход к каждому обучающемуся.

Прием в Колледж РААН осуществляется без вступительных испытаний.

С первого года обучения учащиеся погружаются в профессию.

Выпускники Колледжа имеют возможность продолжить обучение в РААН по программе бакалавриата по очной и очно-заочной формам обучения.

Для зачисления в Колледж в приемную комиссию представляются следующие документы:

- Заявление о приеме;
- Копия паспорта гражданина РФ (или копия паспорта гражданина другой страны);
- Копия документа об образовании и (или) квалификации;
- 6 фотографий формата 3 см x4 см (на матовой бумаге);
- Медицинская справка по форме 086-У;
- Копия Страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования (СНИЛС);
- Копия документа, подтверждающего регистрацию;
- Копия характеристики на абитуриента из школы (желательно);

Вышеперечисленные документы представляются в приемную комиссию в электронной форме.

Начало приема документов с 19 июня 2020 года.

Стоимость обучения 96 000 рублей в год.

Оплата допускается поквартально (24 000 руб.) и ежемесячно (8000 руб.).

Справки

по телефонам: +7 (495) 917-24-78 (после 31.05.2020 г.),
+7 (926) 080- 76- 87 (ответственный секретарь ПК Смирягина Римма Пантелеевна)
и эл. почте pkraan@yandex.ru

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые читатели! Продолжается подписка на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата».
Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» – 36802.

Стоимость подписного издания

один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-raa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г. Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Получатель платежа		Форма ПД-4 „Российская академия адвокатуры и нотариата”	
		ИНН 7709255964	
		ОАО „Банк ВТБ”	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН”			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Получатель платежа		Форма ПД-4 „Российская академия адвокатуры и нотариата”	
		ИНН 7709255964	
		ОАО „Банк ВТБ”	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН”			
Плательщик			R0903

ВАШ РЕАЛЬНЫЙ ШАНС СДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ АДВОКАТА И НОТАРИУСА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Лицензия № 1587 от 06 августа 2015 г. (бессрочно)

Свидетельство о государственной аккредитации серия 90А01 № 0001743 от 03 февраля 2016 г.

Председатель Президиума РААН	А.К. Исаев — первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе ФС РФ, канд. юрид. наук, доцент
Председатель Попечительского совета РААН	А.И. Александров — член Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юрид. наук, профессор
Президент	Г.Г. Черемных — вице-президент Гильдии российских адвокатов, действительный член (академик) РААН, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор
Вице-президенты:	А.П. Галоганов — президент Федерального союза адвокатов России, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН К.А. Корсик — президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры нотариата РААН
Ректор	Г.Б. Мирзоев — президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Направление подготовки	Уровень образования / квалификация	Профили, магистерские программы, программы подготовки кадров высшей квалификации
40.02.01 <i>Право и организация социального обеспечения</i>	Среднее специальное / Юрист	
Форма обучения: Очная, Очно-заочная, Заочная		
40.03.01 <i>Юриспруденция</i>	Высшее / Бакалавр	Правозащитная деятельность Гражданско-правовой Уголовно-правовой Нотариальная деятельность
Форма обучения: Очная, Очно-заочная, Заочная		
40.04.01 <i>Юриспруденция</i>	Высшее / Магистр	Адвокатская и нотариальная деятельность, адвокат и адвокатская деятельность, корпоративный юрист, нотариус и нотариальная деятельность, юрист в сфере противодействия преступности, Правовое сопровождение сделок с недвижимостью, Юридическая конфликтология и медиация
Форма обучения: Очная, Очно-заочная, Заочная		
40.06.01 <i>Юриспруденция</i>	Высшее — подготовка кадров высшей квалификации / Исследователь. Преподаватель-исследователь	12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.
		12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
		12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.
		12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
Форма обучения: Очная, Заочная		

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	Повышение квалификации адвокатов	
	Повышение квалификации нотариусов	
	Институт судебных представителей	Подготовка претендентов на приобретение статуса адвоката
	Медиация	

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Адрес: 105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1

Проезд: ст. м. «Курская», «Чкаловская» (10 минут пешком)

Тел. +7-495-917-24-78, факс +7-495-917-30-67. Адрес сайта: www.raa.ru, e-mail: pkraan@yandex.ru

Ежедневно принимаются заявки от членов адвокатских и нотариальных палат, представителей причастных к адвокатуре и нотариату профессий на прохождение обучения на Высших курсах повышения квалификации адвокатов и нотариусов. Слушатели курсов обеспечиваются учебной и методической литературой.

Начальник Учебно-методического отдела — Ю.Н. Богданова, тел.: +7-495-917-05-83.

Ответственный секретарь приемной комиссии — Р.П. Смирягина, тел.: +7-495-917-24-78.

Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ — С.И. Володина, тел.: +7-495-916-33-01.

Высшие курсы повышения квалификации нотариусов РФ — Н.Н. Тоцкий, тел.: +7-495-917-36-80.

Институт судебных представителей — Ю.Ю. Федотова, тел.: +7-495-917-53-91, +7-909-697-58-41.

Институт медиации — Е.Н. Сенина, тел.: +7-909-218-07-97.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда призванных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президенты: Губенков Сергей Юрьевич, Гурованидис Георгий Тамазович, Иоффе Михаил Леонидович.

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro